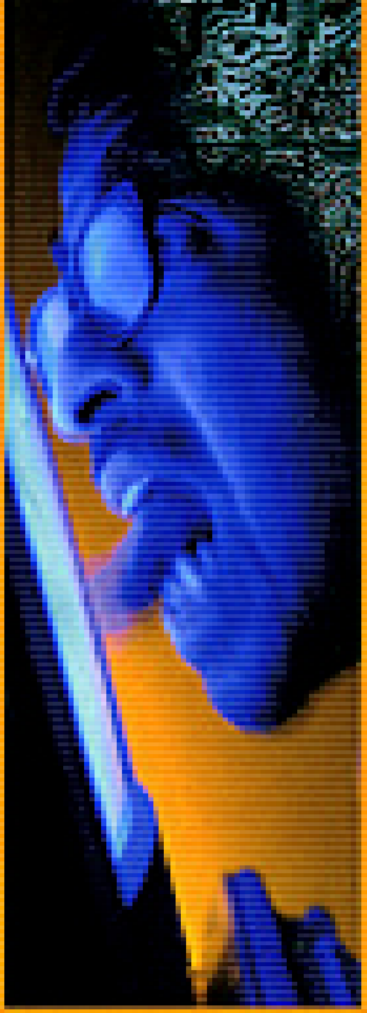

Саймон Логан

Ой!

Последний перевод Ильи Кормильцева

Альтернатива
Фантастика

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Саймон Логан — виртуоз в искусстве создания мрачных апокалипсических мирков в небольшом пространстве рассказа, «i-o» — его первый сборник в жанре industrial, состоит из одиннадцати рассказов, в которых автор исследует обитателей футуристических свалок и заброшенных заводов — неудачных гибридов машин и людей, обретших душу. Выбор у этих существ невелик: либо продолжать жесткую борьбу за выживание в первобытно-техногенном мире, либо пойти на запчасти после мучительной смерти в контейнере с кислотой… Искусное сочетание бурной фантазии, стилистики игры «Doom» и черного юмора сделало автора культовым среди поклонников как киберготики, так и классической научной фантастики.

- Саймон Логан
  - Призма: механизация и деконструкция красоты
  - Коаксиальное существо [там наверху]
  - Нетадеталь
  - Вспышка
  - Зародышевые камеры
  - Техника пульсирующего разряда
  - Барокамера
  - Вроде насекомых
  - Расстройство чувств
  - Запустение
  - Кровеобмен

Саймон Логан
i-o

Призма: механизация и деконструкция красоты

Я обнаружил ее в моей мастерской. Конструкция из осколков, обломков и фрагментов. Куски фар, лобовых стекол, часовых циферблатов. Все вместе они — все это нагромождение стекляшек — образовывали фигуру, ничего подобного которой я никогда не видел. Потому что, несмотря на то, что она состояла из сплошных граней, словно гигантский бриллиант, поверхность ее была в высшей степени гладкой — совсем не такой, как у большинства из нас.

Она была заключена в клубке металлолома, в переплетении жеваной стали. Моя работа состояла именно в том, чтобы распутывать подобные клубки.

Именно этим мы здесь и занимаемся — я и другие инженеры.

Из-за того, что мы такими появлялись на свет, — с конечностями и лицами, снабженными резаками и крошечными приспособлениями для шлифовки и полировки — в наши обязанности входило обработать и подготовить старое железо, чтобы его можно было соединить с новым. Бесконечный поток утиля проходил через наши клыки и когти, а затем его забирали гигантские грузовики, больше похожие на танки, и доставляли на следующий этап производства.

Из-за того, что мы такими появлялись на свет. Из-за того, что я таким появился на свет — слегка дефективный продукт сборочного конвейера матери-природы, — мне приходилось существовать, влача прикрепленный к спине скобами ржавый кислородный баллон. Трубки, обвивавшие мое тело, подавали в него очищенный химический элемент, которым мое тело не могло снабдить себя самостоятельно. Толстая черная трубка выходила из баллона и разделялась на две трубки потоньше, одна из которых входила в мою шею пониже затылка, а вторая соединялась с пластиковой маской, закрывавшей мне рот и нос. Маска пожелтела от времени, и десятки вредных химических веществ просачивались через нее, так что воздух, которым я дышал, всегда сильно попахивал серной кислотой.

Из-за этой моей особенности я работал в одиночку во времянке, сложенной из ржавых листов железа и стоявшей на задах свалки металлолома — подальше от моих собратьев. Из-за этой моей особенности я только издалека прислушивался к их крикам и звукам, производимым их механизмами. Из-за этой моей особенности я никогда толком не спал, потому что

дыхательный аппарат не позволял мне принять удобное положение. Из-за этой моей особенности я чувствовал себя счастливым, поскольку мое внешнее уродство удачно дополняло уродство внутреннее и вынуждало моих собратьев сторониться меня. Сторониться до поры до времени.

Поэтому, обнаружив ее внутри смятого комка металла, среди сплетения проводов, я извлек ее оттуда, словно алмаз из куска пустой породы, и ощутил прилив блаженства. Никто, кроме меня, не подозревал о ее существовании. Она не обладала никакими поддающимися описанию характерными чертами, поэтому составить представление о ней можно было только косвенно — по тому, как покрывавшие ее копоть и ржавчина рядом с ней сами начинали казаться прекрасными. К тому же она была покрыта машинным маслом и слоем молочно-серой твердой смазки, которую я тут же принялся поспешно удалять.

Ее блеск казался нереальным. Я никогда прежде не видел ничего подобного.

Завыла сирена, возвещая конец смены, — она выла так громко, что дребезжали кучи ржавого металла, которыми была усеяна свалка. Я поспешно прикрыл мою находку куском брезента, пропустив крюки, вделанные в цементный пол, через металлические кольца в нем, чтобы обезопасить ее от чужих глаз.

Затем я приготовился к худшему.

Подойдя к окну времянки, я увидел, что мои собратья уже сбились в кучку неподалеку. Они выползали из-за составленных в пирамиды кузовов автомобилей, возникали из люков, ведущих в утробу свалки, словно опаленные дочерна огнем печей чудовищные фениксы, или же спускались с огромной высоты по лестницам-времянкам, уходившим в небо так высоко, что глаза теряли их из виду.

В том месте, где моя маска сочленялась со шлангом, слышалось какое-то бульканье: участившееся сердцебиение привело к увеличению расхода кислорода. Провода, отходившие от баллона, щекотали мою кожу.

Перед времянкой тем временем столпилось уже не менее двадцати пяти рабочих; все они слегка отличались друг от друга, но в целом разница между ними была невелика. Сплошные вариации на тему тех или иных дефектов сборки.

Некоторые частично сняли с себя одежду, выставив напоказ испещренную шрамами и нашпигованную металлом плоть. Другие обильно поливали себя машинным маслом, обмениваясь шуточками с соседями. Они явно к чему-то готовились.

Затем я заметил, что трое из них направились ко мне, — эта троица давно была мне знакома, ее участники постоянно

пытались втянуть меня в свои поединки. Я предполагаю, что им, наверное, до смерти хотелось посмотреть на то, как будет драться инвалид. Наверняка, они даже собирались делать ставки за и против меня. Судя по всему, они не теряли надежды, что рано или поздно я наконец соглашусь, — и если им не повезет заработать на самом бое, то хотя бы удастся выиграть пари на предмет моего участия в поединке.

Внезапно я вспомнил о том, что у меня за спиной лежит она — большая, завернутая в брезент и сверкающая так сильно, что блеск ее вот-вот просочится через грубое полотно. Я испуганно обернулся.

Они не должны найти ее ни в коем случае.

Поэтому, прежде чем они успели добраться до моей времянки, я снял замки с цепей, отделявших меня от них, а их — от меня. Я распахнул дверь, когда они были от нее не более чем в трех шагах, посеяв в их рядах немалое смятение.

Волнение прокатилось по рядам рабочих, когда они поняли, что сегодня вечером в ритуале ожидаются непредвиденные изменения. Обычно они насмехались надо мной за толстой алюминиевой дверью или под одним из закопченных окон времянки. Я и так-то нечасто покидал свое жилище — тем более при таком столпотворении вокруг.

Я смотрел через полуоткрытую дверь на неподвижно застывшую троицу.

В течение какого-то мгновения стояла абсолютная тишина, если не считать приглушенного шума работающих машин, доносившегося с соседних свалок. Рабочие смотрели на меня, на мое лицо, черты которого искажала маска.

Один из троицы обернулся и вопросительно посмотрел на собравшуюся толпу.

Я начал жалеть о том, что открыл дверь: я хотел удержать их подальше от моей находки, а добился того, что своим необычным поведением только возбудил их любопытство. Мы все были детьми конвейера — жизнь наша представляла собой постоянное и бесконечное повторение одинаковых ситуаций. Так мы существовали.

И вот повторение нарушилось.

— Пойдешь с нами сегодня? — спросил рабочий, возглавлявший трио, пытаясь вернуть происходящее в рамки традиционного сценария. Его мускулистые плечи были обнажены, обе руки заканчивались парой мясистых клещей, усеянных мелкими металлическими зубчиками. Он стоял, широко расставив ноги, подошвы его башмаков глубоко ушли в мягкую пыль, покрывавшую землю на территории свалки.

Из пневматического клапана на боковой стороне моего дыхательного аппарата с шипением вырвалась струя пара.

Я покачал головой.

Последовала непродолжительная пауза, затем в задних рядах кто-то захохотал, затем смех, распространившись, словно эпидемия, охватил всю собравшуюся толпу. Они смеялись надо мной. Они смеялись над трусом, который отказывается драться, — и от облегчения, что восстановился привычный ход вещей.

Рабочий, который задал мне вопрос, угрожающе наклонил голову, продемонстрировав покрывавшую его череп свежую металлическую пластину — возможно, последствие вчерашнего поединка.

Я попытался взглянуть им в глаза, но, как всегда, не сумел и, отведя взгляд, принялся рассматривать землю у себя под ногами. Впрочем, краешком глаза я заметил, что троица поплелась восвояси и, как только послышались первые удары металла о металл, вернулся в свое жилище.

Очутившись внутри, я лишился сил. Мой дыхательный аппарат сердито свистел от избыточной нагрузки. Под его весом я рухнул на холодный пол и заснул в объятиях забвения — единственного существа, которое когда-либо разделяло со мной сон.

Через некоторое время я очнулся. В той части города, где расположена наша свалка, разница между ночью и днем не слишком заметна: густой черный дым, извергаемый нами, висит в небе такими густыми клубами, что становится для нас родным, словно материнские объятия. Поэтому наша работа служит для нас единственным способом следить за прохождением времени.

Хотя большинство вечером отправляется на площадку для боев, ремонтники возвращаются на рабочие места первыми, потому что обслуживание машин происходит именно в перерывах между сменами. Остальные же рабочие отдыхают в казармах, а затем ежедневный цикл, похожий на змею, вцепившуюся в собственный хвост, начинается снова, и настает время для работы.

Я никогда не сплю; по большей части я смотрю в единственное окно времянки на странные узоры, которые дым, вырывающийся из труб, рисует на бескрайнем, огромном черном небе, на котором звезды кажутся просто заклепками.

Но этой ночью, перед тем как начать смотреть в окно, я сначала проверил мою Призму — именно такое имя для нее бессознательно родилось в моем мозгу, — потому что меня

терзал бессмысленный панический страх; я боялся, что она исчезнет, когда я проснусь. Я прикоснулся к брезентовому полотнищу, покрывавшему ее, почти уверенный в том, что обнаружу под ним пустоту.

Мои гидравлические легкие зашипели от облегчения, когда я нащупал Призму под полотном. Я откинул полотнище с того угла, где находилась выпуклость, которая, если бы речь шла о человеке, могла бы называться грудью. Словно зачарованный я смотрел на нее, а она сверкала в ответ, словно ведя со мной беседу при помощи бликов и отражений. У нее были тысяча граней, тысяча лиц, отражавших окружавшее нас убожество, но не повторявших его, а, напротив, каким-то волшебным образом делавших мир прекраснее и совершеннее. В одной из граней отражалось мое лицо, и черты его больше не были изуродованы дыхательным аппаратом; оно было ничем не хуже других, обычных лиц — даже лучше. Я пошевелил челюстью, и отражение повторило это движение вслед за мной.

Я почувствовал желание наклониться и прижаться губами к Призме, но тут мои глаза заметили еще одно отраженное лицо. Быстро обернувшись, я успел заметить тень, мелькнувшую в окне времянки. Торопливо я снова укрыл Призму полотнищем и, для большей надежности, загородил ее старым штамповочным станком, который некогда использовался для чеканки монет.

Выглянув, я увидел за стеклом несколько инженеров, бродивших среди металлолома, время от времени пробуя на зуб ржавую стальную платину или кусок колючей проволоки. Я чувствовал, что им очень хочется посмотреть в мою сторону; это было видно по тому, как отчаянно они делали вид, что этого им совсем не хочется. В их движениях было что-то от насекомых.

Я видел, как любопытство гложет их. Они знали, что я припрятал что-то интересное.

Я им никогда ее не отдам.

Так продолжалось изо дня в день.

Каждую минуту мне нестерпимо хотелось посмотреть на Призму, чтобы убедиться в том, что я действительно нашел ее, но с каждым днем я все больше и больше боялся сделать это, опасаясь, что, снедаемые любопытством, мои собратья ворвутся в этот миг в мою времянку. Не раз я заставал кого-нибудь из них за подглядыванием в окно, и с каждым разом становилось все труднее удерживать их на расстоянии, когда приходило время поединков. Теперь мне начало казаться, что они вызывают меня на драку лишь для того, чтобы выманить наружу и получить ответ

на основной волновавший их вопрос.

А именно — почему я веду себя так странно.

В одну из ночей они сумели выманить меня из времянки на большее расстояние, чем обычно, завладев моим вниманием, и тогда змееподобное существо, занимавшееся чисткой дымовых труб, чуть было не проскользнуло в дверь у меня за спиной. Я с силой захлопнул дверь, слегка прищемив при этом его чешуйчатую плоть, на что толпа отреагировала громкими криками и принялась швыряться в стены моей времянки чем ни попадя.

Вскоре после этого я заделал окно куском листового железа, намертво приклепав его к стенке времянки, — я больше не хотел их видеть.

На следующий вечер, когда они начали стучать в дверь, я им просто не ответил. И на второй вечер тоже.

Теперь я стал скрываться внутри, днем занимаясь, как обычно, работой, а вечерами прислушиваясь к отдаленным звукам драки. Лязг металла, стоны и крики боли. Хруст, скрежет, треск рвущейся ткани. Пока они сражались, я нежно гладил Призму, лежавшую под ее грубым покровом, а вскоре я начал попросту заползать под брезент и прижиматься к ней в маслянистом ночном мраке.

Она научила меня красоте, о существовании которой я прежде не подозревал. В гранях ее лица отражались все возможности, все вариации. Виды живых существ: каждый столь же уникален, как и другой. Дали заоблачные. Она научила меня чуду существования.

В благодарность за это я драил ее и чистил. Я ласкал ее словно влюбленный и запоминал каждую ее грань. Я знал на ощупь ее форму: она научила меня самосовершенствованию.

Она искрилась для меня одного.

Затем все чаще и чаще стали выдаваться вечера, когда мои собратья вместо того, чтобы сражаться друг с другом на пыльной арене, вымещали свою ярость на моем вагончике. Они молотили куликами по его тонким металлическим стенам, кричали и вопили, скребли по ржавчине скрюченными пальцами. Крыша прогибалась под их весом, когда они забирались на нее. Они даже пробовали грызть лист стали, которым я заделал окно.

А меня все равно тянуло к беспредельному сиянию Призмы. Теперь я дерзко отваживался на несколько мгновений стянуть с нее покров, позволяя ей озарить своим сиянием времянку, чтобы уничтожить хотя бы малое количество мерзости, наполнявшей мое жилище. Возможно, я даже надеялся на то, что этот блеск отпугнет моих врагов или даже преобразит их так же, как

преображались их отражения в ее гранях. Но ни того ни другого не произошло.

Хотя мне иногда казалось, что не понятно, кто из нас кого охраняет.

Но мне было отпущено немного времени: оно таяло у меня на глазах, расплываясь, словно пятно, перед моими подслеповатыми глазами. Воздух, которым я дышал, начинал отдавать ржавчиной: судя по всему, баллоны у меня за плечами были близки к истощению, и их вскоре следовало заменить. Мои собратья, очевидно, знали это не хуже меня, потому что баллоны заменяли и у меня и у других всегда в строгом соответствии с графиком, — именно поэтому вечерами они совсем перестали тревожить меня. Вместо этого они, словно шакалы, шастали вокруг времянки, так что я слышал только их перешептывание и осторожные шаги.

Поэтому и они, и я напряженно ждали наступления следующей смены, во время которой и должны были заменить баллоны. Тем вечером я нежно поцеловал Призму в каждую из ее граней.

Я предчувствовал этот миг на протяжении уже многих смен.

Я стоял за дверью моей времянки, слегка прижав уродливые ладони к ее холодной поверхности, и прислушивался к подозрительному затишью, наступившему снаружи. Я тщательно укрыл Призму и забаррикадировал подступы к ней тяжелыми предметами, прекрасно понимая, что все это не поможет. Три метра на три — вот и вся моя времянка; на такой площади вряд ли можно что-нибудь спрятать.

Я снял засовы и, выждав минуту, чуть-чуть приоткрыл дверь. Снаружи было довольно светло; резкий свет городских фонарей отражался от низких облаков. Ветер крутил по земле крошечные пылевые смерчи. Я внимательно огляделся вокруг, но повсюду, насколько хватало взгляда, не было и следа новых баллонов.

Я уже чувствовал покалывание в легких, виски ломило от плохого кровоснабжения. Все мои мышцы были вялыми и малоподвижными.

Я приоткрыл дверь пошире, увидел новый баллон, который лежал на утоптанной пыли, и тут же заметил одного из моих противников, который сидел на корточках возле кучи старой арматуры. Баллон лежал прямо посреди их дурацкого ринга. Я даже видел, что во-круг моих новых лёгких валяются отдельные части тел, оторванные в ходе поединков. На земле виднелись следы — они тащили баллоны волоком, чтобы переместить их подальше от моего жилища.

Я не знал наверняка, в состоянии ли я преодолеть такое

расстояние.

Я даже не был уверен, стоит ли пытаться сделать это.

Возможно, мне просто предстоит умереть, отражаясь в гранях Призмы. Возможно, я бессмертен, пока отражаюсь в них. Возможно, сам этот мир длится, только пока он отражается в ее гранях.

Затем я заметил какое-то движение, и на площадке появились остальные. Стекла в защитных очках, которые носят сварщики, бросали блики света.

Они готовились к этому моменту ничуть не меньше меня.

Они медленно выползали на открытое пространство — паукообразные, сверкающие металлическим блеском твари. Тщательно следя за моей реакцией. Некоторые из них пытливо вглядывались в темноту за дверью, пытаясь догадаться, что я прячу в своем жилище.

Им не суждено узнать, как совершенна Призма и как она опасна в своем совершенстве.

Я и сам не познал до конца все ее тайны. Наверняка, она отразила бы для меня еще много удивительных вещей, если бы у меня было больше времени. Возможно, мне даже удалось бы придумать, как вытащить ее из времянки, чтобы она смогла отражать больше вещей. Она явно не исчерпала всех своих возможностей. Я закрыл дверь за собой и впервые за много дней оказался на открытом воздухе. Воздух этот, впрочем, был настолько загрязнен, что от контакта с ним чесалась кожа, а легкие коробились. Я откашлялся в литую пластмассовую маску, прикрывавшую мой рот, и почувствовал, что падаю в обморок, по все же удержался на ногах. Осторожно, сопровождаемый взглядами сотен глаз, я сделал первый шаг.

В ответ они тоже двинулись мне навстречу, подгибая свои мощные, как у сверчков, задние ноги, словно собирались одним прыжком преодолеть расстояние, отделявшее их от меня, от времянки и от спрятанной в ней беспредельной красоты.

Я продолжал подбираться к баллону, глядя то на него, то на кучи мусора вокруг и на скрывавшихся за ними противников. Я чувствовал, как они копошатся у меня за спиной, но знал, что они еще не добрались до двери. Сделав еще несколько шагов, я почувствовал какую-то опасность у себя за спиной и инстинктивно обернулся.

Сухой, колючий пар вырвался из моего дыхательного аппарата — это было последнее усилие, на которое он оказался способен. Ноги мои задрожали, подкосились, и я рухнул на землю. В рядах наступающих наступило оживление, которое прекратилось, как только я сумел подняться на колени. Они

прятались за пределами моего поля зрения, так что я не слышал ничего, кроме ритмического лязга, который производили их изуродованные тела. Они вились вокруг меня, словно стервятники вокруг падали.

Нет, мне не удастся дойти до баллона.

Я попытался обернуться, потому что в тот момент я мог думать только о Призме — о том, что она осталась там, одинокая и беззащитная, но они уже спешили в мою сторону, так что я пополз к баллону на четвереньках, надеясь на то, что успею схватить его и присоединить к шлангу, прежде чем они доберутся до моего сокровища.

Пыль и песок вились вокруг, и я начал задыхаться от нехватки кислорода. В этот миг я понял, что мог бы сделать больше для нее, если бы не отсиживался за дверями в тупом бездействии. Возможно, мне удалось бы прорыть тоннель в мягкой почве под времянкой и сбежать вместе с Призмой. Что-нибудь я бы обязательно да придумал.

Я лежал, распластанный на земле, протянув ноги к времянке, а руки — к баллону, словно боязливо переплывал быстрый поток, опасаясь, что стоит мне отдалиться от берега, как стремнина унесет меня прочь. И тут я коснулся баллона руками, и надежда вновь ожила в моем сердце. Противники подползали все ближе и ближе ко мне, по-прежнему не отваживаясь на штурм времянки, хотя некоторые из них находились уже совсем неподалеку от ее дверей.

Я выдернул шланг из старого баллона за плечами трясущимися, бессильными руками и попытался присоединить его к новому. Разъем вошел в паз, раздался щелчок. Я ожидал, что сейчас мои легкие наполнит поток чистого, неразбавленного кислорода, который позволит мне встать и вернуться к Призме, но вместо этого в горло мое ворвалось что-то отвратительно пахнущее и жгучее, разрывающее каждую клетку моего тела, и я понял, что газ в баллоне был отравлен моими врагами.

К жизни меня вернул гул огромной турбины. Я очнулся и сплюнул сгусток кроваво-черной слюны. Все мое тело болело так, словно его погрузили в чан с кислотой, словно яд сжег все мои сосуды, проник в голову и растворил мозг. Несмотря на туман в голове, я сообразил, что кто-то отсоединил меня от дыхательного аппарата и что теперь я дышал тем самым загазованным воздухом, который отвергал мой организм. Одновременно я вспомнил, что таким громким звуком на свалке обладала только турбина, приводившая в движение дробилку.

Слезы лились из моих глаз и тут чьи-то руки подхватили меня и перевернули на спину. Я увидел, что надо мной

склонились несколько инженеров, и прочитал ненависть и ревность в их глазах. У меня над головой пронеслась стрела огромного пневматического крана, всегда работавшего в паре с дробилкой, и глаза мои ослепил блеск, который сам кран не мог произвести ни в коем случае. Так блестеть могла только одна вещь на свете.

У меня за спиной я услышал скрежет металла. Это сносили мою времянку

Я беззвучно завыл от боли, гнева и бессилия, в то время как они заставляли меня смотреть, как Призма медленно исчезает в утробе дробилки.

С конвейера она сошла и на конвейер вернулась.

Я слышал, как она раскалывалась на куски, с ужасом понимая, что звук, с которым она гибла, был похож на долгий, несмолкающий стон.

Только глубокой ночью (хотя настоящей ночи у нас никогда не бывает), когда клубы ядовитых газов слегка развеиваются, я выхожу на поверхность из ямы, в которой я сейчас работаю. Она накрыта крышкой с люком, через который я выбираюсь наружу. Они соорудили ее для меня из обломков моей времянки.

Они, мои собратья, больше не тревожат меня. Почему — я и сам не знаю.

Возможно, они поняли, что жестокость их поступка оказалась гораздо большей, чем они полагали вначале. Возможно, они до сих пор слышат ее стоны, раздающиеся, когда фонари зажигают свои огни.

Мое тело уже вполне оправилось от травмы, пережитой той ночью. Но мой рассудок оказался не столь крепким.

Теперь, когда я дышу, я чувствую шрамы на внутренней поверхности моих легких. Я знаю, что они сделали со мной и с нею.

Никем не стесняемый, я брожу глубокой ночью по протянувшейся на многие мили свалке.

Я ищу ее среди мусора, среди обломков, среди камней. Среди разбитых фар и расколотых лобовых стекол. Битых бутылок и оконных стекол. Хромированных пластин и колпаков от автомобильных колес.

Я вглядываюсь каждую ночь в тысячи пустых, одноцветных отражений.

Они пустили ее на переработку. Смешали с сырьем. Она существует теперь в иной форме.

Но они не в силах полностью разрушить ее.

Она где-то здесь, неподалеку. Она нарушает монотонную бесконечность потока продукции, которую мы укладываем в

грузовики, которые доставляют наши изделия заказчикам. С гордостью я понимаю, что теперь она передает свое знание не только мне, но и тысячам других.

Но мне так ее не хватает.

Однажды я найду ее вновь, если только она не найдет меня раньше.

Коаксиальное существо [там наверху]

Здесь на вершине опор ЛЭП я живу с постоянным треском статического разряда в ушах.

Сеть электрических подстанций и соединяющих их телеметрических линий и силовых кабелей раскинулась высоко в небе над городом, словно коаксиальная паутина, сплетенная гигантским механическим пауком. Если это так, то я и мои коллеги-инженеры — всего лишь мухи, попавшиеся в эту паутину.

Приближалось время очередного импульса перенапряжения (они производились в строгом соответствии с графиком по команде атомных часов, но большинство из нас в этом вопросе по-прежнему полагались на свое шестое чувство), поэтому нам полагалось свернуть все работы и направиться в ближайшее убежище-изолятор.

Система постоянно находилась под статическим напряжением, но от него мы были надежно защищены диэлектрическими костюмами и перчатками. Однако во время импульса, когда разряд в несколько сот тысяч вольт проносился по силовым проводам яростным и стремительным потоком, нам приходилось укрываться в шарах из вулканизированной резины, в каждом из которых помещалось по одному человеку. Шары эти были размещены примерно на равных расстояниях между опорами ЛЭП и телеметрическими вышками и походили на коконы из неприятно пахнущего латекса.

Телеметрические линии разбегались на десятки миль во всех направлениях, сплетение тончайших шин толщиной в лист бумаги, труб футового сечения и спиралей из покрытого пластиком стекловолокна, подвешенных к вышкам на металлических растяжках. В сотнях, а иногда и в тысячах футов под ними лежал Рейкьявик — скопление бетонных уродцев, многоэтажных домов, небоскребов, покрытых копотью и заразой, и жирных черных вен транспортных артерий, струящихся между ними. Мы же были так высоко, так близко к серому, как сталь, небу, что, казалось, стоит нам только пожелать — и мы коснемся рукой легких, как газ, облаков.

Я полз вдоль далеко протянувшегося щупальца из пучка металлических труб, пристегнувшись к нему тяжелой металлической цепью, соединенной с поясом. Это была простая предосторожность: мы, инженеры-высотники, почти никогда не теряем равновесия. Вдалеке виднелись мои коллеги, которые

ползли по другим отросткам разветвленной телеметрической сети ради минутного отдыха внутри вулканизированных маток.

Наконец я добрался до убежища-изолятора, расположенного в развилке телеметрической вышки на высоте восьмисот футов над землей, разодрал руками края лаза, словно открытую рану, и вполз внутрь, на ходу отстегивая страховочный пояс.

Только тут, в багровом полумраке резинового чрева, мы начинали понимать, при каком шуме нам постоянно приходилось работать. Высотные ветры скребли и царапали по металлу опор, гудели силовые провода, статические разряды стрекотали беспрерывным белым шумом, — мы так привыкли ко всем этим звукам, что почти уже их не замечали. Пока, разумеется, не погружались в ватную тишину наших резиновых убежищ.

До импульса оставалось меньше минуты. Часто я находил внутри убежищ следы пребывания моих предшественников — недоеденную пищу, бутылки с водой, неисправный инструмент или мешочек с электрической арматурой, — но на этот раз в убежище было пусто. В углу мерцал экран маленького черно-белого телевизора, который по непонятной причине имелся внутри каждого убежища. Я скинул рюкзак и открыл его. До импульса оставалось тридцать секунд. В этот момент всем полагалось уже находиться внутри. Каким-то образом мы всегда умудрялись находить вовремя пустой резиновый шар и никогда не укрывались в убежищах вдвоем — по крайней мере, я никогда не попадал в подобную ситуацию с тех пор, как семь лет назад покинул Низковольтье. Между нами существовала какая-то необычная связь, не нуждавшаяся ни в тренировке, ни в осознании и возникшая, очевидно, вследствие совместного нахождения на этой высоте, и мы не нуждались в контакте в обычном понимании, чтобы сделать эту связь физически ощутимой или укрепить ее.

Из рюкзака я извлек устройство, которое мастерил уже на протяжении нескольких месяцев. У меня ушло немало времени на то, чтобы найти все необходимые детали в редких на этой высоте свалках механических отходов, так что я совсем недавно закончил работать над ним. Устройство это было плодом любопытства, которое терзало меня с первых дней работы на ЛЭП, и которое, как мне было известно, было иногда не чуждо и другим работникам…

Любопытство это питалось желанием увидеть провода и трубы в тот миг, когда импульс проходит по ним — увидеть мир Высоковольтья окутанным голубой вуалью электрического импульса в один и две десятых мегавольт.

Мы не могли выглянуть из убежища даже в щелочку, чтобы

посмотреть на это собственными глазами. Стоило приоткрыть хотя бы чуть-чуть резиновый клапан убежища, как чудовищная энергия ворвалась бы внутрь. Я только однажды видел, чем кончаются подобные попытки, — это было, когда мы вынимали из убежища обугленную нижнюю половину человеческого тела. Верхняя половина, оставшаяся снаружи, превратилась в углеродную пыль и осыпалась на крыши домов в Низковольтье.

Вот почему я изготовил на основе сварочных очков это устройство. Надев его, я увидел размытое изображение окружающего мира сквозь толстые красные резиновые стенки убежища. Систему зеркал и УФ-преобразователей я встроил непосредственно в очки, а не поместившаяся внутрь электрическая схема болталась сбоку, прикрепленная к дужке куском изоленты. Это было грубо сработанное, неудобное изобретение — после нескольких минут пребывания в нем я практически слеп на пару часов, — но результат того стоил: дарованная немногим возможность лицезреть лики божеств и вирусов, явленные в белой короне статического разряда.

До импульса оставалось десять секунд, поэтому я поспешил надеть очки. Они все время сползали набок, так что мне приходилось придерживать их, одновременно уткнувшись лицом в красную резину. Мой пульс отсчитывал мгновения до импульса, кровь стучалась в виски ударами шаманского бубна.

И вот ураган энергии взорвался вулканическим извержением чистейшего бело-голубого пламени, однородного, с рваными краями, неистовство, которое опалило провода и изоляторы, перекатилось через резиновые пузыри, внутри которых прятались мы, и на какие-то мгновения разорвало небо пополам. Я смотрел на все это словно через облако мутного тумана, достраивая в воображении красоту этого зрелища, и думал о том, как прекрасно, что именно статический разряд однажды спас меня в минуту, когда я усомнился в своем решении покинуть Низковольтье.

В сполохах света я видел очертания моих коллег, съежившихся в своих резиновых пузырях, видел далекие города в сотнях миль отсюда, видел сверкание статических разрядов, материализовавшееся в воздухе, словно облако конфетти из алюминиевой фольги. А потом в сумеречном свечении импульса перенапряжения я увидел, как нечто стремительно промчалось вдоль широкой металлической в нескольких сотнях метров от меня. Это нечто высветилось на миг в электрическом зареве, и мне удалось разглядеть что-то вроде окружающих его многочисленных ножек, после чего внезапно наступили тишина и мрак.

Я остался на месте, оцепеневший, незрячий. Остаточное изображение того, что видели мои глаза, впечаталось в мою сетчатку, и я боялся пошевелиться именно потому, что мне казалось, оно может осыпаться от моих движений. Я прокручивал видение в мозгу снова и снова, пытаясь понять, что оно могло бы значить.

Через несколько секунд лиловый отпечаток поблек, и я тяжело опустился на пол, бормоча себе под нос что-то бессвязное, пытаясь разгадать явленную мне тайну

[низковольтье]

Мир-основа, Рейкьявик внизу. Плотные асфальтовые мостовые, проложенные по плотной земле. То, на что опираются здания, то, на что опираются пневматические амортизаторы, установленные в основах опор ЛЭП и телеметрических башен. Там атмосфера плотна, насыщена смогом и химикатами. Там люди передвигаются плотной, черной, вязкой, как желе, толпой. Там мертвы все чувства, кроме холодного и твердого, как броня, чувства отчуждения. Там яды, соки похоти и неглубокие могилы.

[высоковольтье]

В вышине среди макушек опор, среди проводов и электрических приборов. Где телевизионные передатчики излучают с такой мощностью, что при правильном освещении их излучение можно разглядеть невооруженным взглядом. Где никогда не веет тихий ветерок, а только дуют ураганные ветры. Где по высокочастотным шинам мчатся цифровые гармоники и где царит мертвящий холод. Где можно скрыться от оцепенения человеческого общества и выйти на новый уровень существования.

Как-то ночью, когда небо было сплошь затянуто плотным слоем серых облаков и казалось пятнистым, в заплатках, бетонным колпаком, накрывшим весь мир, я вновь увидел коаксиальное существо. Со дня того импульса миновало четверо суток, и за это время я уже переместился на периферию телеметрической сети — туда, где кабели меньше в диаметре, а картинки на экранах телевизоров совсем размытые. В этот момент как раз шел повторный показ старой американской телеигры, но сопровождавший изображение звук полностью тонул в шуме ветра и в треске искр, летевших из моего сварочного аппарата. Пестрый пиджак ведущего казался помехой на черно-белом, пришедшем в смятение от такого количества цветов кинескопе, для передачи которых он не располагал подходящими

средствами.

Я наблюдал за экраном с расстояния, занимаясь одновременно починкой поврежденного кабеля. Новый импульс медленно приближался к нам, возвещая о себе заполнившим воздух запахом горелых автомобильных покрышек. Я думал о страшной находке, сделанной нами той ночью, — о разорванном в клочья резиновом изоляторе, о теле, насаженном на острый разрядник, — и вновь укрепился в решении не рассказывать моим коллегам об увиденном.

В конце концов, я и сам толком не знаю, что мне удалось увидеть, — убеждал я сам себя.

Скорее всего, мое восприятие было искажено очками — вот к какому убеждению я постепенно пришел.

Потрескивание статики внезапно стихло; вокруг меня шумел только скребущий поверхность металла холодный высотный ветер. Я выключил сварочный аппарат и с трудом сдержал желание обернуться.

Стальные балки скрипели под собственным весом. Где-то лениво зашипел пневматический клапан.

Я почувствовал какое-то движение и чуть не обернулся.

Но тут же мимолетное ощущение угасло, статические разряды застрекотали вновь, и я услышал голос ведущего телеигры и звонок, возвещавший о победе. На экране воздушные шарики посыпались на приплясывающую от счастья женщину. Ведущий улыбнулся в камеру, и его пиджак замельтешил павлиньим хвостом на экране.

Через полчаса я уже сидел внутри резинового пузыря. В последнее время инженеры забирались в них гораздо проворнее. Прошлым вечером я даже увидел стычку между двумя работниками, которые одновременно устремились к одному и тому же убежищу.

Я съежился в уголке и принялся грызть рисовые крекеры. Очки соблазнительно лежали поверх моего рюкзака, и, жуя, я время от времени бросал на них взгляды.

Внезапно стенки резиновой утробы заколыхались, возвещая приближение импульса, и ушам стало больно от оглушительного рева. Молнии как бичи хлестали по оранжево-красным стенкам убежища; на этот раз они почему-то казались более опасными, чем обычно, более хищными.

Как только начался электрический шторм, я перестал жевать. Когда начинается такое, инстинктивно замираешь, посвящая всецело свое внимание происходящему.

И все же я заставил себя схватить очки, хотя в голове у меня в

этот момент не вертелось ни единой осознанной мысли. Неловко я натянул их, зная, что электрический вал с мгновения на мгновение схлынет и я упущу свой шанс снова увидеть… что именно?

Я поправил ремешок и замер в нерешительности в нескольких дюймах от стенки убежища. С той ночи я не видел ничего необычного. Никто из работников больше не пропадал, но нас здесь были сотни, и мы знали в лицо далеко не всех. Если мы не увидим мертвого тела, то мы даже и не заподозрим, что кто-то исчез. Откуда я, собственно говоря, знаю: может, среди нас уже не достает многих?

Я прижал лицо к резине и щелкнул рычажком, расположенным на дужке очков. Прибор включился с легким жужжанием. Линзы показывали мне наружный мир, слегка изменяя в нем все цвета и формы, так что у меня с первой же секунды начинало мутиться в голове от необычно гипертрофированного восприятия, причем с прошествием времени дурнота только усиливалась.

Я видел ярко-красные раны шаровых молний, парящие между опорами, словно бродячие светила, вырывая снопы искр из кабельных подвесок. Небо было подсвечено кроваво-лиловым, цвета мертвецкой крови заревом, словно задник китайского театра, на фоне которого плясали гигантские марионетки — переплетение стальных ферм, балок и тросов, лес мертвых металлоконструкций. И тут тень, паукообразная тень тридцати футов в диаметре, высвеченная на какую-то миллисекунду стробоскопическим светом молний, метнулась по высокочастотной шине, легко, словно паря в воздухе, перепрыгнула с одной опоры на другую, задержалась на мгновение, словно оглянувшись, — и тут же исчезла.

Снова дышать я начал только минутой позднее, когда импульс давно уже миновал.

Мы нашли еще два мертвых тела, и с этого все и началось.

Мы, которые, как предполагалось, не ведаем страха, обитая на высоте многих сотен футов над бетоном городов среди миллионов вольт электрической энергии, — мы испугались.

Я обнаружил, что мои коллеги начали собираться в маленькие группки, чтобы работать поближе друг к другу. Стоило кому-нибудь куда-то отлучиться, как все сразу же начинали беспокоиться, хотя раньше они просто решили бы, что исчезнувший перешел работать на новый участок. Начали анализировать и вспоминать прошлое, всех тех, кто пропал (как думали раньше — просто вернулся обратно в Низковольтье) или

погиб (как думали раньше — неосторожно оставшись снаружи во время импульса).

«Как давно оно среди нас? — вопрошали они. — Что ему от нас нужно?»

Я по-прежнему никому не рассказывал о том, что видел, о том, что знал. Я держался особняком от коллег под предлогом большой загруженности, особенно когда они собирались, чтобы побеседовать на эти темы, нарочно затягивая свою работу подольше.

В отличие от меня они даже не знали, как оно выглядит.

Они думали, что все дело в увеличившемся напряжении импульса или в каком-то злобном электронном вирусе-божестве, вырвавшемся на свободу, чтобы свести нас с ума. Они не подозревали о существовании огромной многоногой твари, которая сверкала и искрилась, стремительно и грациозно передвигаясь в рассеченном проводами небе, словно гигантский спрут, вынырнувший из темных глубин океана.

Я видел ее теперь повсюду.

Отчасти дело было в воображении, отчасти в поврежденной сетчатке, но существо видится мне в любом сплетении проводов и металла, на которое падает мой взгляд. Оно оборачивается то боковиной телеметрической вышки (три толстых черных кабеля — вме-сто конечностей, стоящая под углом балка — вместо тела), то бухтами кабеля забытой рабочими на площадке опоры. Оно — это та невнятная тень, что всегда таится в уголке твоего глаза.

Существо преследовало меня.

Как-то ночью мне приснилось, что я падаю, и я проснулся в холодном поту, не вполне понимая, что это — следствие испуга или восторга. Я падал, металлические поверхности проносились мимо меня со скоростью триста миль в час, а я летел в струях дождя словно бабочка, постепенно сужая круги, направляясь в Низковольтье — туда, где мчится поток машин, горят огни круглосуточных заправок и мерцающая неоновая эмблема первого исландского Макдоналдса.

Отстегивая страховочную Цепь от распорки, к которой я пристегнулся часом раньше, я замечаю, как осторожно стали передвигаться мои коллеги, как они постоянно оглядываются, а время от времени даже пристально смотрят на меня — как будто догадываются.

Вероятно, они все-таки заметили, что все это время я не принимал участия в бурных обсуждениях странных происшествий. Может, они и впрямь подозревают, что я что-то знаю? Или хуже того — они полагают, что я каким-то образом

связан со всеми этими странными смертями и исчезновениями?

Четыре работника уже вернулись в Низковольтье — событие неслыханное, если учесть, что срок их контракта еще не истек. Они попросту спустились вниз, перебираясь с опоры на опору, пока не превратились в такие же черные точки, как и все люди там, внизу.

Две ночи тому назад я заметил, как небольшая группа инженеров медленно приближается к моему рабочему месту. Я неспешно (чтобы они не подумали, будто я избегаю их общества) взобрался на самую верхушку башни, на которой я работал, затем заполз на какой-то пучок кабелей, прогнувшийся под моим весом, и сделал вид, что продолжаю работать. Какое-то время они наблюдали за мной с приличного расстояния, а затем убрались восвояси.

Не знаю уж, что они стали бы делать, если бы подошли ко мне ближе, но я внезапно начал сильно беспокоиться по поводу моей безопасности и безопасности моего рюкзака. Я боялся, что они найдут внутри рюкзака очки и сочтут их доказательствам моей вины; я даже намеревался выбросить их, но не решился.

Меня зачаровало зрелище пылающих небес, я был одержим выслеживавшим нас странным существом. Несмотря на риск, я все-таки не выбросил очки. Но иногда я нуждался во сне. Со времени моего последнего отдыха уже прошло две недели, и я не мог больше ждать. Я забрался так далеко от остальных, как только смог, и решил заснуть на час (этого мне бы хватило еще на неделю бодрствования). Спать дольше было опасно — за это время меня могли выследить.

И тем не менее это случилось — случилось, когда я бодрствовал, в тот момент, когда я заменял магнит, установленный в одном из телеэкранов, которые они каким-то образом умудрились установить по соседству от меня. Они обступили меня кольцом, отчего мне сразу вспомнилась паутина — конструкция, состоящая, как известно, из сужающихся концентрических окружностей. А вспомнив о паутине, я тут же вспомнил и о существе.

Я попытался ускользнуть, но на этот раз они следовали за мной неотступно, постоянно сокращая дистанцию. Воздух той ночью был необычно теплым, он окутывал меня, мои руки в перчатках стали мокрыми и липкими. Тут я заметил, что еще одна группа спускается сверху, — и застыл на месте.

Было ясно, что они все продумали заранее. Я посмотрел вниз, через стальные переплетения, из которых состоял наш мир, на крохотный серо-черный город вдали, напоминавший унылую картину, нарисованную больным маниакально-депрессивным

синдромом. Начал накрапывать легкий дождичек — россыпь серебряных капель-пуль, с каждой из которых можно было при желании проделать весь путь вниз, до самого бетона крыш.

Воспоминания о страхе перед падением в Низковольтье переполнили мой мозг, вздрогнувший за опухшими, покрасневшими глазными яблоками. Я моргнул, чтобы стряхнуть с ресниц слезу (глаза все время были у меня влажными — очевидно, в результате воздействия очков).

Тем временем их становилось все больше и больше. Они медленно приближались ко мне.

Сбросят ли они меня вниз, если решат, что я повинен в гибели их товарищей? Разумеется.

Я прислонился спиной к широкой трубе, чтобы не поскользнуться на влажной поверхности металла.

Я должен рассказать им, я должен рассказать им все, что я знаю.

Они резко остановились, когда от ближайшего из них меня отделяло уже не больше тридцати футов. Я почувствовал, что над головой у меня висит уже целый рой этих насекомообразных людей. Некоторые из них почему-то втягивали ноздрями воздух. Внезапно яркий сполох рассек воздух слева от меня, и я понял, почему они это делали.

От волнения я и не заметил, что приближается время очередного импульса.

На какое-то мгновение мои противники застыли в нерешительности, раздираемые между желанием наброситься на меня и инстинктом самосохранения, призывающим их укрыться в убежищах. Когда шел дождь, это приобретало особенное значение, потому что электропроводность влажного воздуха была намного выше и импульс достигал нашего участка гораздо раньше.

Затем один за другим они попятились назад.

Но я знал, что в следующий раз мне вряд ли так подфартит.

Даже внутри убежища я чувствовал, что на этот раз импульс будет сильнее обычного. Теплый воздух, дождь — все это повышало проводимость.

Я уже больше не задавался вопросом, надевать мне очки или нет, — они были у меня на лице с того самого момента, как я закрыл за собой резиновый клапан, и мои глаза тут же радостно окунулись в привычное им изображение в инвертированном спектре. Сердце мое все еще часто билось после недавнего столкновения; я опасался, что после окончания электрической бури они повторят свою попытку.

Похоже, они убедили сами себя в том, что я опасен для них, и все же, несмотря ни на что, я не мог даже на миг допустить мысли, что выдам им мою тайну. Я созерцал каждую ночь Многоцветие Рая — я не мог позволить им лишить меня этой возможности.

Электронное сирокко зашуршало по стенкам моего пузыря, молнии рассекали воздух, словно лезвия гильотин под звуки мощного техногенного гула, который становился все громче и громче с каждым мигом, словно отсчитывая время, оставшееся до светопреставления. Несмотря на то что пузырь все время раскачивался, я неотступно вглядывался в ярящееся небо, смотрел, как голубые волны энергии прокатываются вдоль кабелей и труб, лаская и дразня их.

А затем черная тень коаксиального существа возникла на горизонте в нескольких милях от меня; мерцающий хищник стремительно мчался, словно гигантский ополоумевший краб, и я понял, что он мчится прямо на меня! У меня перехватило дыхание, я потерял его из виду и теперь отчаянно пытался отыскать его вновь среди теней и металлических хребтин телеметрических вышек.

Вот оно мелькнуло опять, ближе и правее, зависло над соседним убежищем.

Я увидел очертания его обитателя, беспокойно ворочающегося внутри.

Внезапно какая-то сила разорвала резиновый пузырь, который тут же судорожно заколыхался под воздействием ворвавшейся внутрь чудовищной энергии.

Затем тень существа скользнула туда, где сплетение кабелей было гуще, и исчезла из моего поля зрения. Я метнулся к другой стенке моего приюта, очки чуть было не свалились у меня с головы, и мне пришлось придерживать их в том месте, где порвалась стягивающая их изолента.

Вспышка

Мрак

Вспышка

Я пытался расшифровать то, что видел, но все сливалось в моих глазах в какое-то механическое спагетти, усеянное огненно-красными пустулами.

Вспышка

Я засек его, я его увидел.

Совсем близко. И вновь далеко и намного выше, легко порхающее в воздухе с одного массива металлоконструкций на другой.

Вспышка

Я следил за этим существом на протяжении нескольких недель, пытаясь разгадать, в чье лицо мне удалось заглянуть — бога или безумия. Оно хватало нас одного за другим и низвергало нас обратно, вниз, в Низковольтье, потому что на небесах мы были чужаками, мы были захватчиками.

Я следил за ним…

А оно — оно сейчас следило за мной.

Вспышка

Оно зависло над моим убежищем.

Черное паукообразное тело. Тонкие, как у креветки, конечности обвили мой пузырь, толстое, мясистое туловище легло прямо на вершину резиновой сферы.

Время остановилось для нас на какой-то миг.

В полумраке я видел, как шевелится его голова; существо склонило голову на сторону, не переставая все крепче и крепче обвивать эластичными, словно щупальца, конечностями резиновый шар.

Я слышал его дыхание, ровное и басовитое. Импульс приближался к завершению.

Я заглянул существу прямо в глаза.

Вскоре мои товарищи начнут вылезать из своих убежищ.

Мои глаза саднило от увиденного. Я ждал, что скоро стану добычей существа, потому что оно продолжало сдавливать мое убежище все сильней и сильней.

Затем вспышка прорезала воздух и раздался какой-то визг. Это был звук лопающейся резины — убежище лопнуло, и горячий влажный воздух ворвался внутрь, отбросив меня к дальней стенке. Я увидел восемь суставчатых конечностей, мелькнувших в воздухе, и сжался, ожидая испепеляющего электрического удара, но все вокруг было спокойно. Воздух пах гарью. Прохождение импульса завершилось в положенное время.

Я лежал, прислонившись к ржавой трубе; с обеих сторон от меня разверзлась пропасть глубиною в восемьсот футов. Капли дождя и пота струились по моему лицу.

Я заглянул в глаза коаксиальному существу и понял, что никогда еще не был так близко к смерти, как сейчас. Существо шевелило жвалами, по обе стороны его морды торчали в стороны какие-то отростки, похожие не то на кости, не то на пневматические цилиндры. Кожа, обтягивавшая череп, потрескивала от бегающих по ней искр.

А затем оно бросилось на меня, широко разинув пасть, и мне ничего не оставалось, как только откинуться назад, слетев с трубы, и упасть в холодный, пустой, пронизанный статическими полями воздух.

Я помню лица некоторых моих товарищей, мимо которых я пролетал, задевая в падении растяжки, сворачивая на лету нерабочие разрядники, а коаксиальное существо гналось за мной, пока его конечности не застряли в решетчатой платформе, мимо которой я благополучно пролетел.

А еще я помню, как приятно чистый воздух холодил мне кожу.

Теперь я снова живу в Низковольтье, но легче мне не стало.

Я чувствовал себя чужим в этом месте перед тем, как отправился в Высоковольтье, и за время моего отсутствия более родным оно мне не стало. Я все никак не могу привыкнуть к земле под ногами.

Я по-прежнему ношу страховочный пояс. Цепь бесполезно болтается у меня между ног, когда я иду по улице. На заброшенном складе, который я приспособил себе под жилье, я пристегиваюсь к потолку на время сна и болтаюсь в десяти футах над полом.

Я хожу в толпе среди обывателей, постоянно болтающих с кем-то по мобильным телефонам, тащащихся куда-то с ноутбуками в руках, и мне кажется, что я проплываю сквозь этих людей, не задевая их. Я здесь чужой.

Когда бы я ни посмотрел на небо, оно мерцает, и я знаю — это потому, что там, в вышине, существует целый мир из металла, который некогда был моим домом. А время от времени я замечаю проносящуюся по небосводу тень — огромную, насекомообразную, — но не вижу того, кто ее отбрасывает, и понимаю, что здесь, на земле, я нахожусь в гораздо большей безопасности.

Я мечтаю о возвращении в Высоковольтье — но это только мечты.

Оно отвергло меня, как прежде отвергло меня Низковольтье, так что я обречен жить между двумя мирами.

Я наполнил склад телевизорами, чтобы они создавали привычный мне постоянный треск статических разрядов. Я сплю в подвешенном состоянии по часу раз в две недели. Большую часть времени я брожу по городу, собирая различный электронный лом и изготовляя из него кое-как работающие устройства или индустриальные скульптуры.

Как-то ночью я начал взбираться на опору ЛЭП, ведущую к коаксиальной сети, но, взобравшись всего лишь на сотню футов, оглянулся и остановился.

Я по-прежнему ношу сварочные очки.

И лик божества навсегда врезался в сетчатку моих глаз.

Нетадеталь

› я художник
› и в то же время механик
› я рабочий
› и в то же время раб
› я мертв
› и в то же время жив
› я нетадеталь

Давным-давно я догадался, что повторяющийся орнамент, нанесенный на бесконечную металлическую ленту конвейера, скользящую у меня перед глазами, придуман для того, чтобы гипнотизировать. Когда конвейер движется, к его неприятному скрежету привыкаешь, и он перестает казаться таким уж неприятным — как грубые слова, сказанные шепотом, вовсе не кажутся грубыми.

Орнамент не действует, если смотришь прямо на него. Он колышется перед твоим взором, заполняя визуальный хаос, возникающий в промежутках между загрузками, когда внезапно на какое-то время детали перестают поступать на линию. Но когда конвейер несет на себе свои влажные, мясистые дары, орнамент оживает. С мрачной настойчивостью, словно кровавый фонтан, брызжущий из перерубленной топором шеи, его пульсация окутывает тебя легким, как пух, мороком, и ты впадаешь в транс. Еще на один день.

Мы даже не замечаем, когда это случается с нами. Я пребывал бы в неведении, как и все остальные, если бы несколько месяцев назад у меня не случилась закупорка сосуда.

› бессмысленные проволочные сплетения, колючая проволока, протянутая
› через мои артерии, затем кровотеченье
› отрывистые судороги, отторжение собственных биожидкостей
› я упал замертво на фабричный пол
› и пролежал там несколько часов
› пока меня не обнаружил надзиратель, на планшетке
› прикрепленной к его груди — жирный крест
› там, где на схеме — мое рабочее место

Я смутно помню свое возвращение к жизни, а также те монтажные столы и приборы, которые мои собратья использовали

для того, чтобы спасти меня. Металлические спицы в моих ногах и набор гидравлических клапанов, прикрепленных к моим вискам для того, чтобы спускать пар, когда давление становилось слишком большим.

Мелкие модификации.

Время от времени им подвергается каждый из нас, но только теперь я начал задаваться вопросом, какая из них изменила меня сильнее — ржавая стальная маска, приваренная к моему лицу, или же то, что я успел увидеть за секунду до падения на пузырчатый бетонный пол — послание, зашифрованное в кажущемся случайным узоре, выгравированном на металлической ленте.

Обычно изучение узора прерывает прибытие очередной заготовки: красного, влажного кома, из которого торчат несколько трубчатых выступов.

И тогда я, точно так же, как проделывал это уже тысячу восемьсот семьдесят шесть раз до этого, лезу в карман моего пластикового фартука, достаю оттуда маленькую полую трубку и приподнимаю на лежащей передо мной заготовке слой плоти, словно это какая-то странная луковица. Затем я засовываю трубку в образовавшуюся щель и отпускаю слой, который упруго возвращается на место.

Я не знаю, что случается с заготовкой на следующем этапе, не знаю и того, каким операциям она подвергается на предыдущих стадиях. С каждой стороны от меня возвышается металлическая переборка, так что мне не видно ничего, кроме глухой кирпичной стены по другую сторону конвейера и ржавого лестничного пролета у меня за спиной. Но я могу слышать других рабочих. Хотя их заглушают шипение пневматики и пронзительный скрип огромных смазанных маслом шестерней, приводящих в действие непостижимые для нас устройства, я все равно слышу их.

Они кричат.

Я смотрю на плывущую по конвейеру заготовку только что подвергнувшуюся модификации/ апгрейду/ обезличиванию. Она слегка задерживается перед тем, как нырнуть в отверстие с зазубренными краями, и я вижу, как она на мгновение вздрагивает.

Затем ее ухватывает какая-то ржавая клешня, высунувшаяся со стороны соседнего рабочего места, зазубренные пальцы плотно сжимают ее, так что на ленту из заготовки выдавливается какая-то жижа, а затем она исчезает вместе со своей добычей.

И вот снова ничто не отвлекает меня от рассматривания узора на ленте, и я равнодушно вглядываюсь в него.

Я слегка наклоняюсь вперед, чувствую какое-то дребезжание

за глазными яблоками и как вскипает во мне кровь.

Я чувствую, как крохотные гидравлические насосы, пристроившиеся на моих висках, приходят в движение, неохотно, со скрипом, сдвигаются с места. Узор скользит у меня перед глазами, и я, как никогда прежде, уверен, что он распадается на отдельные символы.

Я прикасаюсь к ленте, провожу моими утомленными, покрытыми шрамами пальцами по его причудливым изгибам и гипнотическим завиткам и начинаю понимать их значение.

Пар внезапно вырывается из лотка слева от меня, и это застигает меня врасплох, хотя подача заготовок происходит с той же ритмической регулярностью, как и работа всех окружающих меня механизмов.

Я отдергиваю пальцы от ленты и протягиваю руку за следующей заготовкой, в то время как моя вторая рука уже извлекает очередную трубочку из покрытого пятнами и надорванного кармана на моем фартуке. Но из облака пара ничего не появляется.

Я пытаюсь нащупать заготовку, заранее предвкушая ее влажную теплоту, но когда облако пара развеивается, лента пуста.

Часы соскочили с ритма, на шестерне пробуксовал зубец.

Я снова протягиваю руку туда, где должна появиться заготовка, где она всегда появлялась раньше и всегда будет появляться, потому что я не умею делать ничего другого. Я умею делать только это.

Но опять не нахожу ничего, кроме пустоты.

Я утираю пот со лба и поворачиваюсь к металлической лестнице, которая ведет в мою комнату отдыха.

Детали машины, которые видны сквозь металлическое кружево стен, продолжают вращаться как ни в чем не бывало. То, что их движения всегда повторяются, внушает в меня уверенность, и я спрашиваю у них, моих повелителей, моих работодателей, что мне делать теперь.

Но они безмолвствуют.

Я поворачиваюсь обратно к конвейеру и обнаруживаю, что узор на нем уже не так хаотичен, как прежде.

Я снова тянусь к месту, где должна быть заготовка, но мои пальцы хватают горячий, липкий воздух.

В моей голове опять стучит все сильней и сильней. Клапаны сердито скребут мой череп.

Затем струя пара вновь вырывается из лотка точно в положенное время, и глухой удар возвещает о прибытии новой заготовки.

Не размышляя (потому что именно этому мы научены) я беру заготовку, извлекаю трубку из кармана, приподнимаю слой и помещаю туда трубку.

Затем на мгновение я замираю, изучая заготовку, но она ничем не отличается от тех, что я видел до нее, от тех, что я увижу после нее. И все же она совершенно другая.

Мгновение спустя я уже кладу заготовку обратно на ленту и наблюдаю, как механическая клешня появляется в проеме и хватает ее.

Ритм конвейера восстановлен.

Но даже сейчас я не могу забыть то, что заполняло пустоту на месте отсутствовавшей заготовки. Страх. Паника. Беспорядок. Надзиратели, мечущиеся как сумасшедшие, пытаясь умиротворить машину, восстановить ее сердечный ритм.

Но только какое-то время спустя я понял, что именно это и было написано на металле конвейерной ленты.

Мой сон, такой же ритмичный, как волнообразный гул фабрики, из которого состоял весь мой мир, был прерван посторонним звуком — посторонним, потому что источником его была не машина, не сталь и не страдание.

Я открыл глаза, не пошевельнув головой, и стал смотреть на детали машины, которые вращались и двигались на стенах фабрики, обеспечивая равномерность процесса производства. За скрежетом шестеренок я различил звук — тот самый звук, что разбудил меня. Мягкий, влажный — звук органического происхождения.

Я непроизвольно поджал губы и подумал о течи из лопнувших труб пневмосистемы. Я подумал об изложнице, с которой на бетонный пол, словно ядовитое молоко из материнской груди, капает зеленоватый конденсат. Я перебрал все простейшие объяснения существованию этого звука, не желая признавать очевидное — этот звук был для меня совершенно новым и незнакомым.

Звук повторился, громкий и влажный, и я понял, что он раздается из-под моей собственной кровати.

Схватившись за ржавый шест, который предохранял меня ночью от падения, я перегнулся через край и вгляделся в полоску темноты шириной в полфута. Там что-то поблескивало.

И снова я бросил взгляд на детали машины, пытаясь добиться от них ответа или объяснения.

Зубчатые шестерни вращались. Клапаны спускали пар. Вентили извергали газ и молочно-белые струи пара.

Они не могли дать мне ответа.

Неуверенно вздохнув, я запустил руку под кровать и извлек оттуда что-то маленькое, теплое и влажное. Ухватив покрепче, я поднял это что-то поближе к тусклым лучам света, которые сочились сквозь решетку заменявшую мне потолок. Это была заготовка, идентичная тем, что прибывали ко мне по конвейеру. Такая же, как все те, что я получал до того, такая же, как все те, что я буду получать вечно.

Такая же — и в то же время совсем другая.

Внутри этой выпуклой красной массы ощущалось какое-то отличие, которое, как и рисунок на ленте конвейера, намекало мне на существование иных возможностей, хотя я не смог бы объяснить, в чем именно они заключались.

На альтернативу.

Я посмотрел вверх, на решетки, заменявшие потолок, сквозь которые я часто мог наблюдать толстые, как колонны, ноги надзирателей, важно расхаживавших с планшетками на груди, но теперь там было темно и пусто. Это, впрочем, меня даже несколько успокоило.

Из заготовки высовывалась трубка — такая же, как те, что я прикреплял на своем рабочем месте, — но с крышечкой на конце и двумя крошечными поперечными перекладинами с каждой стороны. Я никогда прежде не видел ничего подобного.

Стоило мне закрыть глаза (может, я еще не вполне проснулся, а может быть, давали себя знать последствия закупорки сосуда), как я видел ползущую вдаль ленту конвейера, покрытую узором. Это была инфекция, и она стремительно распространялась.

Я повернул стоявшую передо мной заготовку, в то время как призрачный узор продолжал разворачиваться перед моим взором, и тут что-то произошло. Я изменил ход процесса, и хотя это (как и все, что происходило вокруг меня) было задумано не мной самим, я испытал некоторое удовлетворение, что обнаружил тайную связь между отдельными частями машины.

Я отполз по холодному полу в угол комнаты, где, как и везде на нашей фабрике, валялись куски металлического лома и детали различных механизмов, которые другие механизмы роняли в самых разных местах, словно ящерицы, отбрасывающие хвост, или живые существа, отторгающие больные ткани. Рабочие периодически сметали этот мусор в углы, откуда другие рабочие, которые занимались не самим производством, а обеспечением производства всем необходимым, время от времени скидывали их в гигантские мусорные баки. Но до ближайшего их визита в мою каморку еще оставалось три смены, а куча обломков в углу была уже довольно большой.

Кроме того, в последнее время беспорядок на фабрике был

гораздо заметнее, чем обычно.

Я порылся в куче и извлек оттуда фрагмент маленькой шестеренки — полукруг, усеянный рядом маленьких острых зубчиков. Я удивился новизне своих переживаний.

В моей голове происходили вещи, которые явно не должны были происходить там, и я чувствовал, что не в моих силах остановить их. Очевидно, таково желание машин, решил я, потому что никаким другим способом мне не удавалось объяснить теплую волну, разлившуюся по моему затылку и задней части шеи.

Образы возникали у меня перед глазами. Основой для них служил рисунок на ленте, по-прежнему струившийся у меня перед глазами; мои руки немедленно воплощали эти образы в реальность, стыкуя металл с металлом, вставляя стержни в отверстия, совершенствуя заготовку, которая исчезла с ленты транспортера у меня на глазах за смену до этого, чтобы обнаружиться под моей кроватью среди мотков проволоки, оплавленных медных шариков и мятых полос алюминия.

В ушах у меня приглушенно звучал шум моего рабочего места на конвейере — шипение, скрежет, вибрация, стук капель, визг искр, — мои руки, подчиняясь этим звукам, включали их в процесс. В моей памяти всплывала кирпичная стена за конвейером, ненадежные ступеньки, ведущие вверх, тревожная тень решетки, заменявшей потолок, струи сжатого пара, вырывавшиеся наружу, и сполохи красного пламени, скрытого ими. И эти инструкции тоже воспринимались моими руками и воплощались в металл.

Я дышал тяжело и часто. Я чувствовал себя абсолютно отделенным от своего тела, а клапаны, вделанные в мой череп, срабатывали через нерегулярные промежутки времени, снижая давление.

И вот в руках у меня оказалось что-то совершенно новое, что-то размером с небольшую человеческую голову, ощетинившееся выведенными наружу проводами, изогнутыми болтами и сломанным литьем. Кровь струилась из многочисленных порезов на моих пальцах. Пот лился рекой со лба.

Предмет, который я держал в руках, был практически шарообразным.

Детали, составлявшие его, образовывали нечто похожее на лицо, которое, казалось, ухмылялось мне.

Я вращал мое изделие в руках, потрясенный тем, что оно совершенно не походило на обычную продукцию нашей сборочной линии. Однако хорошо знакомая мне трубка, торчащая из-под слоя обугленной марли, была по-прежнему заметна, и ее

измененная оконечность еще отчетливее бросалась в глаза.

С крышечкой на конце и двумя крошечными поперечными перекладинами с каждой стороны.

Я провел рукой по стене передо мной и через ярд или два наткнулся на маленькую щель, расположенную чуть-чуть выше уровня глаз. Я приблизил к ней глаза и тщательно изучил ее. Затем поднял всю конструкцию и приложил ее к стене. Трубка идеально вошла в отверстие неправильной формы. Что-то щелкнуло, когда я повернул изделие, и перекладины совместились с соответствующими узлами, скрытыми внутри переполненной механикой стены.

Я оставил висеть изделие на стене и опустился на занемевшие от долгого стояния на цыпочках ноги.

Вокруг нас механизмы продолжали трудиться, как ни в чем не бывало.

Мое изделие, несмотря на всю свою нелепость, смотрелось так, словно ему всегда полагалось быть там. Некоторое время спустя оно начало вращаться — сначала неуверенно и рывками, но затем вращение его стало быстрым и ровным.

Оно вкручивалось в стену в такт с движениями всех остальных машин.

Озноб пробежал у меня по спине от того, чему я стал свидетелем, но тут я услышал отдаленный звук шагов, ступающих по решетке у меня над головой, поспешил обратно к своей кровати, лег и прикрылся ворохом грязных и рваных простыней. Я продолжал следить за тем, как новорожденный механизм интегрируется со стеной. Тем временем шаги приближались, и я почувствовал, что надзиратель уже совсем близко.

Устройство покачнулось, дернулось и растаяло внутри стены.

Оно исчезло в тот самый момент, когда тень надзирателя скользнула по моему лицу.

Я закрыл глаза и лежал так до тех пор, пока шаги надзирателя не затихли совсем, и еще некоторое время после этого, вслушиваясь в то, как мое творение прокладывает себе путь внутри сплетения механизмов, пока не уснул.

› время в этом месте измеряется в сменах
› потому что ими отмеряются наши жизни
› блоки существования, расставленные так, чтобы сборочный конвейер
› не останавливался ни на миг

Когда наступила моя следующая смена, мои глаза резко открылись, я встал и спустился по шатким ступенькам, ведущим к

моему рабочему месту. И в тот же миг я понял, что что-то не в порядке. Металл вокруг меня был холоден и неподвижен, не встречал меня, как обычно, приветливым теплом, а его сочленения не скрипели под давлением сжатого воздуха в пневмосистеме. Лента конвейера двигалась как обычно, но она никогда и не останавливалась — независимо от того, находился ли я на своем рабочем месте или нет, потому что оно никогда не пустовало.

Я стоял в недоумении, не зная, что мне делать дальше.

И тут с ужасающим скрипом одна из секций решетки-потолка начала опускаться. Из-за ее ржавых прутьев появился надзиратель. Его необычайно длинные ноги дотянулись до самого пола, так что ему даже не пришлось спрыгивать. Удлинители берцовых костей убирались в то время, когда в них не было необходимости, в специальные гнезда, расположенные внутри его бедер. Коснувшись пола, надзиратель выпустил под углом два сверкающих цилиндра из нижней части спины. Полы длинной шинели обвивались вокруг его тела, словно крылья жужелицы, планшетка была прикреплена к груди несколькими неаккуратными швами, края которых загноились.

Его ротовое устройство шевелилось, и он показывал мне какой-то текст, прикрепленный к планшетке.

Документ был напечатан очень мелким шрифтом, и я не смог его прочитать, но мне хватило крупного, жирного заголовка, чтобы все понять.

ПРИКАЗ О ПЕРЕВОДЕ

Надзиратель протянул руку ко мне, когтистые пальцы вцепились в мою робу и он закинул меня к себе на широкий, с высоким хребтом загривок, чтобы поднять меня к отверстию в потолке, потому что другого пути наружу отсюда не было. Поднимаясь к потолку, я успел заметить, как другой рабочий в фартуке с кармашком, уже заполненным трубками, занимает мое место.

На вид он ничем не отличался от меня.

Меня провели по лазу, пролегавшему в перекрытиях между этажами, по которому обычно перемещались надзиратели. Я проходил над клетушками рабочих, и каждый поднимал вверх глаза, вглядывался через прутья решетки и снова принимался за выполнение поставленной ему задачи, и я начал различать в их действиях последовательность, зашифрованную в символах, нанесенных на конвейерную ленту, понимать процесс, ради которого мы существовали.

Я заметил, что все то, что я видел, и все то, что я слышал,

выстраивалось в последовательность, которая, как мне было известно, не предусматривалась программой. Я почувствовал, что начинаю сходить с ума.

Прошло три смены на новом месте, а я так и не пытался выяснить, с чем связан мой перевод, потому что все равно знать это мне было не положено. Однако, стоя перед лентой, я теперь постоянно чувствовал, как у меня странно сосет под ложечкой. Переборка, отделявшая меня от остальных отсеков машины, была намного прочнее, чем на прежнем рабочем месте. Она была гладкой и сплошной, а стена по другую сторону ленты была сделана из того же самого материала, так что я был изолирован со всех сторон. И хотя звуки, издаваемые механикой и пневмосистемой, по-прежнему доносились из-за нее, они звучали приглушенно и невнятно, сплошным гулом, и это по какой-то непонятной причине очень огорчало меня. Судя по всему, такая конструкция больше подходила для выполняемой мной теперь задачи, поскольку никакой другой причины для подобных различий не приходило мне в голову.

В конечном итоге все служило исключительно целям производства.

Слева от меня отверстие в переборке закрывали три прикрепленных к переборке пластиковых щитка. Когда заготовка поступала на мой участок, они приподнимались, пропуская ее ко мне. Заготовки теперь были больше и чище, чем те алые обрубки, с которыми я работал раньше, у них было больше углов и изгибов, причем среди них не попадалось ни деформированных, ни уродливых экземпляров. Я не мог сказать, работаю ли я теперь на более позднем этапе производства, ближе к готовому изделию, или же, наоборот, в самом начале, когда демонтаж исходного сырья еще не зашел достаточно далеко.

Моя задача сводилась к отбору тех заготовок, которые вели себя пассивно.

Я должен был смотреть, как они проплывают мимо меня по транспортеру, и отбраковывать те, которые пытаются перевернуться на бок.

Этого, впрочем, никогда не случалось, потому что вес и форма заготовок были такими, что лежать на ленте они могли только в одной жестко определенной позиции, поэтому я просто хватался руками за отделявшую меня от ленты металлическую трубу и то сжимал, то разжимал пальцы — просто так, чтобы хоть чем-то занять себя. Пальцы у меня странно зудели от желания что-нибудь хватать, поворачивать и сминать. Сначала я подозревал, что это просто остатки предыдущей программы, но

потом начал подозревать, что дело обстоит гораздо сложнее. Желание это, впрочем, в новой обстановке быстро начало слабеть, и я проводил время, в основном размышляя об устройстве, родившемся на свет в моих руках, гадая о том, что с ним могло случиться — было ли оно поглощено большой машиной, превратившись в одну из ее частей, или продолжало эволюционировать самостоятельно, постепенно усложняясь.

Я как и прежде изучал узор на ленте конвейера смена за сменой, но узор этот, казалось, тоже изменился, стал менее заметным и не таким сложным. Теперь он выглядел более спокойным, не таким агрессивным, а временами вообще казалось, что он не несет в себе никакой информации. Я терялся в догадках о том, что случилось. Может, со мною больше не хотят общаться? Может тех, кто посылал мне эти сообщения, заставили замолчать? Или же я только вообразил, что в символах на ленте содержатся какие-то сообщения, а сейчас наконец увидел все, как есть на самом деле?

Смены проходили одна за другой, и я почти совершенно забыл о той ночи, когда я был творцом, и вот внезапно вместо заготовки с привычной формой, которую я привык видеть каждый день у себя перед глазами, мое изделие вернулось ко мне. Теперь оно стало больше, к нему добавились несколько цепных колес и увесистый, витой механизм, окружавший и защищавший его со всех сторон, а также два каких-то выступа, похожих на конечности.

Мои руки, которые, казалось, уже совсем привыкли к тому, что отныне им придется ограничиться созерцанием, схватили устройство с конвейера, прежде чем лента унесла его в отверстие с противоположной стороны моего отсека.

Я переворачивал его со стороны на сторону, постепенно влюбляясь во все его грани, все его несовершенства, в грубость работы, в его промасленную простоту. Крошечные колесики вращались внутри него, сотни оборотов совершались одновременно. Мое сердце забилось сильней, и, впервые за долгое время, клапаны в моем черепе сработали.

Шипение пневматики в мире, практически лишенном звуков, если не считать равномерного гула фабрики, застиг меня врасплох.

Я ощупывал устройство и с каждым новым прикосновением узнавал о нем что-то новое.

› влажное холодное масло целует мои пальцы
› невидимые глазом насечки, такие острые, что режут без боли

› с легким щелчком зубец входит в зубец
› гидравлика радостно отзывается на мои прикосновения

И внезапно сообщения на ленте конвейера снова стали мне понятны, они выскальзывали из-за разделительной перегородки с новой энергией, яркие, выразительные — такие, какими я никогда их не видел раньше.

Из-за пластиковой шторки выползла одна из этих новых для меня более законченных (или менее разобранных) заготовок и, недолго размышляя, я схватил мое устройство и со всей силы обрушил его на мягкую верхнюю плоскость заготовки. Две детали состыковались с громким звуком, невероятно похожим на крик, переходящий в визг, образовав новое тождество.

Внезапная вспышка, охватившая меня, погасла, после того как я вложил все свои силы в это последнее движение, соединившее две части в единое целое.

Клапаны отчаянно шипели сбоку от моих глазных впадин, в груди остро кололо от нехватки воздуха.

Я испытывал какое-то новое, небывалое переживание.

И как только конвейерная лента унесла устройство дальше по конвейеру, до меня начало доходить все многообразие возможностей и комбинаций, вытекающее из того, что я только что сделал. Одно простое соединение можно было заменить другим, и устройство приобретало совершенно иные свойства, становилось уникальным, каким бы незначительным ни было скрывающееся за этим отличие.

Мои руки пылали от стекавших по ним ручейков крови, изнывали от желания заполучить в свое распоряжение что-нибудь, что можно было бы насиловать и перекраивать.

Но, как только все эти грезы развеялись и растаяли в моей голове, я заметил пару глядящих на меня глаз, а ниже — шевелящееся ротовое устройство. Я заглянул во мрак за решетчатым потолком (пот струился по моему лицу, грудная клетка беспорядочно вздымалась) и с деланным удивлением взглянул надзирателям прямо в глаза.

Свет сверкнул на металле их планшеток, и надзиратели тут же растворились в темноте.

Я остался наедине с уже несколько поблекшим, но все еще энергичным узором на ленте и серым тихим одиночеством моей клетушки.

Следующая заготовка прибыла в положенное время, и я проследил за ней, как и было предусмотрено моими обязанностями.

В моей голове промелькнула тень воспоминания о том, чем

она могла бы стать.

В конце смены я спустился по рампе, которая теперь выполняла ту же функцию, что на моем прежнем рабочем месте выполняла металлическая лестница, и обернулся с головы до ног в одеяла.

Мне снилось, как я переплываю океаны ртути, преодолеваю изгороди из колючей проволоки, спускаюсь в печи, наполненные расплавленным свинцом.

Прежде я никогда не видел снов.

Вскоре я снова стоял на рабочем месте, весь дрожа от предвкушения того момента, когда появится первая заготовка, думая не о том, что сделаю с ней, а о том, что мог бы с ней сделать. Никогда мне не было так радостно и весело, как в тот день.

Я снова ухватился за протянутую передо мной трубу, постоянно сжимая и разжимая пальцы и не отрывая от конвейера широко открытых глаз.

Но что-то было не так.

Я слегка разжал хватку и наклонился вперед, поближе к ленте.

Символы продолжали скользить передо мной, но я видел, что они больны.

Они неуклюже струились тонкой струйкой, метались из стороны в сторону, гасли, исчезали прежде, чем я успевал понять, что они означают.

Я осторожно потрогал металл пальцем, и волна холода тут же прокатилась вверх по моей руке.

Я посмотрел на пластиковые шторки, осознав, что я стою здесь уже целую минуту, а ни одна заготовка так и не появилась. Первая должна была прибыть сорок пять секунд назад. Прежде я никогда не сталкивался с такими задержками.

Надо мной раздался такой звук, как будто потолок прогибался под воздействием тяжести.

Посмотрев вверх, я увидел столько надзирателей, сколько мне никогда еще не доводилось видеть за все смены вместе взятые. Склонившись так, что их планшетки образовывали нечто вроде пирамиды, они внимательно наблюдали за мной.

Я нанес оскорбление машине.

Я догадался об этом по движению их ротовых устройств.

В этот момент звук стал более отчетливым, и я понял, что это визг стальных сверл, пробуравливающих стены и пол сразу в нескольких местах; звук стал очень громким, когда показались сами сверла — металлические стержни трех дюймов в диаметре и

на глазах выраставшие в длину. С их концов хлопьями летела ржавчина, они надвигались на меня, и тут до меня дошло, что бежать некуда. Схватившись за трубу, я склонился над лентой конвейера, и тут первое из них уткнулось мне в туловище пониже лопатки.

Затем с легким стрекотанием из сверл выдвинулись вращающиеся лезвия с различной формы зубцами; коленчатые соединения удерживали их на основаниях, предоставляя при этом полную свободу движения. Одно такое лезвие впилось в мою лодыжку, и я заскрипел зубами от боли. Другое впилось в мое ахиллесово сухожилие и, разбрызгивая кровь во все стороны, перепилило его.

Предательство, совершенное мной по отношению к машине, было серьезным, и я уже и сам хотел, чтобы изобилие проектов сборки, рождавшихся в моей голове, наконец иссякло, но было уже слишком поздно. Я не мог совладать с тем, что выпустил на свободу. Пока меня демонтировали, я следил за теми, кто следил за мной сверху, и улыбнулся, потому что я понял, что они не знают, где находится мое устройство, и даже не знают, какими свойствами оно обладает, потому что его придумал я, а не они, — а разгадать мой замысел они не могли.

Я приходил в себя медленно и частями, потому что мое тело было разделено на фрагменты различного размера лезвиями, шипами, зазубренными ребрами и прочими приспособлениями, которые были привлечены в ту ночь к исполнению важной задачи — разборки меня на составные детали.

Поэтому последующее я помню отрывочно, и память моя залита потоками крови:

› кусок за куском бросают па ленту конвейера (она тоже когда-то была наказана за свое предательство)

› пластиковые шторки обвивают меня, затем уступают мне дорогу

› огромные трубы тянутся надо мной

› сотни одинаковых рабочих

› место, уставленное чанами, в которые меня скидывают и растворяют

› чаны, содержимое которых выливают на ленту конвейера

› в них остаются огромные сгустки органики, которую также отправляют на переработку

› добавляют к ней что-то

› мутация

› затем комплектация — так это у них называется

Именно тогда я постиг предназначение нашей фабрики и что представляет из себя продукция, которую мы все изготовляем, не имея о ней ни малейшего понятия.

Мы изготовляли рабочих для работы на нашей фабрике.

Пока отдельные части меня еще подвергались растворению в чанах, другие уже ползли по конвейеру, где мои товарищи по цеху распинали меня на тестовых стендах или приваривали к моему остову гидравлику. Каждый из них присоединял ко мне что-нибудь новое, один полировал меня, другой зачищал мои грани, третий смазывал мои сочленения — пока наконец я не прошел через огромное, пустое помещение, другая часть которого терялась во мраке, и не вышел из него нагим, возрожденным к новой жизни и полностью укомплектованным, если не считать одной важной детали.

Дрожа от холода, я посмотрел вперед и увидел там ту же самую толпу надзирателей, которая дала фабрике команду подвергнуть меня повторной переработке — их ноги-опоры сплетались между собой, так что надзиратели казались единым многоголовым организмом.

На бетонном полу передо мной лежала одинокая блестящая трубка.

Недостающая деталь моего механизма.

Я прикоснулся к левой стороне груди и запустил палец под мышцу: она легко приподнялась, обнажив красное, влажное отверстие, на дне которого лежало мое неподвижное сердце. Я засунул трубку в отверстие, надавив на нее кончиком пальца. И мгновение спустя мое сердце уже билось в одном ритме с пульсом фабрики.

Затем я взял из рук надзирателей робу, надел поверх нее фартук, кармашек которого был заполнен маленькими трубками.

Толпа расступилась, пропуская меня к дверям, за которыми находилась лестница с шаткими металлическими ступеньками, ведущая к моему рабочему месту Я услышал шипение пара, возвещающее о прибытии первой заготовки, и извлек из кармашка трубку.

Не оглядываясь назад, я спустился по лестнице и приступил к выполнению задачи, осознавая теперь, что возможность помыслить о других возможностях была дана мне только для того, чтобы я осознал все их безумие. Машина была идеальна, она была такой с самого начала, производственная линия функционировала бесперебойно и безупречно. Она производила производителей, бесконечный поток серийных богов, которые являлись одновременно и своими собственными творцами, и своими собственными разрушителями.

Такому совершенству не требовалось ничего свыше.

Вокруг меня раздавался равномерный гул фабрики, в механизме которой все детали снова были на своем месте.

Вспышка

Когда мы впервые встретились, мои кожа и одежда блестели от керосина, которым я облил себя. В руке я держал металлическую трубу, готовый в любой момент высечь ею искру из бетонного пола и вспыхнуть как факел. В заброшенном доке стояла мертвая тишина, если не считать плеска ядовитых волн, разбивавшихся о стальные опоры пирса, да скрипа пары-другой оставленных без присмотра машин, работавших в автоматическом режиме.

Она выступила из теней, которые отбрасывали на цементный пол гигантские остовы складов, похожие на высохшие хитиновые каркасы. Одета она была — это я понял, только познакомившись с ней ближе, — в своем обычном стиле. Ботинки на толстой подошве, проношенной до металлической основы, темно-серый комбинезон, который был ей велик как минимум на три размера (от него она использовала только брюки — верхняя половина болталась вокруг пояса, словно не до конца лопнувшая оболочка куколки). Еще белая майка на черных, спадавших с плеч бретельках с надутым по трафарету оранжевым символом радиационной опасности. Черные жирные волосы были сколоты на затылке тремя стальными шпильками, непокорные пряди свисали, обрамляя угловатое лицо. И — это главное — на этом лице застыло то самое немного насмешливое и слегка заинтересованное выражение, за которое я возненавидел ее.

Она стояла, уставившись на меня, несколько минут. Никто из нас не решался пошевелиться или заговорить первым.

Мне не терпелось чиркнуть трубой о бетон, но я знал, что не смогу это сделать в ее присутствии. Самосожжение — дело интимное.

Она же тем временем всем своим видом показывала, что никуда не торопится. Напротив, она еще дальше вышла из тени под блеклый свет, испускаемый теми немногими прожекторами, в которых еще оставались лампы. Скрестив руки на груди, она приподняла брови и снова уставилась на меня.

— Не обращай на меня внимания, — сказала она медоточивым голосом, в котором так и слышалась скрытая угроза.

Я посмотрел на трубу, потом снова на нее. Мое тело жаждало спасительного огня, по онемевшие и бесполезные руки не слушались меня.

Керосин капал с кончиков моих волос, стекал по лицу, обжигал кожу там, где она была содрана.

Она приблизилась ко мне еще на шаг.

Мои пальцы вцепились в трубу, словно давая понять, что я не отступлюсь от своего намерения.

Ее глаза сузились, и она стала всматриваться в меня еще пристальнее. Вся ее поза говорила именно то, что она озвучила несколькими секундами позже.

«Ну, давай, валяй!»

Онемение, охватившее мою руку, распространилось на грудную клетку, ноги и голову. Она собралась мне все испортить! Взглядом я умолял ее поскорее убраться восвояси.

— Ну, давай, валяй! — сказала она, слегка ухмыльнувшись при этом.

Я прижал конец трубы к полу и слегка поскреб бетон.

Она наградила меня презрительным взглядом: разве это так делают?

И тогда я почувствовал, что мне бросили вызов. Слабо или не слабо мне довести дело до конца? Конечно, не слабо! Если я не боялся топиться, прыгать без парашюта с трехсот футов, стрелять себе в висок из строительного пистолета, не говоря уже о не единожды распоротых запястьях и шее, то что тут говорить о самосожжении.

И тем не менее я ничего не мог с собой поделать. Разница была в том, что теперь Шива вопросительно смотрела на меня. И этот ее взгляд почему-то убивал всю мою решимость. Вы скажете, конечно, что мне просто недоставало уверенности в себе…

Она приблизилась ко мне еще на шаг. Видно было, что пока мои попытки высечь искру не произвели на нее сильного впечатления.

Именно в этот миг, если я ничего не путаю, в руках у нее появилась зажигалка, похожая на миниатюрную паяльную лампу — древний инструмент, которым в наше время уже почти никто не пользуется.

Шива снова пристально посмотрела на меня и щелкнула кнопкой. На мгновение из раструба зажигалки показался язычок пламени, который тут же погас. Затем Шива передвинула какой-то рычажок на зажигалке, после чего пламя снова вспыхнуло и горело дальше уже самостоятельно, безо всяких усилий с ее стороны.

После некоторого колебания я чиркнул трубой с большей силой. Вылетело несколько искр, однако керосин не вспыхнул.

Я испугался: а вдруг керосин впитался слишком глубоко в кожу или просто высох, и моя затея с треском провалится. Вот будет позор!

Бледно-голубое пламя ее зажигалки угрожающе мерцало в

ночном воздухе.

Она приблизилась ко мне еще на шаг. Удивительное дело, но я испугался. Она собиралась сделать именно то, зачем я сюда пришел, — чего же я боялся?

Может быть, дело было не столько в страхе, сколько в чувстве собственности. Мое тело принадлежало мне, и только я имел право его уничтожить.

В тот момент я даже не задавался вопросом, почему она хотела, чтобы я это сделал, и почему это было важно, сгорит или не сгорит у нее на глазах какой-то незнакомец.

Еще один шаг — и она уже в футе от меня. В нескольких дюймах от края керосиновой лужи. С горящей зажигалкой в руке.

Ухмылка появилась на ее лице, когда она заметила, как слабеет хватка моих пальцев, сжимающих трубу. Что такое она затеяла?

Не успел я задуматься об этом, как она швырнула зажигалку к моим ногам. Керосин вспыхнул, и я вспыхнул вместе с ним.

Я успел увидеть через потекший струями горячий воздух, окружавший охватившее меня адское пламя, как расширились от наслаждения ее зрачки.

Чуть позднее мы сидели вместе на корточках на низкой крыше хранилища в самом центре скопления производящих яды заводов, которое было известно всем как Чумная Фабрика. Вокруг нас в непроглядной ночи вздымались абсурдные конструкции, лишенные всякой архитектурной логики и предназначенные исключительно для того, чтобы перекачивать токсичные газы и растворы от одного цеха к другому. Цехи напоминали компанию торчков, передающих по кругу шприц с отравой. Повсюду — на стенах, дверях, опорах и окнах — виднелись ржавые таблички с предупреждающими надписями.

«Опасно! Ядовитые вещества! Вход только в изолирующих противогазах!». «Вход в дневное время запрещен». «Только для персонала со спецпропусками». Большая часть этих табличек так сильно потрескалась и облупилась, что прочитать их было невозможно. Некоторые вообще болтались на последнем шурупе. Другие были густо покрыты граффити.

Шива сбросила рюкзак со спины и расстегнула на нем молнию. В воздухе вокруг нас повисло напряжение. Шива торжественно извлекла из рюкзака три устройства, над которыми она трудилась последние три дня.

Я осторожно заглянул за низкую стену, окружавшую крышу, и увидел, как двор пересекают двое рабочих в костюмах химзащиты и с усиленными противогазами. Рабочие толкали перед собой

тележку на шинном ходу. На тележке покоилась приземистая металлическая бочка со знаком радиационной опасности на боку.

За день до того у меня снова начал барахлить желудок, и в тот момент я чувствовал себя так, словно проглотил рыбу-иглобрюха, которая уже раздулась у меня в животе до размеров густо покрытого шипами футбольного мяча. Мне хотелось сложиться пополам и орать от боли. Я подумал, что все наши с Шивой затеи за прошедший месяц так и не помогли мне справиться с этой болью — они только позволили мне на какое-то время от нее отвлечься.

— Вот, надень это, — сказала Шива, протягивая мне заранее сделанную сбрую, состоявшую из нескольких солдатских ремней, спаянных пряжками и обхватывающих мои грудь, поясницу и шею. На сбруе располагались три крепления: две маленькие стальные корзинки размером с пинтовую бутылку на бедрах, и еще одна, побольше — на спине (она была изготовлена из переделанной стойки для кислородного баллона). Шива вставила устройства, которые она достала из рюкзака, в крепления одно за другим, повернув каждое до щелчка фиксатора.

Я на все сто убежден, что Шива считала свои упражнения в подрывном деле видом искусства. Она проводила долгие часы в своей мастерской над чертежами и диаграммами, в то время как я пытался унять боль в желудке, глотая подряд все наркотики, которые ей удавалось добыть. Блюя кровью в ее потрескавшийся унитаз, я слушал в ванной комнате доносившиеся из мастерской звуки: стрекотание дрели, шипение сварочного аппарата, скрежет сгибаемого металла. Шива трудилась над внешним видом своих адских машин не меньше, чем над их внутренним устройством, изготовляя для них гладкие элегантные оболочки из размягченных под высокой температурой полимеров. И когда я стал понимать ее лучше, я увидел, что она получала наслаждение, бесконечно совершенствуя эти механизмы. Она делала это не вопреки тому, что они были обречены на уничтожение, а по этой самой причине.

Шива заставила меня повернуться, чтобы проверить в последний раз, надежно ли вошла бомба в паз бывшей стойки для кислородного баллона, а затем повернула обратно, лицом к себе. Ее глаза сияли от счастья. Она извлекла из рюкзака небольшую связку гранат, прикрепила ее к застежке на ремне, пересекавшем мою грудь, а затем откинулась назад полюбоваться своей работой.

— Великолепно! — сказала она. — Ты готов?

Я кивнул, поморщившись от очередного приступа желудочной боли.

— Болит? — спросила она, и я уловил что-то вроде озабоченности в ее голосе. Она волновалась не за меня — боялась, что болезнь может помешать нам завершить нашу вылазку.

— Терпеть можно, — ответил я.

— Ну и отлично.

Она нажала кнопку на каждом устройстве, приведя в действие часовые механизмы. Затем застегнула молнию на рюкзаке и накинула его обратно себе на плечи.

— Дай мне пару минут, чтобы убраться отсюда, — сказала она, а затем улыбнулась улыбкой то ли откормленного хищника, созерцающего только что освежеванную для него свинью, то ли ценителя искусств, созерцающего подлинник Моне. Я затрудняюсь сказать, какой из этих вариантов был для меня более оскорбительным.

Затем Шива повернулась и быстро побежала по крыше прочь от меня. С неизменным кошачьим проворством она легко перемахнула через восьмифутовую щель между зданиями. Я следил за ней, пока она не достигла того места, где заграждение из колючей проволоки с острыми, как бритва, шипами отмечало границу заводской территории. Но Шива все предусмотрела — она защитила свои драгоценные ручки толстыми перчатками вроде тех, что носят сварщики.

Когда Шива исчезла, все вокруг снова стало тихо и неподвижно — или, может быть, мне это просто казалось, потому что я мысленно уже предвкушал какофонию, которой вскоре предстояло разразиться. Я бросил взгляд на одну из набедренных бомб, на красный жидкокристаллический дисплей, цифры на котором неумолимо приближались к нулю.

2:06

Шива всегда сама активировала часовые механизмы, она никогда не позволяла сделать это мне. Я понял, что не властен над собственными жизнью и смертью, задолго до встречи с ней. Вероятно, теперь мне просто хотелось знать, властен ли над ними кто-нибудь еще.

Я наслаждался непродолжительным затишьем перед началом разрушения — затишья, во время которого, казалось, унималась даже боль в желудке. Впрочем, она всегда быстро возвращалась.

Я еще раз проверил часовые механизмы, затем поднялся на ноги и заглянул за низкий барьер на краю крыши. Во дворе было полно рабочих в защитных костюмах, занимавшихся своими делами. Я отстегнул одну гранату от нагрудного ремня и привычным движением большого пальца выдернул кольцо. Через мгновение после того, как один из рабочих поднял голову,

услышав, как кольцо упало на землю, я бросил гранату и сам прыгнул вниз следом за ней.

Граната ударилась о стену противоположного здания; в мгновение ока помещавшийся в ладони шар из металла и взрывчатки превратился в колышущееся облако огня, дыма и раскаленных частиц. Взрывная волна застигла меня в падении и чуть было не отбросила обратно на крышу, но ей не хватило силы, так что она просто взяла и шмякнула мое тело о стену здания, с которого я спрыгнул. Я сполз по стене на землю, и только внизу очнулся и услышал крики.

За стеной огня я различил беспорядочную суету, неловкие движения искалеченных тел. Я с трудом встал на ноги и, пошатываясь, направился прямо в пламя. Один из рабочих метался, охваченный пламенем, и я бросил ему под ноги еще одну гранату, чтобы положить конец его мучениям. При этом я сам отпрыгнул в сторону, чтобы увернуться от взрывной волны, превратившей в обломки чуть ли не половину стены здания, возле которой находилась моя жертва. Я видел, как той же волной тело рабочего отбросило в осыпающуюся кучу бетонных обломков, и они тут же похоронили его под собой, превратив в месиво его голову, грудную клетку, лодыжки.

Перепрыгнув через пару валявшихся крест-накрест тел, я устремился к расположенному неподалеку зданию в форме купола. На ходу я выхватил еще одну гранату из моей импровизированной выкладки и выдернул кольцо. С ужасающим грохотом здание у меня за спиной обрушилось, увлекая за собой венчавшую его антенну. Внезапно завыла сирена, и повсюду вокруг меня замелькали голубые огни.

1:30

Все больше и больше работников завода выбегало наружу из лабораторий и подвалов. Часть из них была в защитных костюмах, но большинство — просто в белых халатах. Кое-кто замечал меня, безумного бомбиста, с головы до ног обвешанного взрывчаткой. Другие же видели только цепочку взрывов, выраставшую у меня за спиной.

Воздух быстро наполнился едкими газами и фиолетово-черным дымом.

Подбежав к куполу, я метнулся к срезанному его боку, выхватил одну из набедренных бомб и метнул ее в вентиляционный люк на крыше. У меня за спиной с неожиданно громким звуком и высоким пламенем рванула цистерна с каким-то химикатом; меня тут же окатило осколками стекла, и взрывная волна швырнула меня на бетонную стену. Я почувствовал, что вывихнул плечо. Скрипя зубами, я снова поднялся на ноги,

швырнул наугад еще одну гранату и упал на землю. Граната взорвалась, разметав в воздухе белые тушки ученых, словно лепестки цветущей вишни.

В тот же миг завывание сирен смолкло, потому что питавший их генератор умер, придавленный весом огромной спутниковой тарелки, свалившейся с обрушившегося брандмауэра. Только мигающие голубые огни продолжали светиться, выхватывая время от времени, словно стробоскоп, отдельные кадры, отчего казалось, что все происходящее — не более чем снятая рапидом сцена.

Наверное, я был похож на привидение, когда мчался по территории завода в этом пульсирующем голубом свете. Еще две гранаты взорвались по обе стороны от меня, и я подпрыгнул в воздух как раз вовремя, чтобы оседлать ударную волну и помчаться на ней вперед со скоростью, в сотни раз превосходящей ту, которой я смог бы развить самостоятельно. Именно этому научила меня Шива и ее бомбы — не надо бояться разрушения, надо существовать в нем, стать его частью. Она говорила, что мы тоже в каком-то смысле взрыв, крошащий в порошок известку, сталь и стекло — люди-бомбы, от вспышек которых гибнет все вокруг.

Я метнулся к повалившейся антенне и воспользовался ею, словно лестницей, для того чтобы взобраться на залитую морем огня крышу высокого здания. Подбежав к помосту, протянутому вдоль всей его крыши и над двором, заполненным бочками и цилиндрами всех цветов и размеров, я оказался над складом химикатов и бросил вниз еще одну набедренную бомбу.

0:40

В этот момент железная рама помоста встала дыбом у меня под ногами, переломленная пополам глыбой цемента, которую подбросил в воздух небольшой взрыв где-то слева от меня, и тогда я перемахнул на крышу соседней лаборатории.

Время от времени сквозь грохот взрывов прорывались крики людей и звон разбитого стекла. Грохот оседающих на землю гигантских конструкций и скрежет рвущегося металла. Запахи горящей нефти и химических ядов наполняли мои ноздри, но иногда в них врывался иной, сладковатый аромат — аромат горящей плоти, может быть, моей, может, чьей-то еще. Я чувствовал невидимую рябь, которая пробегала по воздуху, словно отголоски землетрясения, а пламя кусало меня своим ядовитым жалом.

На дисплее было 0:15, когда я пересек всю заводскую территорию и оказался у противоположной стены. Нам с Шивой общими усилиями удалось создать настоящий хаос. Мир у меня

за спиной превратился в огненный шар, в тучи цементной пыли и обломки железобетонных опор, и здесь, между двумя сараями из ржавого железа, в которых хранились бутыли со всеми мыслимыми и немыслимыми ядами, я встал на колени. Я преодолел полосу разрушений и очутился наконец в спокойном уголке, наполненном согретым огнями пылающих в отдалении пожарищ воздухом.

0:08

Я чувствовал, как остающиеся секунды вытекают из дисплея последнего взрывного устройства так, словно они сами были жидкокристаллическими. Два других, от которых я избавился по дороге, были настроены на то же самое время и должны были сработать одновременно — ковровая бомбардировка, после которой все предприятие должно было превратиться в груду пепла и обломков. Я сжался в комок, сделал глубокий вдох, ожидая взрыва прикрепленных к моей покрытой рубцами спине сорока трех фунтов взрывчатки с тайной надеждой, что хотя бы на этот раз он не только сметет все вокруг, но и отправит меня в огненный ад, где расщепляются молекулы и испепеляется материя.

0:00

Мы снова у Шивы дома, в ее мастерской. Это большая, практически пустая комната на единственном уцелевшем этаже заброшенного складского помещения в районе того дока, где я еще совсем недавно стоял, с ног до головы пропитанный керосином и ненавистью к себе. (Нет, все совсем не так! Ненависти к себе я никогда не испытывал. Мне просто было на себя наплевать. Можно ли это назвать равнодушием к себе?) Я лежал на грязных матрасах, заменявших Шиве постель, в углу ее «спальной комнаты», обозначенной только протянутым по периметру кордоном из колючей проволоки. Керосиновая лампа горела у нас в ногах.

Шива сидела на краю матраса, а я лежал у нее за спиной в эмбриональной позиции, скорчившись от боли в желудке. Я чувствовал себя так, словно меня нашпиговали смесью гвоздей и битого стекла. Шива вытащила шпильки из своих азиатских волос, и теперь они стекали по ее спине густой черной волной до самой поясницы. От них пахло машинным маслом и солидолом — весь вечер Шива проработала в мастерской.

Она не прикасалась ко мне — мы никогда не прикасались друг к другу, — но сидела близко, словно пытаясь утешить меня своей близостью. Я думаю, только к тому времени она начала по-настоящему понимать, как выматывают меня приступы — спустя

месяцы после того, как я ей сам объяснил, что в тот вечер хотел сжечь себя (а до этого пытался покончить с собой другими способами) из-за этой непрекращающейся боли.

Шива протягивает мне осколок оконного стекла, на котором насыпана дорожка серого комковатого порошка: смесь украденных и добытых ею анальгетиков, которые она собственноручно истолкла для меня. Рядом с дорожкой — тонкая металлическая трубка, не больше сантиметра в диаметре, которую я использую, чтобы вдыхать лекарство. Дотянуться до стеклышка у меня получается не сразу, потому что мне трудно шевелиться.

Мои раны зажили так же быстро, как всегда; если они и причиняли мне какую-то боль, то она быстро забылась, потонув в жарких миазмах и нестерпимом жжении, наполнявших мой желудок, который, казалось, превращался в сгусток расплавленного металла. Поначалу лекарства, которые она давала мне, действовали на это пламя, словно пена огнетушителя, но теперь боль, похоже, просто не обращала на них никакого внимания. На самом деле, так плохо, как сейчас, мне не было никогда.

В тщетной надежде я втянул в ноздрю весь порошок до последней молекулы.

Я лежал и думал о том мире, с которым так плотно познакомился в последнее время, — о мире пламени. Я думал о голосах, которые часто слышались мне в его реве, а потом о Шиве, которая возникла среди дыма и разрушения, чтобы забрать меня и погрузить в свой пикап с таким видом, словно была то ли восхищена, то ли расстроена тем, что я снова выжил.

Я не думаю, чтобы она желала моей смерти. Ей было просто наплевать на меня.

Как и мне на нее — мы были два сапога пара.

[Небольшое отступление. В пламени, в огне, в пекле ничто не реально, все сводится к пылающему, как дуговой разряд, алмазному богоподобному огню, что вгрызается в твою плоть, высвечивая все ее раковые опухоли, дурные клетки, яды, разложение. Системы моего организма пребывают в напряжении, в исступлении; взрывы, происходящие вокруг меня, переворачивают, перекручивают, перелопачивают все у меня внутри, и я полностью в их власти, ничего не зависит от меня в этом огненном мире, через который я несусь в облаках напалмовой гари, легкий, словно тонкий листок кремния, на который еще не нанесли печатную схему. Я — большая влажная птица, а это — огнеопасные Небеса, я — падший ангел, и моя

боль оправдана, потому что я лечу, лечу, лечу и пылаю, пылаю, пылаю, я никогда не чувствовал себя настолько мертвым, настолько чистым, настолько уродливым и настолько замечательным БЛИНННННННННННННННННН!!!!!!!!! Конец]

Во время первой вылазки Шива обмотала все мое тело тринадцатью футами прочной стальной проволоки, прикрепив к ней с интервалами в пять-шесть сантиметров кусочки пластита и какой-то еще пластиковой взрывчатки фиолетового оттенка. На шею мне она подвесила, словно соску, алюминиевую пластину, к которой было прикреплено устройство, приводившее в действие все прикрепленные ко мне взрыватели. Оно состояло из маленькой прозрачной трубочки, наполненной керосином, со стальным стерженьком, обмотанным спиралью, погруженным в жидкость. Спираль была припаяна к контактам электрической цепи.

В ту первую ночь я вошел в обветшавшую штаб-квартиру какой-то древней корпорации, которая некогда охватывала своими электронными щупальцами всю страну, но теперь лежала, свернувшись в хрупкий клубок, словно умирающий паук. Я накинул длинное пальто, чтобы в лучших традициях бомбистов-самоубийц скинуть его, войдя в приемную, и продемонстрировать всем мое вооружение.

А затем я просто прошел через все здание по коридору, мимо дверей кабинетов, хранивших следы былого величия, и перепуганных немногочисленных служащих, а заряды взрывались на мне один за другим. Иногда я падал, сбитый силой взрыва или обвалившимся куском кладки, и тогда я снова вставал на ноги. (Я переносил боль и увечья лучше, чем любой человек, когда-либо живший на земле, но земное притяжение по-прежнему на меня действовало.) К концу маршрута я перешел на бег, потому что пламя, следовавшее за мной по пятам, начало настигать меня, загонять в тупик. Тогда я впервые, насколько мне помнится, почувствовал восторг. Я выпрыгнул из окна, как и проинструктировала меня Шива, в тот самый момент, когда взрыв вышиб раму и швырнул ее обломки следом за мной.

Наше сотрудничество началось на основе молчаливого соглашения.

Я думаю, Шива рассуждала примерно так: она спасла мне жизнь, следовательно, я был ей обязан (в то время она не вполне понимала мое состояние, хотя ей следовало бы задуматься над тем, что спасти жизнь самоубийцы — это не совсем то же, что спасти жизнь человека вообще). Мною же двигало чистое любопытство: если я не могу убить себя, вдруг это сможет сделать

она, тем более что занималась она этим с гораздо большим пылом, чем я сам. Кроме того, она неизвестно где добывала для меня таблетки, которые хотя бы немного ослабляли терзавшую меня боль.

Сначала я не понимал намерений Шивы, не понимал, для чего ей было нужно все это разрушение.

В конце концов, она была анархисткой, поэтому какое-то время я думал, что разрушение ей нравится само по себе. Она питала особое пристрастие к организациям и всегда выбирала в качестве объектов атаки их, а не частных лиц, но я даже и не пытался понять, почему именно их она обрекала на уничтожение. Я даже начал задумываться над тем, не мое ли собственное уничтожение она планировала, выбор же мест, в которых оно должно было произойти, не имел ни малейшего значения. Затем я все-таки вычислил определенную закономерность в наших акциях — каждая следующая была намного рискованнее предыдущей. Трехсотфутовые опоры ЛЭП сменялись химическими лабораториями, химические лаборатории — заводами по переработке химических отходов. Казалось, она делает все, чтобы выяснить, насколько далеко простирается моя неуязвимость.

Лучше бы она спросила меня об этом напрямик.

Прошло несколько месяцев, прежде чем я решился сам задать ей вопрос. Мы сидели в ее мастерской.

— Зачем ты это делаешь?

Сначала она даже не подняла головы, погруженная в работу. В тот момент она как раз склонилась над аквариумом, наполненным раствором химикатов, на вид таким же прозрачным и чистым, как вода из горного ручья — такая льется в снах в твое горло, когда умираешь от жажды. С недавнего времени Шива начала все больше и больше интересоваться жидкими взрывчатыми веществами и теперь испытывала различные составы, которыми намеревалась наполнить прикрепленные к моей коже прозрачные пластиковые трубки, чтобы иметь возможность детальнее контролировать процесс разрушения.

[Отступление. Шива часто ходила по тонкой грани, отделяющей спланированность от хаоса, прекрасно, на мой взгляд, контролируя ситуацию. Она могла потратить несколько недель на усовершенствование взрывного устройства, но в последнюю минуту добавляла какую-то неожиданную деталь, не имея ни малейшего представления о том, какое влияние окажет она на его эффективность. Не один раз мне приходилось беспомощно стоять посреди офиса или завода из-за того, что не сработала взрывчатка, — и не менее часто меня подбрасывало на

пару-другую сотен футов в воздух взрывом, сила которого в несколько раз превышала наши скромные ожидания. Конец]

Она положила на стол лабораторную пипетку, стянула с лица защитные очки, они повисли у нее на шее на резинке. Ее кожа была белой, как вспышка молнии, и светилась светом, отраженным от кристального содержимого аквариума. В тот раз на ней была другая майка, не та, что обычно, — светло-серая, с изображением черепа со скрещенными костями. У черепа вместо глаз были иксы, отчего череп выглядел так, словно мертвец обкурился травой.

— Не знаю. А ты зачем это делаешь?

Она натянула обратно защитные очки и вновь принялась за работу, включив стоявший на верстаке старый громоздкий радиоприемник, который заполнил воздух бессмысленным шумом статического электричества. Я понял намек и не стал добиваться ответа.

Я дождался окончания нашей очередной вылазки, чтобы вернуться к этому вопросу, поскольку тогда настроение у нее обычно бывало получше. Я лежал на спине на нашем неуютном ложе рядом с остовами ржавых двигателей, которые она извлекала из выброшенных на свалку автомобилей, и пластиковыми мешками, набитыми радиодеталями. От меня несло дымом, и я был обожжен в этот раз сильнее обычного, к тому же сломал четыре кости в левой руке.

Она обтирала меня полотенцем, смоченным в растворе медикаментов.

Мы оба все еще не могли отдышаться после вылазки.

— Нет смысла разрушать то, что ненавидишь, — ответила Шива, когда я снова задал свой вопрос. Она вытащила кусок печатной платы из кармана, приложила его к моей сломанной руке в качестве шины и зафиксировала ее при помощи клейкой ленты. — Разрушай то, что любишь.

Затем в своем обычном стиле она разразилась длинными тирадами на тему бюрократии, хаоса и безразличия; все эти речи я уже слышал от нее в меньших дозах и раньше. Но первая ее фраза запомнилась мне — может быть, потому, что она еще никогда до этого не бывала так откровенна со мной.

(Да и после тоже.)

Разумеется, наши извращенные отношения именно к этому и сводились — к разрушению вещей.

Вещей вокруг нас. Вещей внутри нас. Друг друга. Какая разница.

Шива утверждала, что во вселенной не существует силы большей, чем сила разрушения. Это естественная сила, которой подчиняется весь космос, потому что еще не существовало ничего, что раньше или позже не было бы уничтожено. Только люди пытаются сопротивляться этому закону природы, стараясь сохранять вещи, но она отучит меня от этой привычки.

На химическом заводе, который мы взорвали за месяц до этого и где я чуть не свернул себе шею, когда подо мной проломился помост, Шива работала старшим техником. На эту работу ее устроили после выписки из психушки, где она провела некоторое время. Ей дали смысл жизни, деньги, свободу самовыражения и технического творчества — короче говоря, попытались заставить ее позабыть о бритве.

Судя по всему, она не могла выразить свою признательность тем, кто ей помог, иначе, как уничтожив их.

Во время первой акции, как я выяснил позже, мне предстояло уничтожить штаб-квартиру корпорации, которую возглавлял Роберт Рабиновитц — человек, который выделял Шиве содержание в период после ее пребывания в психушке. Он стал для нее чем-то вроде отца, хотя они ни разу не виделись и общались только по телефону. В отличие от большинства людей, занимающихся благотворительностью, Рабиновитц предпочитал оставаться в тени и не мешать своей подопечной жить собственной жизнью. Остальными жертвами Шивы стали сиделки, психиатры, коллеги-техники, сделавшие карьеру: она уничтожала их рабочие места или их жилища.

Ее список казался бесконечным, и я выполнял каждый его пункт.

Она методично сеяла смятение и разруху.

С той поправкой, что любая методичность сама по себе отрицает подлинную разруху, подлинный хаос. В игру неизбежно вторгается икс-фактор. Вот почему она начала добавлять яд к моей болеутоляющей желудочной смеси практически сразу, как стала давать ее мне.

Именно в силу этого самого икс-фактора я продолжал принимать смесь даже после того, как подглядел через скрюченные от боли пальцы, прижатые к глазам, как она тайно добавляет отраву. Из-за этого фактора я позволял ей разрушать дальше мой хрупкий желудок, несмотря на то, что боль стала уже непереносимой.

А может быть, именно поэтому.

Я позволял ей ставить очередной опыт надо мной.

А затем я решил поставить опыт над самим собой.

С улыбкой я взирал на то, как Шива трясется от холода рядом со мной. С неба той ночью накрапывал легкий дождь; каждая его капля отливала желтизной и слегка обжигала кожу, что указывало на высокую кислотность.

— Ты уверена, что не хочешь остановиться? — спросил я ее осторожно.

— На все сто, — сказала она и посмотрела на меня таким взглядом, каким мог бы обладать шаловливый демон. Ее подрезанные космы, свисавшие теперь набок, местами отсвечивали яркими красками. Она покрасила и подстригла их после того, как я сказал ей, какие они у нее красивые — прямые и черные, как смерть.

Я сам помог ей сделать это.

Мы висели, вцепившись в стальные балки и швеллера вышки, на вершину которой мы взбирались. Дождь набирал обороты. Это была релейная станция, использовавшаяся лечебницей, в которой когда-то лежала Шива, для того чтобы вызывать специализированную медицинскую бригаду к пациенту, жизни которого угрожала опасность. Такие бригады не раз вызывали к Шиве, чтобы они поработали над ней после того, как она хорошенько поработала над собой.

Бомбы, которые мы имели при себе, звякали друг о друга и о металл вышки. На этот раз это были обычные ручные гранаты — наполненные, правда, едкими кислотами. Мне кажется, мозг Шивы был настолько поглощен вопросом, как покончить со мной, что ни на что более изощренное его просто не хватило.

За неделю до этого я как-то заметил ей, что она не поймет, что есть хаос, если сама не поживет в нем. Использовать вместо себя манекена, прикрываться, словно щитом, другим живым существом, а затем наблюдать за тем, что с ним происходит, с безопасного расстояния, — все это не имеет ни малейшего отношения к анархии.

Во время этого разговора мы оба были пьяны и одурманены, но мое сознание оставалось достаточно ясным, чтобы уловить здесь возможность для постановки моего собственного опыта, а Шива настолько ничего не соображала, что попалась на мою удочку (хотя, как я подозреваю, она попалась бы точно так же, будь она трезвой, как стеклышко). Иначе она просто не могла отреагировать на то, как я ставлю под сомнение ее преданность делу разрушения.

Вот почему она взбиралась на вышку вместе со мной, и я видел, как все ярче и сильнее блестят ее глаза, как страх уступал место возбуждению по мере того, как она неумолимо двигалась

навстречу собственной смерти. Нет ничего более возвышающего, чем ощущение того, что ты можешь погибнуть в любое мгновение, но тебе на это совершенно наплевать.

Взбираться на высоту двухсот пятидесяти футов в кромешной тьме под порывами ветра в компании человека, который в любую секунду может отправить тебя в спиральный полет в бездну, до которой всего один шаг, — вот это настоящая жизнь!

— Мы можем сделать это прямо здесь, — сказала Шива, когда мы одолели уже три четверти пути наверх.

Я пристально посмотрел на нее. Мы оба старательно избегали мыслей о том, что случится, когда взорвется первый заряд и вышка начнет складываться, словно детский конструктор, у нас под ногами.

Я снова полез вверх; после небольшой паузы она сначала нагнала меня, а затем и перегнала, поднимаясь по противоположной стороне, где швеллера отстояли друг от друга на меньшее расстояние. Покореженная и неработающая спутниковая тарелка на вершине вышки бесполезно раскачивалась под сильными порывами ветра.

И вот мы стоим на верхушке трехсотфутовой вышки, установленной, в свою очередь, на вершине шестидесятифутового бункера, окруженного заграждением из колючей проволоки, готовые взорвать все это к чертям собачьим. Наклонившись, я щелкнул тумблером на ее груди, который приводил в действие часовой механизм, связанный со всеми ее взрывными устройствами. Она щелкнула таким же тумблером на груди у меня.

0:10

В молчании мы смотрели друг на друга. Совместная смерть или ее угроза создают близость, не достижимую никаким другим способом. В последний миг твоей жизни можно успеть посмотреть в глаза только одному человеку.

0:07

— Пошла на хуй! — прошептал я Шиве одними губами.

0:04

— Пошел сам! — прошептала она мне в ответ, затем ухмыльнулась и огласила воздух ликующим и безумным криком радости.

0:01

Прозвучали первые взрывы — башня начала падать, и мы вместе с ней. Мы падали, падали вместе, словно выброшенный кем-то мусор, обломки металла проносились мимо нас, налетали на нас, а затем, окутанные облаком из пламени, стальных осколков и отравленного химией воздуха, мы врезались в землю

.

Она чуть было не погибла той ночью. Железный прут пропорол ее тело в нескольких сантиметрах от левой почки.

С тех пор она сопровождала меня во всех моих вылазках.

[Отступление. На самом деле хаос представляет собой совокупность множества порядков, перемешанных и спутанных друг с другом. Порядок может существовать только в самых маленьких, базисных системах — стоит системе увеличиться в размере, как сразу становятся заметны трещины, тектонические сдвиги, иррациональные процессы. Хаос поглощает порядок, при этом не уничтожая его. Он позволяет порядку существовать, но запускает свои паучьи лапы в него таким образом, что один порядок перепутывается с другим, создавая конфликт, потому что одного лишь присутствия второго достаточно, чтобы поставить под сомнение совершенство первого.

Кристаллический йод, нашатырный спирт, иодид калия, тиосульфат натрия (известный у фотографов как гипосульфит), гранулированная взрывчатка, аммиачная селитра, керосин, медицинский спирт, поваренная соль, сахар, нефть, фиксирующие агенты, связывающие агенты, пластит, эпоксидная шпатлевка, элек-тродная проволока, изоляционная лента, 90 мл, 120 мл, 4,3 грамма смешать с 0,8 грамма, растворы, йодистый аммоний, желатиновые капсулы, селитряная бумага, азид натрия, нитрат свинца, хлорат калия, алюминиевая пудра, ламповая сажа, глицерин, перекись натрия, гуммиарабик, я, Шива.

Смешать все вместе: рецепт хаоса. Конец]

Мы стали ходить на дело вместе, словно это что-то меняло.

С одной стороны — не так одиноко, с другой — ее присутствие выглядело как вторжение на мою территорию.

Да, мне порой бывало одиноко посреди взрывов, но одиночество никогда не было для меня главной проблемой. Когда я два года назад приставил пистолет к виску и нажал на спусковой крючок, я сделал это не из-за одиночества.

Я заметил, что поджигаю полоски пропитанной спиртом и острой, как бритва, пластиковой ленты, которыми она обмотала нас, только если Шива стоит рядом со мной. Я обнаружил, что стараюсь бросать гранаты как можно ближе к ней, чтобы ее могло задеть взрывом. Я поймал себя на том, что привожу в действие часовой механизм раньше, чем мы планировали, чтобы посмотреть, как она будет со всех ног улепетывать от места взрыва. Я знал, что она очень хрупкая в сравнении со мной, и радовался этому.

Никогда прежде мы не чувствовали такого радостного возбуждения.

Вскоре (возможно, в ответ на мое всевозрастающее пренебрежение ее безопасностью) Шива всерьез занялась выяснением пределов моей неуязвимости: она закладывала все больше взрывчатых веществ, едких жидкостей, концентрированных кислот в укрепленные на мне устройства. (Потому что, хотя на дело мы ходили теперь вместе, все ее смертоносные игрушки по-прежнему таскал на себе я). И теперь речь уже шла точно не об уничтожении зданий и сооружений (я и раньше в это не очень-то верил): теперь выбор мишеней стал совершенно произвольным. Главным стала игра со смертью. Она перестала рассказывать мне, почему мы взрываем тот или иной объект, а я перестал спрашивать.

Она также повысила дозу яда, которую подмешивала в мое лекарство. Желудок мой к тому времени уже находился в таком жутком состоянии, что непонятно, как я все еще оставался в живых. Я не мог ни есть, ни пить, ни даже выносить запаха пищи. Дышать — и то было больно.

Как-то ночью я бросил Шиве новый вызов. Упавшая балка порвала ей подколенное сухожилие. Она наложила себе на ногу шину, а затем я предложил ей немного серо-зеленого порошка, который она давала мне. Мы обменялись взглядами, и я прочел в ее глазах, что ей известно: я знаю, что она подсыпает мне в лекарство яд. Я взял трубку и вдохнул через нее порошок; мне показалось, что в ноздрю мне влили расплавленный асфальт. Затем я протянул трубку Шиве.

Черты ее лица, еще недавно перекошенного от боли, смягчились.

Она знала. Я знал. Мы оба знали.

Она втянула весь порошок до последней крупинки и даже бровью не повела.

Так мы и бежали бок о бок, забираясь все глубже и глубже в дебри нигилизма и забытья, продолжая ставить опыты друг над другом. Ненависть за ненависть, постукивание часовых механизмов, жидкое пламя запала, щелчок сработавшего взрывателя, ее неистовство, мое неистовство, капища из стекла и стали, которые мы сравняли с землей.

Мы стали близки, как две свернутые спирали ДНК.

Мы были под завязку нагружены взрывчаткой, мы могли разрушить все, что нам попалось на глаза, — все, кроме единственной вещи, которую мы хотели разрушить.

Иногда я смотрел, как Шива спит.

Ее волосы снова отросли до плеч, но в них все еще просвечивали красные, синие и белые пряди, и они по-прежнему все свисали на одну сторону. Линия ее спины была идеальной параболой — именно по такой параболе летели брошенные мной гранаты. Я был уверен, что ее кожа благоухает полевыми цветами. Испещрявшие ее шрамы при свете зажженного фосфора (у нас к тому моменту уже не оставалось никакого приличного топлива) казались иероглифами на древнеегипетском папирусе, которыми записан какой-то бредовый текст. Что-то про богов, звезды и холодные синие океаны.

Интересно, как бы я жил без нее?

За время, которое мы провели вместе, я научился делать примитивные бомбы. Им было далеко до изделий Шивы, но все-таки это были бомбы. А если есть бомба, то мишень для нее всегда найдется.

Так что ни в ее умении, ни в ее грандиозных планах я уже не нуждался. Да и в ней самой я тоже не нуждался. Она сыграла свою роль. Я мог перерезать ей горло во сне или, что гораздо романтичнее, облить керосином и поджечь. Я мог бросить на бегу одну из ее бомб прямо в нее, вместо того чтобы бросить в другую сторону. Или, когда на часовом механизме останется только пять секунд до взрыва, оторвать ей гранатой ноги, так чтобы она лежала рядом со мной, когда взорвется основная бомба.

Но вместо этого я сидел и смотрел, как она спит.

Как-то ночью она внезапно открыла глаза и заметила, что я смотрю на нее.

В последнее время я слишком откровенно наблюдал за ней, привыкнув к тому, что она всегда спит как убитая. И теперь мне ничего не оставалось, как продолжать внимательно смотреть на нее.

Она заглянула мне в глаза и, очевидно, прочла в них главное.

Мы оба знали, что наш эксперимент подходит к концу.

Вскоре после этого шива начала всерьез запасаться сырьем.

Ряд материалов она похищала из расположенных по соседству складов, но большую часть — с заводов и из мастерских, находившихся ближе к центру города. Я участвовал вместе с ней в этих мини-вылазках, замазывая трещины в стене взрывчатой шпатлевкой на основе нитрата аммония, а затем вручную приводил в действие взрыватель, чтобы разнести стену. После этого Шива проползала в брешь, брала внутри то, что нам было нужно, и мы грузили добычу в пикап.

Мы почти не разговаривали друг с другом.

Однажды ночью она пришла домой с самым большим пластиковым мешком, полным кристаллического йода, который я видел в жизни. Мне пришлось потом битый час протирать ее кожу раствором гипосульфита, чтобы удалить все пятна.

За мешком последовали динамитные шашки, автомобильные аккумуляторы, галлонные резервуары с концентрированным сульфатом аммония и перекисью водорода, мешки сухой штукатурки, слитки свинца и железа, которые предстояло переплавить, и прозрачные стеклянные бутыли с неизвестными мне кислотами. Она постоянно трудилась, и в ее движениях чувствовалась такая агрессия, что я немного нервничал, когда она обматывала чаны со смесью химикатов бикфордовым шнуром, моток которого постоянно носила с собой, или зажигала открытый огонь в каком-нибудь дюйме от небольших кучек магниевых смесей. Впрочем, это только делало жизнь более интересной.

Все это время — а это был самый долгий перерыв в набегах с тех пор, как мы познакомились (если не считать таковыми экспедиции за материалами) — я сидел на матрасах, отодвинув в сторону ширму, и наблюдал за ней. К тому времени мне уже было трудно даже сидеть, потому что при любом движении в желудке вспыхивало жидкое пламя, и я боялся, что он может вообще лопнуть, если я буду слишком резко шевелиться, поэтому я скорее полулежал на боку, подперев голову рукой. Часто я терял сознание под стук стальных подошв ее башмаков или под шипение ее паяльной лампы.

Очертания ее нового изобретения начали вырисовываться к концу третьей недели. Оно обещало быть гигантским. Скелет его образовывали пересекающиеся толстые стальные штыри с насечками; вся конструкция начиналась в дальнем углу комнаты у закопченного окна, выходившего на доки, и дотягивалась, постоянно меняясь в форме и размерах, почти до самого лежбища из матрасов. Хребет чудовища состоял из цепочки соединенных сваркой конических баков, наполненных разноцветными жидкостями, которые перемешивали черные стержни.

Не прошло и нескольких дней, как вся эта система начала издавать гул и пощелкивать — она была и электрической, и механической одновременно.

Черная энергия окружала нас обоих, потрескивающая и уродливая, как заплесневелая лампочка накаливания.

И пока Шива трудилась над своим монстром, я чувствовал, что наконец умираю. Я не ел уже больше месяца и стал похож на скелет, но — что еще хуже — я не посещал мир пламени и искр целых три недели. Боль в желудке затуманивала мое восприятие,

и иногда мне чудилось, что растущее вокруг меня сооружение — это гигантское паукообразное, жадно присматривающееся ко мне.

Однажды вечером Шива подсела ко мне и разложила вокруг двадцать небольших мин размером с теннисный мячик, которые выглядели как могли бы выглядеть черные слезы кита-полосатика. Она молчала, но иногда посматривала в мою сторону. В ее глазах одновременно читались волнение, боль и гнев.

Каждые восемнадцать часов она вливала жидкий вариант своего отравленного лекарства мне в горло, потому что мне уже не хватало сил, чтобы вдыхать его, затем принимала его сама. Иногда я задавался вопросом, добавляла ли она туда в последнее время вообще что-нибудь, кроме яда (то, что она время от времени блевала кровью, а выглядела как живой мертвец, говорило в пользу моего предположения).

Химикаты в промышленных расфасовках стояли вдоль стен мастерской. Кабели толщиной в палец ныряли куда-то внутрь, а затем выныривали обратно. Все вокруг пропахло хлором. Как-то раз мне показалось, что я слышу плач Шивы, но потом это прошло. Отовсюду раздавалось какое-нибудь шипение — резкое и быстрое от пневматической системы, которой Шива снабдила свое сооружение, медленное и приглушенное от газовых клапанов в крышках бурлящих чанов с реагентами.

Наконец она снова присела на матрас со мной рядом.

К ее спине было прикреплено какое-то приспособление, которое выглядело словно останки выброшенного на свалку и порядком заржавевшего игрального автомата. С каждой стороны к нему было прикреплено по большой резиновой спирали; противоположные оконечности каждой спирали были подключены к разъемам на гигантском взрывном устройстве, сооруженном Шивой вокруг нас.

Она подняла меня и положила себе на колени. Это был первый и последний раз, когда она прикоснулась ко мне.

Затем она вынула из кармана два взрывателя. Они походили на две толстых зажигалки, на одном конце у которых находился обыкновенный тумблер, а из другого выходил провод, подключенный, судя по всему, к приспособлению на спине Шивы. Она вложила один взрыватель мне в руку, а второй взяла себе.

«Вот до чего ты нас довел», — читалось в ее глазах.

И еще, может быть: «Спасибо».

Все помещение было наполнено гулом, исходившим от гигантской бомбы. В горле у меня хлюпала кровавая мокрота, которую я не мог отхаркнуть. Я заметил, что Шива покрасила свои отросшие волосы обратно в угольно-черный цвет.

— Вместе, — тихо сказала она и положила палец на тумблер.

Я повторил вслед за ней ее движение, затем наступило несколько секунд странного томительного молчания, а потом мы одновременно нажали каждый на свой тумблер.

Прямо у меня перед глазами на стене вспыхнул ярко-зелеными цифрами жидкокристаллический дисплей размером один на четыре фута.

0:60

0:59

0:58

0:57

Я посмотрел ей прямо в глаза — в глаза Шивы, Разрушителя Миров, высшего существа индуистской троицы, Тримурти — но в них было столько всего написано, что мне не удалось расшифровать, что именно она чувствовала и думала в тот миг.

Неужели мы зашли так далеко? Неужели все кончится здесь, сейчас?

Мы находились в здании, набитом таким количеством взрывчатки, что его с лихвой хватило бы, чтобы стереть в пыль весь окружавший нас район складов, чтобы оглушить всю рыбу в заливе, если бы она не сдохла от загрязнения давным-давно.

Мне просто хотелось знать, что она ощущает в этот момент — злобу, боль или экстаз. Я хотел знать, значу ли я для нее так много, что из-за этого она собирается убить нас обоих, или я не значу для нее совсем ничего, и именно поэтому она поступает так.

Ах, да в любом случае убить нас обоих она не могла.

0:43

0:42

0:41

Я очнусь среди обломков и языков пламени, а ее не будет рядом, чтобы погрузить меня в пикап. Я буду вновь свободен от нее. Она просчиталась, просчиталась, она не может убить меня. Или же просчитался я. Просчитался еще тогда, в двенадцать лет, когда выпил флакон с аккумуляторной кислотой, украденный из отцовской машины, и только испортил себе навсегда желудок, так что с тех пор мне уже стало все равно, умру я двенадцатью годами раньше или позже.

0:32

«Ты жить хочешь?» — хотелось мне спросить у нее. «Зачем ты делаешь это? Потому, что ты не хочешь? Или потому, что я не хочу?»

0:22

Разумеется — иначе зачем еще?

0:13

А затем я прочитал в ее глазах, что она чувствовала на самом деле. И мне стало больнее, чем когда-либо за всю мою разнесчастную жизнь.

0:07

Я увидел в них безразличие.

0:04

Ей было насрать, будем мы жить или умрем.

0:01

И ничего страшнее этого нельзя было придумать.

0:00

Вспышка!

Зародышевые камеры

Они живут в баках с практически квадратным основанием размером 16 на 14 футов, выстроившихся рядами в подвале с высокими колоннами. Между колоннами натянута черная сетка, которая скрывает от взгляда необычно высокий потолок, а также задерживает голубиный помет, время от времени падающий со стропил. Сетка во многих местах провисает под тяжестью слежавшегося в тяжелые серо-белые комки гуано.

Баки изготовлены из листов стекла, стянутых блестящими стальными скобами, поэтому при желании их содержимое можно рассматривать. Как уже было сказано, баки установлены в ряд, и каждый из них представляет собой отдельную замкнутую биосферу.

В них залит раствор, состоящий из трех десятков различных химикатов; этот раствор извлекает генетический материал из помещенных в него тканей, после чего ДНК предоставлена самой себе. Каждые четыре часа через раствор пропускают электрические импульсы напряжением 50 000 вольт; это делается для того, чтобы вызвать перегруппировку генетического материала и возникновение новых и, как легко догадаться, чудовищных комбинаций.

Некоторые из плавающих в баках тварей напоминают оплавившихся под ярким солнцем собачек, складки кожи которых свисают, словно дряблые, неправильной формы крылья. Другие похожи как две капли воды на дельфинов-афалин, только в два раза меньше натуральной величины.

Сверху баки прикрыты решетчатыми крышками, сваренными из толстых металлических прутьев; они нужны для того, чтобы не дать обитателям баков выбраться наружу. Эти крышки и стальные скобы не только удерживают внутри мутантов, но и играют роль электродов, равномерно распределяющих 50 000-вольтные разряды в тот миг, когда я поворачиваю замыкающий цепь могучий рубильник.

Еще несколько месяцев назад меня не подпускали к нему, но с тех пор я стал Помощником Руководителя Проекта. Должность эта не так ответственна, как может показаться на первый взгляд — в нашем отделе из двадцати пяти человек — двенадцать ПРП, — но все же это прогресс по сравнению с тем, чем я занимался раньше: а раньше я подтирал разлитые жидкости и мыл стекла баков. Теперь же я поворачиваю рубильник, который порождает на свет новые формы жизни.

Мои коллеги, ПРП, собираются в комнате отдыха между

сменами, сбиваясь в кучку, словно пытающиеся согреться уличные бродяги. Я же стою в дальнем углу с кружкой горячего витаминизированного напитка в руках и рассматриваю свои ботинки. Вряд ли они возьмут меня в свою компанию, если вспомнить, каким образом я получил повышение.

Время от времени нас навещает Руководитель Проекта. Она одновременно проводит около десятка различных экспериментов, лежащих в основе ее кандидатской. Наш отдел — всего лишь малая часть ее замысла.

Сначала она беседует с моими коллегами, просматривает результаты, нацарапанные на их планшетах, затем раскланивается с каждым в традиционной японской манере.

Затем она подходит ко мне, и я чувствую, что в этот момент за нами напряженно следят все. Она не разговаривает со мной, но часто ласково прикасается ко мне и делает какие-то записи в миниатюрном блокноте, закрепленном у нее на запястье. Гении — такие, как наша Руководитель Проекта, — находятся в состоянии постоянного вдохновения и размышления, поэтому не проходит и нескольких минут без того, чтобы она не записала какое-нибудь уравнение или комментарий в своем блокноте или на любой подвернувшейся поверхности.

Стены нашего научного центра испещрены ее граффити. Она пишет мелом, ручкой, фломастером, тюбиком с кетчупом; математические загадки и их решения, философские размышления, отдельные слова на двух десятках языках, диаграммы, рисунки, бесконечные, неисчислимые.

Я часто замечаю сотрудников, которые рассматривают эти пометки, пытаясь их расшифровать. Любой из них с радостью сверг бы, если мог, Руководителя Проекта с ее трона, выкинул бы ее на свалку, взгромоздился бы на ее место. Однажды я тоже попытался это сделать.

Но они не представляют себе, насколько она умна.

Иногда, как только на ночь выключают люминесцентные лампы, неотвязное и хаотическое жужжание которых действует на сердце, словно кардиостимулятор, она навещает меня в моей клетушке. Тихо-тихо, чтобы никто не услышал ее, хотя ей вряд ли что-то грозит, даже если ее застигнут за этим делом.

Она садится на край матраса, раздевается, затем раздевает меня, залазит ко мне под простыню и наши изуродованные тела идеально прилегают друг к другу, словно детали головоломки. Лежа в тишине, мы наслаждаемся теплом наших тел.

Поговаривали, что Руководитель Проекта полностью освоилась с одиночеством и способна существовать

неограниченно долго без близости с другим человеческим существом. Я знал, что это правда, но я также знал, как трудно, почти невозможно, расстаться с ненавистной частью себя.

От самого себя не отречешься.

Разумеется, всем им известно, что я не такой, как они, поскольку это видно невооруженным взглядом. Их ненависть вызывают в больше заметные отклонения (такие, как мой деформированный череп, мои черные глаза, моя нелепая походка и моя потрескавшаяся кожа), чем те, которые не так бросаются в глаза (мои длинные черные волосы и мои груди).

Но только один из них смотрит глубже, не обращая внимания на все эти поверхностные различия. В то время как остальные чешут свои лысые макушки и расставляют крестики и птички на формулярах, прикрепленных к их планшеткам, он старается не терять меня ни на миг из виду. На руках у него — перчатки из толстой резины, защищающие кожу, когда он заливает химикаты в зародышевые камеры, и он постоянно ловко вертит в пальцах пробирку, не сводя с меня испытующего взгляда.

Я поворачиваюсь к покрытой приборами стене, на которой смонтирован рубильник, и опускаю вниз тяжелый рычаг. Комнату заливает лилово-голубое сияние, и клубы пара стремительно поднимаются над баками; разряд длится строго установленный отрезок времени.

Голуби где-то под скрытым сеткой потолком мечутся как угорелые. Но и тогда он не сводит с меня глаз.

Я работаю в отделе уже почти три месяца, и за все это время он не рассказал о случившемся ни коллегам, ни Руководителю Проекта. И все равно я боюсь, однажды он проболтается кому-нибудь о том, что видел, как я выбирался из зародышевой камеры, выплескивая на пол раствор, которым он собственноручно наполнял баки с самого первого дня эксперимента.

Рычаг рубильника возвращается в исходную позицию чем-то вроде часового механизма. В положенный момент сияние мгновенно гаснет, и с ним стихает бульканье вскипающей в баках жидкости. С тихим шипением последние клубы пара вырываются из-под решеток, а затем слышны шаги младших научных сотрудников, направляющихся к зародышевым камерам, чтобы записать показания приборов.

На этом моя работа заканчивалась: я отворачивался от стены, чтобы вернуться к рубильнику, только когда вновь потребуется пропустить разряд. Но и тогда, усевшись на крышке бочки с химическими отходами, словно некая механическая горгулья, он

продолжал буравить меня взглядом.

Лежа под Руководителем Проекта — раковая опухоль, которую она исторгла из себя только для того, чтобы убедиться, что не мыслит без нее своего существования, — я слышу, как мы дышим в едином ритме. Она приподнимается на локте; прядь волос свисает с ее головы, скользит по шее, щекочет мои груди. Она по-матерински поглаживает мой живот, и когда наши бедра соприкасаются, судорога наслаждения пробегает по моему телу.

Она читает озабоченность в моих глазах, страх того, что породивший меня проект находится под угрозой, а вместе с ним, следовательно, и мое существование. Руководитель Проекта достает привязанную к запястью угольную палочку и пишет на стене уравнение, состоящее частично из греческих математических символов, частично из двоичного кода.

Она трудится над ним около минуты, затем внезапно останавливается, переписывает решение в блокнот на запястье, и снова ложится на меня.

На следующий день в комнате отдыха сотрудники нашего отдела готовятся к началу очередной смены. Я сижу на краю пластикового стула, согревая руки чашкой с горячим витаминизированным напитком, из которой не отпил ни глотка. У меня ужасно болит желудок, он утратил способность переваривать даже простейшую пищу.

Я чувствую себя еще более чужим, чем обычно, потому что в нашей команде появился новый сотрудник — Ответственный по Растворам, и, хотя он прибыл только сегодня утром, он уже оживленно болтает с работниками.

Мы быстро возвращаемся на рабочие места; я стою около рубильника и слушаю хлопанье птичьих крыльев над головой. Похоже, вчерашний разряд ускорил эволюцию наших мутантов в большей степени, чем ожидалось, поэтому я терпеливо жду, пока будут записаны все результаты. Воодушевление коллег позволяет мне слегка расслабиться; к тому же я замечаю, что никто не обратил внимания на физические и психологические странности нового Ответственного по Растворам.

Я украдкой рассматриваю, как он забирается на бочку с отходами и усаживается на ней. Его глаза — в отличие от глаз его предшественника — ничего не выражают. В них не читается ни обвинения, ни угрозы.

А в баках теперь плавают новые обитатели — маленькие черные рыбки, неизвестная прежде форма жизни, возникшая на свет благодаря знанию, которому лучше было бы так и оставаться тайным.

В какой-то момент в лабораторию посмотреть на наше новое достижение заходит Руководитель Проекта. Черные рыбки поворачивают к ней морды; кто-то обращает ее внимание на важность одновременного появления этой мутации во всех баках. Она кивает и записывает что-то сначала на стекле бака, а затем в блокнотике.

За все десять минут визита она только однажды удостаивает меня взгляда.

Сотрудники вскоре расходятся, предоставив ей возможность изучить новую мутацию самостоятельно.

Я вижу, как она слегка прикасается кончиками пальцев к стеклу и смотрит, как черные рыбки вьются, словно игривые терьеры, вокруг других населяющих бак особей. Я пытаюсь догадаться, не вспоминает ли она в этот миг ту ночь, когда, вознамерившись положить конец своей безумной гениальности, она погрузилась в зародышевую камеру. Похоже, она догадывалась о воздействии, которое окажет на нее зародышевая жидкость, и надеялась, что ее интеллект, растворившись в ней, воплотится в какое-нибудь красивое и опасное создание, которое можно будет изолировать или убить.

Но вместо этого раствор поглотил другую, более темную и жуткую часть ее личности — дверь в подземелье, где была заперта ее человечность, которая была причиной ее отчуждения от окружающих, а может быть, и самим этим отчуждением. Именно она была захвачена и извлечена раствором. Но без нее, без этой части, какой бы она ни была и какой бы природой ни обладала, она не могла жить.

И я обречен остаться навсегда частью породившего меня эксперимента и каждую ночь лежать и ждать, когда Руководитель проекта придет и обнимет меня. Я позволяю ей делать это, потому что знаю, как ей необходим я, утраченная ею часть, хотя сам я при этом не испытываю никаких чувств.

Техника пульсирующего разряда

В конце времен посреди бескрайней механической пустыни осталось только два живых существа. Первое из них — это Он.

Кожа висит на Его изможденном исхудалом теле, словно плохо подогнанный комбинезон. Одинокий и неприметный, Он бредет по свалке, пробираясь между кучами старых автомобильных покрышек и списанных, но работающих телевизоров. Шипение эфира в их динамиках звучит как откровение какого-нибудь электронного бога. Подошвы рабочих башмаков на ногах Его изношены вплоть до вделанных в них стальных пластин, одежда на коленях и локтях местами протерлась до дыр, местами прожжена огнем. Очки сварщика болтаются у Него на шее, и в них отражаются далекие огни города, который Он покинул, чтобы найти Ее.

Второе живое существо — это Она.

Она — это законсервированный пульс, сердцебиение, пойманное в резервуар из оргстекла, наполненный хрустально-чистой водой, которая предохраняет от окончательной гибели то немногое, что от Нее осталось. Она стала такой в результате научного эксперимента, объектом которого Она была. Цель эксперимента, как Ей казалось, заключалась в том, чтобы выделить то основное, в чем заключалась Ее суть, удалив весь налипший на эту суть мусор.

И вот Она стала голубой светящейся сферой размером не больше грецкого ореха, плавающей в резервуаре, установленном на вершине бочки с химическими отходами. Сбоку Ее подсвечивает телевизионный экран, и Она ритмически пульсирует в его свете. Она абсолютно беззащитна перед огромными черными тварями, которые парят в дымном небе, наполненном бессмысленными обрывками радиоволн, испускаемых передатчиками обезлюдевших радиостанций. Впервые в истории радиостанции не нуждаются в радиослушателях, способных понять смысл их передач.

Почва под Его ногами местами раскисла в жидкую грязь, поэтому Он передвигается, перескакивая с одного островка мусора на другой, переходит с балки на балку, бредет под осыпающимися сводами арок давно разрушившихся зданий, ступает, словно по камням, по колпакам от автомобильных колес и по диффузорам динамиков, спотыкаясь иногда о выступающие из потрескавшихся железобетонных стен куски арматуры, похожие на сломанные ребра.

Если не считать бессмысленного шипения телевизионного

эфира, кругом царит абсолютная тишина. Это радует Его, если Он вообще еще способен чему-то радоваться.

Он уже не помнит, какую роль играл сам в том эксперименте, за демонтаж каких Ее частей он отвечал лично. Скорее всего, никто не разъяснил Ему, с какой целью Он совершает определенные операции. Он просто делал то, что Ему велели, — вот и все. Его функции были такими же четко определенными, как и у любого работника на конвейере, и такими же узкими. Он не знал ничего, кроме поставленной перед Ним задачи.

Все принимали равное участие в Ее демонтаже, но Он чувствовал себя так, словно был один во всем виноват.

Прошла неделя с тех пор, как все работы по проекту были завершены, но каждый день во время регулярных, словно биение сердца, интервалов между бесконечным исполнением однообразных действий, мысли о Ней посещали Его, словно регулярная ошибка, вторгшаяся в строки командного кода. Ее демонтаж стал тем вирусом, что переписал начисто всю Его программу, разрушив однообразие Его существования, и рассыпал нули и единицы Его двоичной души по заводскому полу, куда немногим раньше сыпалась пыль того, что прежде было Ею.

Его переписанная заново личность, версия 2.0 Его сознания, приняла решение: предыдущей ночью Он выбрался за пределы лаборатории, перелез через изгородь из колючей проволоки и пошел по мощенной булыжником улице, которую время от времени пересекали разветвленные трубопроводы. Его каблуки громко простучали по асфальту окраинных кварталов, застроенных многоэтажками, и вот наконец Он вышел на раскинувшуюся за пределами города пустошь, куда отвозили умирать пришедшие в негодность машины. Стофутовые опоры ЛЭП, похожие на остовы гигантских огородных пугал, возвышались на горизонте.

Он так и не узнал ответа на вопрос, с которым отправился в путь — удастся ли выполнить команду undo?

Удастся ли вновь укомплектовать Ее?

Впереди, в нескольких сотнях ярдов за каркасами нескольких сгоревших трансформаторов и автомобильным двигателем, Он заметил Ее. Он знал, что обнаружит Ее именно здесь, потому что сюда выбрасывали все отходы экспериментов, потому что в один прекрасный день, когда Его самого признают устаревшим, Он тоже очутится здесь.

И все же Он остановился за несколько шагов до нее.

Остановился, потому что заметил в земле вокруг Нее поблескивающие головки осколочных мин. Разумеется, их отдел

не мог бросить Ее здесь просто так. Это был хлам, но это был их хлам, а врожденное чувство собственности не позволяло им отдавать безвозмездно никому даже то, в чем они сами не нуждались.

Мины были разбросаны вокруг, вдавлены в землю на различную глубину, из чего Он заключил, что есть и такие, которые совсем прикрыты землей, что, впрочем, не помешает сработать взрывателю, наступи Он на него.

Он скосил глаза на лежавший рядом монитор системы внутреннего наблюдения, наполовину ушедший в землю, так, словно это была еще одна мина, только и ждущая того, чтобы пронзить Его мозг зазубренными осколками Эм-Ти-Ви. В мельтешении белых и черных точек на экране Он увидел себя, перемолотого в крошево мяса и костей гвоздями и кусками дюраля, которыми были начинены мины. Ему послышалось, что Бог Машин промолвил: «Искупить вину можно, только принеся себя в жертву».

Она продолжала гипнотически мерцать. Небо искрилось электрическими разрядами; оно было настолько переполнено электричеством, что даже светилось по краям.

И Он сделал первый шаг в направлении минного поля.

Раскисшая почва под Его ногами была так плотно нашпигована металлическим ломом и деталями механизмов, что легко выдерживала Его вес. Он нашел взглядом ближайшую мину, сделал глубокий вдох и наступил на нее.

Отчетливо, словно в кино, Он увидел, как спусковой механизм выбросил основной заряд на три с половиной фута в высоту, где тот угрожающе завис на какое-то мгновение, будто пытаясь осознать, что от него хотят, а затем взорвался, разбрасывая пучки пламени и фосфорических искр. Тысячи крошечных снарядов впились в Его плоть, пронзили ее, и Он рухнул на землю, оставив в воздухе руку, которая еще некоторое время висела там, словно, оставшись без хозяина, позабыла о существовании земного тяготения, и только потом упала рядом.

Судорога пробежала по Его телу, но Он тут же поднялся на ноги; туловище Его теперь кренилось набок, и Он был вынужден схватиться за бетонный блок, чтобы не упасть.

Молния вспыхнула в небе, и в ее свете Он разглядел, что резервуар из оргстекла упал и лежит на боку, крышка лопнула, а содержимое медленно вытекает на грязную землю. Она по-прежнему выглядела как пульсирующий огонек — но теперь огонек этот лежал в заботливой ладони худой, пронизанной голубоватыми жилками руки, предплечье которой терялось в ночном мраке.

Вокруг приемники отчаянно сканировали эфир, переключаясь с одной умершей станции на другую, мертвый воздух гудел, словно вьющийся вокруг рой саранчи, то приближающийся, то удаляющийся. Списанные люминесцентные лампы слабо мерцали, а по жидкокристаллическим дисплеям струились бессмысленные колонки цифр.

Он сделал еще один шаг в Ее сторону, еще один шаг к Ее комплектации, и тут же вторая мина, словно вспугнутое насекомое, подскочила и повисла в воздухе рядом с ним, прежде чем осыпать его каскадом маленьких колючих поцелуев. Осколки разорвали на клочки Его правый башмак, куски металлической подошвы впились в стопу, и Он упал обратно на землю, приведя в действие еще несколько мин.

Телевизионная трубка по соседству взорвалась от перевозбуждения. Небо гудело.

А Она росла прямо на глазах, Ее тело фрагмент за фрагментом возникало из насыщенного статическим электричеством воздуха, восстанавливая свою комплектность.

Он не чувствовал боли — даже тогда, когда после взрыва очередной маленькой мины, установленной так, чтобы привести в действие положенный рядом с ней крупный фугас, Он лишился всех частей тела, от него остался лишь торс. Он просто-напросто переписал собственный код, заменил единицу на ноль в процедуре, отвечавшей за обмен данными с болевыми рецепторами. Он знал, как избавиться от страданий при помощи элементарной махинации с двоичным кодом.

Цепляясь за землю единственной уцелевшей рукой, Он пополз к ней. Антенны, торчавшие из куч выброшенных на свалку приборов, заинтересованно тянулись к Нему, словно усики гигантских тропических жуков.

По пути Он лишился еще нескольких фрагментов своего тела.

Когда Ее сборка достаточно продвинулась, Она перевалилась через край бочки с химическими отходами, вздрагивая всем корпусом каждый раз, когда к Ней присоединялась новая деталь. Она потребляла материю на все сто процентов, не теряя попусту ни атома в процессе регенерации плоти. Пульсация, которой Она некогда была, теперь тихо трепетала в глубине Ее грудной клетки.

К этому моменту Он уже полностью утратил способность самостоятельно передвигаться, но ударными волнами не смолкающих ни на минуту взрывов Его подталкивало все ближе и ближе к Ней, хотя за каждый пройденный дюйм Ему приходилось расплачиваться все новыми фрагментами своего организма.

Высоко в небе одна за другой вспыхивали молнии, вонзаясь в

верхушки опор ЛЭП, словно перекидывая мост между этим миром и цифровым раем.

Бочка внезапно лопнула под тяжестью нового бытия, и Ее возрожденное тело упало в лужу загустевшего машинного масла, пронизанную светящимися жилами, которые тянулись к нему, словно питающая эмбрион пуповина. Она барахталась в этой луже, как новорожденный человеческий младенец.

В этот миг земля под тем немногим, что еще оставалось от Него, полыхнула, и струи бледного пламени озарили тьму, разбивая в стеклянную пыль экраны телевизоров и компьютерных мониторов. Существо Его практически сравнялось с нулем, обратившись в шестнадцатеричный аналог небытия. Он покатился в ее сторону, теряя по пути последние материальные фрагменты, и когда наконец остановился, то от Него осталась лишь небольшая, размером с грецкий орех, пульсирующая сфера, светящаяся голубым светом.

Это была Его сердцевина, Его сущность.

Он искупил свою вину.

Возрожденная, Она восстала из машинных вод, сверкая маслянистой оболочкой. Зубы и белки Ее глаз сверкали белизной, губы алели во мраке.

Небо успокоилось, гул статических разрядов в динамиках превратился в тихий шорох.

Она осмотрела окружавшую ее свалку и встала на колени, подняла упавший на раскисшую почву резервуар, поставила его рядом с маленьким, нездешнего вида объектом, в который превратился Он, а затем запихала Его в резервуар.

Ей показалось, что теперь Он пульсировал с облегчением, хотя свечение Его по-прежнему оставалось печальным.

Она подняла с земли треснувшую крышку и накрыла ей резервуар.

— Теперь ты в безопасности, — прошептала она. Электрический разряд распорол черное, затянутое смогом небо, а за ним последовал низкий раскат грома, который воспринимался не столько слухом, сколько осязанием. Белый шум заполнил экраны телевизоров. По жидкокристаллическим экранам заструились бесконечные строки двоичного кода, быстро превратившиеся в поток сплошных нулей.

Она посмотрела на далекий силуэт города, вырисовывавшийся на горизонте, и воспоминания о жизни в предыдущем воплощении наполнили Ее память.

Затем она повернулась в противоположную сторону и окинула взглядом бесконечную пустошь, где не было ничего, кроме ржавого металла и мертвого воздуха. Прижав рукою к

груди резервуар с любимым, она направилась туда, где Небо встречается с Землей, где сборочный конвейер, сбившись с ритма, останавливается раз и навсегда и где шипение статических разрядов звучит словно диковатая, но тем не менее погружающая в сон колыбельная.

Барокамера

Пряди ее жидких волос свисают с головы, словно спутанная пенька, правда, цветом они на пеньку совсем не похожи. Они черные, чернее тьмы ночной. Угловаты черты худощавого лица, зеленоватые кошачьи глаза бросают острые, как клинки, взгляды из-под бровей, скрывающих их в своей печальной тени.

Я наблюдаю ее через выпуклое окошечко в стенке барокамеры, в которую поместил ее. Я смотрю, как она спит, и воображаю, будто сплю с ней в обнимку, словно мы два вурдалака в одном гробу — образ, который, несомненно, мог бы родиться только в омерзительных фантазиях какого-нибудь Эдгара По. Я бы мечтал на самом деле очутиться вместе с ней, но мне туда не забраться. Я должен присматривать за ней и охранять ее.

Через несколько часов она вновь примется скулить и царапать когтями стены своей пневматической тюрьмы, но сейчас она — воплощенное спокойствие и апатия. Большие стальные поршни, которые дышат за нее, ритмично поднимаются и опускаются рядом с массивным устройством, злобно шипят и выпускают струи маслянистого пара в самых неожиданных направлениях. Ржавые шестерни вращаются, устало поскрипывая, выкрашивая друг из друга куски металла и искря. Разноцветные жидкости струятся по тонким медным жилам.

Я поцеловал поверхность стекла там, где с другой стороны были ее губы, и молча помолился за нее, а она тем временем едва заметно пошевелилась на своем белоснежном ложе.

В этом убежище, которое я построил для нас, сейчас три комнаты, каждая не больше шести шагов в длину и ширину.

Для одного человека этого более чем достаточно, поэтому я замуровал другое крыло нашего жилища, в котором находилось две комнаты. В мире, который находится над нашим пристанищем, слишком много места для всевозможных опасных тварей. Поэтому мы чувствуем себя лучше, когда находимся в тесных помещениях — и чем они теснее, тем лучше для нас.

Мы все начинаем жизнь в коконе диаметром в полтора фута — так распорядилась Природа. Она знала, что мы нуждаемся в защите от Верхнего Ужаса, и обеспечила ее нам точно так же, как я сейчас обеспечил ее себе и Лидии. Мы не созданы для того, чтобы расширять свой кругозор, исследовать окружающий мир и расширять свою территорию. Напротив, мы постоянно сужаем ее, строя клетки и загоняя себя в них, разбивая темный бескрайний небосвод и мерцающие бесконечные пустыни на подвластные нам фрагменты, осколки психотических галлюцинаций.

Я забрался в самое маленькое из помещений — такое маленькое, что я с трудом в нем умещаюсь. Я сворачиваюсь в клубочек, и моя спина наглухо затыкает входное отверстие, чтобы даже самый маленький из хищников не смог пробраться внутрь.

Стены — смесь скальной породы, оранжевой от прожилок железной руды, и мягкой, полужидкой грязи.

Я укрепил их стальными прутьями, чтобы они не обваливались внутрь. Я стараюсь не думать о мириадах скребущихся, жующих падаль, извивающихся тварей, от которых нас отделяет не более нескольких дюймов, но это очень трудно, потому что я постоянно слышу производимые ими звуки. Я прислушиваюсь к поскрипыванию их хитина, к хрусту их тел, протискивающихся в толще земли. Я классифицирую их приглушенный клекот, рычание и ворчание. Я внимаю тому, как в разнобой стучат их сердца, и меня подташнивает. Но не их мы боимся, а Тех, Кто Выше. Я не знаю, насколько глубоко нам удалось закопаться, но, судя по всему, недостаточно, потому что я продолжаю слышать грохот их транспорта, проезжающего у нас над головой, или ощущать работу трубопроводов и электрических сетей, которые насыщают их так же, как трубки для внутривенного питания, которые я ввел Лидии, перед тем как поместить ее в барокамеру.

Иногда я чувствую, как один из них останавливается прямо над нами и смотрит вниз через трещины в асфальте, через черную грязь, через слой останков давно умершей жизни, которые лежит под их ногами, словно сброшенная змеиная кожа, — смотрит на меня и Лидию.

Я с ужасом ожидаю дня, когда они наконец доберутся до нас.

Я проснулся от радующего мой слух звука — это Лидия заскулила внутри барокамеры, — и сразу же метнулся к ней. Стекло смотрового окошечка запотело от ее выделений, и на нем отчетливо виднелся след от когтя. С наступлением ночи таких следов станет гораздо больше.

Я положил ладонь на металл камеры, теплый от постоянного трения ее механических частей, и начал говорить Лидии ласковые слова через дюймовую толщу стали. Я увидел ее расширенные зрачки за облачками учащенного от страха дыхания и попытался сделать так, чтобы она заметила меня и поняла, что я по-прежнему здесь и готов прийти к ней на помощь и что я никогда не покину ее.

Барокамера начала вибрировать: ее системы пытались совладать с резко активизировавшимся метаболизмом Лидии,

сохранить искусственный симбиоз, в котором ее организм сосуществовал с машиной. Поршни с обеих сторон издали резкий хлопок, и струйки машинного масла брызнули из них на пол. Жизненные соки заструились по прозрачным жилам барокамеры, светясь от скорости, и в очередной раз я пришел в восхищение от того, насколько совершенно находящееся у меня перед глазами устройство.

Лидия заметалась внутри, но места для маневра не хватало, к тому же тело ее все еще было покрыто синяками и ссадинами, оставшимися после последней попытки вырваться наружу.

О, если бы мне только удалось объяснить ей, в какой безопасности она находится внутри барокамеры и как бы легко ей жилось, если бы она смирилась с нежными объятиями ее толстых стенок! Прошло не так много времени с того дня, когда я вырвал ее из лап Верхнего Ужаса и поместил в наше убежище, поэтому всего, что могло бы отравить чистоту среды ее обитания, следовало избегать во что бы то ни стало. К сожалению, я не мог позволить себе приоткрыть крышку барокамеры даже на то короткое время, которое требовалось, чтобы утешить и приласкать Лидию.

Вместо этого мне приходилось наблюдать со стороны, как паника охватывает все ее существо и пламя безумия загорается в ее ямных глазах. Это несправедливо, что она вынуждена претерпевать все эти муки, притом что я отчетливо осознавал необходимость принятых нами мер.

Наконец, чтобы показать ей, что не она одна страдает, я извлек маленькую канистру с грязной водой, которую собрал по каплям из трещинки в стенке проходившей в земле трубы, и выбрал три камня из кучи, лежавшей под дном барокамеры. Обычно я выбирал камни самой неправильной формы и клал их один за другим себе на язык. А затем заглатывал их, запивая водой, чтобы облегчить себе задачу.

Они скользили вниз по моему пищеводу, словно злобные зверушки, разрезая мягкую плоть и обдирая слизистую, так что я начинал захлебываться жгучим потоком собственной крови. Мое тело отозвалось судорогой на вторжение чужеродных элементов, кровь и флегма хлынули у меня изо рта, и я рухнул в беспамятстве на пол.

Я чувствовал, как камни завалили мой желудок, забили кишечник и остановили ток крови в моих жилах. Но я был благодарен им за то, что они помогли продемонстрировать Лидии мою преданность, мое единение с ней. Мы делили с ней на двоих всю боль, страдание, радость и любовь, каждый вздох.

С трудом я поднялся на ноги, чувствуя непривычную тяжесть

внутри, и оперся всем весом на гудящую и вибрирующую барокамеру.

Лидия к тому времени перестала биться о стенки. Запотевшее окно снова обрело прозрачность, и я увидел, что она лежит, закопавшись в подушки, и плачет, вцепившись в них пальцами. Маленькие капли розоватой крови поблескивали на ее коже там, где она поранилась.

О, как мне хотелось прикоснуться к ней!

Но ей было лучше оставаться там, где она была, там, где ничто не могло повредить ей…

Я улегся возле опор барокамеры — четырех бетонных столбов, густо смазанных твердой смазкой, чтобы ни одно существо не смогло взобраться по ним наверх, — и обвил один из них руками. Я представил себе, что обнимаю Лидию, и задремал под звуки ее приглушенных рыданий.

Когда Тот, Кто Прячется, засыпает, они начинают подбираться все ближе и ближе за слоем сетки, которым изнутри выложены стены. Они уже давно следят за ним через тонкий слой грязи, привлеченные, словно феромонами, исходящим от него запахом страха. Их глаза вращаются во мраке, всасывая в себя малейший лучик света. Верхний Ужас послал сюда их, маленьких черных послов, чтобы те передали ему, что прятаться бесполезно. Они найдут его везде.

Первыми придут те, у кого большие крепкие зубы и острые длинные когти; ими они разорвут в клочья стальную сетку, чтобы проложить путь второй и третьей волне и тем, у кого очень слишком ног и кто передвигается быстрым, легким, как перышко, вихляющим шагом.

Они спрыгнут с потолка и просочатся через щели в камнях, а затем в гнетущей, абсолютной тишине направятся к устройству. Они облепят его со всех сторон, а затем одна из этих тварей — жирная, похожая на личинку — прижмет свое липкое тело к смотровому окошечку и начнет прокладывать себе путь внутрь.

Мои глаза резко открылись от звука, похожего на шорох ветра пустыни в глазницах высохшего бычьего черепа. Я перевалился набок; камни внутри меня громыхали и больно бились о ребра.

Вокруг царило спокойствие, лампа, которую я регулярно заправлял маслом, вытекавшим из цилиндров барокамеры, ровно горела. Но я чувствовал близость хищников, их следящие за мной взгляды, полные жгучей ненависти.

Почему они не оставляют нас в покое?

Пневматическое сопение барокамеры слегка уняло мой

учащенный пульс, и я встал, внимательно вглядываясь в каждую крошечную тень на стене, надеясь, что кто-нибудь из них отважится выбраться на свет. Выхватив из-за пояса рыжий от ржавчины гвоздодер, с которым я никогда не расставался, я угрожающе замахнулся им.

За одним из стальных прутьев у меня лежал свернутый в рулон отрезок металлической сетки, и я решил натянуть его поверх уже прикрепленных к стене слоев. Кроме того, я подумал, не пришло ли время заколотить проход и во второе крыло. Чем больше места у нас будет, тем больше у них шансов подобраться к нам.

Словно легкое дыхание — барокамера шикнула на меня, и я улыбнулся, коснувшись ее прохладного покрытия. Правда, улыбка улетучилась, стоило мне увидеть прозрачную жидкость, размазанную по стеклу, и окровавленные подушки, разбросанные по пустой камере. Мои шок и ужас были столь же оглушительно остры и безжалостны, как и стальной болт, который, подкравшись сзади, вонзила в мое плечо Лидия.

Мое тело выплеснуло горячую-горячую кровь, и, падая, я успел заметить, как вокруг меня сгущаются грузные темные тени, исходящие из стенок, и увидеть, как жалкая изуродованная фигурка Лидии склонилась надо мной, и взгляд ее был полон безумия.

Барокамера вокруг меня уютно жужжала, заскорузлые подушки хрустели при малейшем движении, легкие хлопья Лидиной крови порхали как перышки. От моего дыхания стекла запотевают, но лишь на мгновение. Она спокойно наблюдает за мной из другого конца помещения, ее череп просвечивает в тех местах, где она вырвала клочья волос. Кажется, что ее глубокие зеленые глаза совсем провалились вглубь, к затылку, оставив вместо себя пустые, черные дыры. Губы ее потрескались и распухли, вокруг ноздрей — спекшаяся кровь. Она шепчет ужасные слова, которые я изо всех сил стараюсь понять по губам, но в этом нет нужды. Злоба так и сквозит во всей ее повадке; о, если бы она осознала, что наделала!

Они доберутся до нее. Да, они освободили ее, но теперь, когда цель достигнута, они доберутся до нее. И я кричу и кричу в вонючем безвоздушном гробу, куда она меня бросила, ибо я знаю — они здесь, рядом со мной, в самых венах барокамеры, в ее трещинках и зазубринах, и скоро они придумают, как проникнуть в мои. Я не могу шевельнуть ни руками, ни ногами — места нет. Я едва могу дышать. Камни лежат тяжелым грузом в моей окровавленной груди. Они здесь, со мной.

Нет, мы с Лидией никогда не будем в полной безопасности.

Вроде насекомых

Сидя в уголке клуба, я гадала, выслеживают ли другие девицы из «Инициативы Электрической Дивы» ту же добычу, что и я. В первый же вечер, когда они приняли меня в свою тусовку, я сразу же опознала некоторых из них, хотя не могла точно вспомнить, где же я их видела — в городе столько клубов, закоулков, храмов и закулисных Зазеркалий, что быстро перестаешь различать.

Так же как и кумиров, ради которых, собственно говоря, я сюда и заявилась. Я тащилась от РеДМеТаЛа уже несколько недель; стандартное для меня время разминки. Я побывала на всех его выступлениях, вычислила, где он живет, чем занимается вне сцены, разузнала все про его прошлое (ничего интересного) и про его сексуальные привычки. Несколько последних вечеров я занималась тем, что (в знак особенной близости к предмету моего обожания) вырезала его имя ножом на коже чуть-чуть повыше грудей.

Мою кожу испещряло множество шрамов от других имен. Часть из них уже изрядно поблекла от времени.

Клуб находился в перестроенном бомбоубежище, состоявшем из четырех комнат и четырех коридоров; если на все сооружение можно было бы посмотреть сверху, то получилось бы что-то вроде свастики. В клубе не было сцены: РеДМеТаЛ скрывался где-то поблизости вместе со всей своей аппаратурой, а исполняемая им музыка транслировалась из динамиков прямо в помещения. Под ее звуки все выглядели в полумраке словно полуразложившиеся трупы, а сама музыка казалась кровью, вытекающей из вен РеДМеТаЛа.

Я видела орды поклонниц (не профессионалок, вроде меня, а так, балующихся в свободное от работы время), тусующихся вперемешку с настоящими фанатами — теми, кому и вправду не до балды РеДМеТаЛа и его музона, а не с теми, что просто западают на любое новое имя.

— Правда, круто? — спросил кто-то рядом со мной. — Он точно гений!

Этот кто-то оказался парнем, видок у которого был такой, словно чья-то умелая рука взяла кусок проволоки и сложила из нее человечка. Неподвижные, как у ящерицы, глаза парня запали на самое дно его черепа-сразу было видно, что он только и успевал затягиваться из ходивших по кругу кальянов со шмалью.

Я в ответ затянулась сигаретой, поскольку считала, что пусть лучше темнеет в легких, чем в мозгах, и наполнила клубами дыма

пестрый от цветных вспышек стробоскопов воздух.

— Я на все его концерты ходил, — продолжил парень.

Конкурент?

— Как ты думаешь, он сегодня живьем выйдет? Я слышал, иногда он просто ставит какое-нибудь заранее записанное говно, а сам ходит по залу и смотрит, как кто слушает. Может, прямо сейчас рядом сидит! Да вообще, может, я — это он и есть! А может быть, он — это ты… нет, ты вряд ли, понятное дело, но, может быть, — вооон тот парень.

Он кивнул в сторону здоровенного парня, который выглядел словно один сплошной черный водопад — густые прямые волосы цвета воронова крыла, длинный черный кожаный плащ, сутулая спина — короче говоря, Мэрилин Мэнсон в эпоху перед альбомом «Mechanical Animals», упакованный с ног до головы в латекс, и все тут. Я затянулась сигаретой, чтобы потянуть время.

Торопиться было ни к чему. Я все еще сомневалась, стоит ли с ним связываться. Профессиональная поклонница должна постоянно просчитывать, стоит ли овчинка выделки, а результат — потраченного времени. Если ты проваландаешься слишком долго, к тому же выяснится, что добыча и так уже по уши погрязла в блядстве, тогда успех невелик и хвастаться нечем. С другой стороны, если ты нанесешь удар слишком рано, прежде чем твой объект успел хоть чем-то прославиться, смысла тоже никакого. Трахнешь пустое место, только время зря потратишь и лишнюю мозоль на лобке натрешь.

— Мы с тобой вместе на «Мозолистой Спине» зависали, — произнес чей-то голос. Я даже не заметила, когда эта кудрявая блондиночка успела примоститься рядом с моим соседом. На ней было красное платье в обтяг, проклепанное явно самопальными заклепками, — Сейчас даже и вспомнить стыдно. Кстати, что с ними сталось?

— Да насрать мне, что с ними сталось! — отозвался парень, и оба захихикали типичным смешком укурков.

Я вроде бы еще ничего не сказала о том, какие отпадные ягодицы были у Алджьери, вокалиста и лидер-гитариста «Мозолистой Спины»? Так вот, они двигались под кожей, словно танцевальный ансамбль, состоявший из хорошо накачанных слизней, когда мы с ним резвились в «позиции 69». А сперма у него была абсолютно безвкусной.

Стробоскоп погас одновременно с музыкой, вместо которой сразу же зазвучал монотонный индустриальный гул, который, скорее всего, был отсэмплирован прямо с саундтрека к оригинальной 110-минутной версии дэвидлинчевской «Головы-ластика». Вспыхнули ультрафиолетовые лампы, и все кругом

превратились в светящиеся фрагменты тел — в зависимости от того, что на ком было надето. Внезапно клуб оказался заполненным блуждающими торсами и ботинками, странными парящими в воздухе прическами и металлической фурнитурой. Я посмотрела на мои руки и улыбнулась, увидев, как пылают мои шрамы, словно щели, в которые виден Рай.

Я уже побывала на стольких выступлениях РеДМеТаЛа, что тут же догнала — сет подходит к концу. Именно это означал гул. Конец концерта — самое худшее время для отлова музыкантов, потому что все фанаты именно в этот момент их и поджидают. Не знаю уж, с чего я тормозила в тот вечер, но я явно упустила свой шанс.

Не проблема — время все еще было детское, а кумиров на этом свете хватает.

— Мы вроде насекомых, — сказала мне Марина как-то вечером вскоре после того, как я присоединилась к ее небольшой тусовке. — Мы ползаем по свежей падали и пытаемся получить от нее все, что можно, прежде чем она истлеет. Затем мы перебираемся на новый труп и так далее.

— А если исчезнут все трупы?

Марина улыбнулась:

— Трупы никогда не исчезнут, малышка.

Она всех нас называла малышками, хотя она была меня старше не больше чем на три года. Видно считала нас всех чем-то вроде своих детей.

Уже светало, и все вернулись на металлургический завод со своих ночных вылазок. Банка, стоявшая на скамье, была наполовину заполнена слоем густой, отливающей перламутром субстанции высотою в несколько дюймов, состоявшей из нескольких медленно перемешивающихся между собой фракций. Я наблюдала, как содержимое банки поблескивает в тусклом свете ламп.

На заводе уже давно не плавили сталь, рабочие покинули печи много лет назад. По какой-то не вполне понятной причине мы выбрали это место для наших шабашей. За огромными грязными окнами виднелась выжженная пустошь, а вдали — городские окраины Сиэтла. Высокие стены почернели за долгие годы от дыма и жара расплавленного металла. Их осыпающиеся поверхности поддерживались стальными крестовинами, похожими на проржавевший внешний скелет какого-то чудища. Здание было четырехэтажным, но мы в основном тусовались на первом — в огромном пустом зале, из которого вывезли все механизмы, какие только можно. Мы раскидали по полу красивые

вышитые одеяла, чтобы валяться на них, а стены задрапировали полосами батика, так что в целом все это очень смахивало на турецкий бордель. На кирпичную кладку налепили звезд из золотой фольги, усыпали все блестками. В общем, постарались, чтобы сделать из этого сарая что-то вроде волшебного дворца.

Марина постоянно вдохновляла нас на то, чтобы, рассказывая о подвигах прошедшей ночи, мы одновременно чистили друг другу перышки, чтобы выглядеть совсем неотразимыми.

Я растянулась у Марины на коленях, позволив ей положить мою голову к себе на руку, и она расчесывала мне волосы инкрустированной бриллиантами расческой. Нас все еще перло от ангельской пыли, а многие не до конца остыли от ночных приключений. Даже удивительно, как погано мы себя чувствовали, если, вернувшись в наш дворец, не пахли случкой или на языке у нас не было привкуса спермы.

— У тебя есть какой-то секрет, — прошептала Марина, поглаживая меня по голове. — Иначе не понять, как тебе удалось за такое короткое время добиться таких успехов.

Когда она в первый раз подошла ко мне и предложила пойти к ним в тусовку, я не стала врать и отчиталась обо всех своих победах в хронологическом порядке, иногда возвращаясь назад, если что-то вылетало у меня из памяти. Но только когда прозвучало имя Кобейна, все вокруг по-настоящему оживились и скептически начали прислушиваться ко мне. Под конец я показала ей черепную кость. Это могла быть чья угодно кость, но Марина мне почему-то поверила. Она сказала мне, что я только что, судя по всему, убрала Кортни по полной программе.

— Так в чем же твой секрет?

Я пожала плечами: под наркотиками мне показалось, что от этого моего движения покачнулась вся Земля. Чувствуя, что не держусь на ногах, я оперлась на Маринино плечо. Воздух поблескивал вокруг нас от летающей в нем смеси мельчайших частиц Пи-Си-Пи и блесток, пригоршню которой кто-то вбросил в вентиляционную систему.

— Рано начала, — ответила я и ухмыльнулась. Она заглянула мне в глаза и ухмыльнулась в ответ.

Меняя одежду, меняешь внешность.

На следующий день я направилась в Вест-Сайд раньше обычного. Подруги все еще спали на расшитых одеялах, обвив друг друга словно змеи. На мне были самые тяжелые сапоги на платформе, какие только девчонкам удалось раздобыть для меня, виниловая мини-юбка и латексный топ, поверх которого я накинула футболку с изображением пауков и паутины. Я

соорудила на голове прическу из зеленых, голубых и алых «перьев» и вдела все колечки в дырки на губах и носовой перегородке.

Я шла решительной, агрессивной походкой по мощенной булыжником улице в той части Сиэтла, где все попытки модернизации с треском проваливались. В той, где эпидемии моровой язвы под названиями «Терстон Мур» и «Курт Кобейн» оставили след в виде многочисленных умерших и агонизирующих — разбросанных по маленьким скабрезным ночным клубам и запущенным концертным залам, у многих из которых над входом не имелось даже вывески.

Я шла мимо них, мимо шаек, бродивших около покосившихся дверей, мимо ВИЧ-инфицированных вышибал с опухшими от вируса глазками, мимо шлюх и продавцов наркотиков. Две ночи назад я точно так же кралась по этим улицам, выслеживая Эстер.

Эстер была восхитительно высокой угловатой дивой; она пришла в Маринину тусовку одной из первых. Она недолюбливала меня из-за того, что Марина в последнее время почасту западала на меня, а у меня было правило: отвечать антипатией на антипатию. Я знала, что она охотится за самозваным механическим гуру по имени ПолуПлоть примерно с тех же времен, что и я, если не дольше. Я проведала о нем еще задолго до того, как стала тусоваться с «Дивами», но типа передвинула на заднюю конфорку, когда на горизонте обозначились РеДМеТаЛ и еще несколько свежих имен. Парень этот нехило зашифровался, что делало охоту на него непростым делом, а еще было хорошим знаком: к тем, к кому можно было подобраться с полоборота, обычно вообще не стоило подбираться. С другой стороны, я обычно брала не качеством, а количеством. Ну и фиг! Разве не за это меня приняли в Орден?

Но времена — они-то меняются. Я хотела показать сестрам, что если уж на кого запала, то не отступлюсь ни за что.

Правда, я слегка отстала от жизни и не имела ни малейшего представления о том, где сейчас зависает ПолуПлоть. Только подслушав, как Эстер базарит об этом чуваке с другой дивой, я получила всю необходимую информацию. Эстер уже добилась личной встречи с ним в одном из его храмов-машин, а у нас в Ордене такая встреча означала только одно.

Я стояла у входа в подземку: в прошлый раз мне удалось выследить Эстер только досюда. Вход вел в ту часть метро, которой не пользовались уже несколько десятилетий, и был перегорожен желтыми полицейскими лентами и сломанными деревянными ограждениями. Истертые ступеньки были завалены кучами отбросов.

Я осторожно спустилась вниз.

Платформу покрывал мусор, вестибюль был освещен тусклым серым светом, лившимся через отверстие, пробитое в потолке над путями. Раньше я уже наблюдала, как Эстер забирается внутрь через эту дыру и сидит вместе с десятком других персонажей на пластиковых матах на полу помещения, которое когда-то было комнатой отдыха для копов (об этом свидетельствовали покрытые битой фаянсовой плиткой стены и перевернутые металлические шкафчики). Апостолы новой веры сидели, взирая на огромный телеэкран, на котором не было видно ничего, кроме ряби помех. Под экраном сидел человек, опутанный колючей проволокой. На его конечности были надеты змеевики, свернутые из труб, соединенные с каким-то самопального вида механизмом, висевшим над головой человека. Глаза его мерцали от проходившего через них электричества.

Извлеченные из его головы невнятные образы время от времени промелькивали на экране, и тогда вся паства принималась приглушенно бормотать молитву.

Я спрыгнула с платформы на ржавые рельсы и направилась к отверстию. Посмотрев на часы, я ухмыльнулась — наркотик, который я подмешала в питье Эстер, будет действовать еще три-четыре часа, а через три-четыре часа ПолуПлоть уже будет моим, так что обе мы славно отсосем — каждая в своем роде, разумеется.

Я пролезла в дыру. Комната выглядела совершенно пустой, если не считать огромного телеэкрана, извергавшего мельтешение статических помех. Свернутые в рулоны пластиковые маты лежали около стены. Слева от меня был дверной проем, который я не заметила снаружи, завешенный шторкой из тонких металлических полосок.

Я отодвинула шторку и увидела его. Он сидел на электрическом стуле, его запястья и щиколотки были пристегнуты черными кожаными наручниками к тяжелым дубовым перекладинам. Из него торчали какие-то мерцавшие на сгибах голубым и красным проводки, подключенные к установленным вокруг миниатюрным мониторам, похожим на стаю мальков установленного в первой комнате монстра. Стены комнаты были сплошь выложены этими мониторами, словно кирпичами. Некоторые были разбиты или просто не работали, большинство же показывали тот же самый статический шум.

— Ты не Эстер, — произнес ПолуПлоть. Точнее, окружавшие его мониторы.

Я скользнула к нему проворно, как змея, одним мигом превратившись в юркое существо, состоящее из одних только

бедер. Правда мои башмаки при этом громко простучали по бетонному полу. В этот миг я поверила на все сто в то, что он — не фальшивка. Как я ошибалась раньше, когда западала по молодости на механических мессий-самоучек вроде Дарио или Рубенса-Что-Пребудет-Вовеки, словно клиническая блондинка, но сейчас комната была наполнена такими энергиями, что…

Мне показалось, что сам Бог рассыпался в танце черных, белых и серых точек на экране.

— Ага, я не Эстер, — согласилась я, встав перед ним во весь рост.

Затем я опустилась на колени между его широко раздвинутыми ногами, откинула в сторону непослушную прядь волос и показала высший класс, на который я была способна.

Я, разумеется, не уверена, все ли прошло в соответствии с протоколом — учитывая то, как я обошлась с Эстер. Никто никогда не пытался обозначить правила, которыми должна руководствоваться девушка из «Инициативы Электрической Дивы», но какие-то правила, бесспорно, должны быть. Увести добычу из-под носа у другой поклонницы — это одно, а накормить подругу наркотиком, чтобы занять ее законное место — это совсем другое.

Но, блин, девушка девушке — волк! Верно?

Почему-то дорога назад оказалась намного короче, чем мне казалось, так что я добралась до дворца в начале четвертого, когда большинство див были еще на охоте. По цеху между украшенными останками машин бродило штук пять девиц, включая китаянку по имени Анна и, понятное дело, Эстер — которая все еще валялась в отключке под пурпурно-золотым одеялом.

У меня уже челюсть устала держать маленькое сокровище, которое я принесла в клювике домой. Анна подошла ко мне поближе, чтобы посмотреть, как я выплевываю сперму в хранилище, которое еще только предстояло заполнить другим. Она протянула мне салфетку, и я утерла ею губы и подбородок.

Анна была типичным хрупким восточным существом с фигуркой, за которую многие из нас просто убились бы. Разрез глаз у нее был не такой узкий, как у большинства ее сородичей, повадки — как у заказного убийцы, и она никогда не носила юбок ниже середины бедра. Но около месяца тому назад она совершила роковую ошибку и теперь погибала от вируса, который пожирал ее на глазах. У нее постоянно были кровотечения, такие сильные, что ей приходилось подкладывать валики из полотенец, которые все равно насквозь намокали за пару часов. Кожа ее стала бледнее

на три тона с тех пор, как я с ней познакомилась, и она уже неделю не выходила на охоту.

— Ты сегодня рано, — сказала она голосом жестким, как бамбук.

— У меня была стрелка.

— Правда?

Я была не в настроении болтать, но в голосе Анны звучала такая печаль, что я растаяла. Кто знает, сколько еще времени бедняжка не сможет трахаться со звездами? Я даже и представить не могла, что я бы делала, если бы это случилось со мной — с ума сошла бы, наверное.

Так что мы присели около плавильной печи, которая некогда превращала сталь в раскаленную красную жидкость, подложили под спины подушки, и я обняла Анну. Я рассказала ей про ПолуПлоть (она слышала о нем, но только мельком), приврав маленько для красоты и, разумеется, опустив все сомнительные подробности.

— А я думала, что на него Эстер охотится, — прошептала убаюканная Анна.

— Что-то не видно, чтобы она сильно напрягалась, — ответила я, и мы оба посмотрели на Эстер, которая храпела, лежа на спине, под одеялом. Это выглядело совсем неизящно.

Я рассказала Анне о том, как от него, когда я притронулась к нему, посыпались искры, и как я увидела мои детские воспоминания на экранах мониторов, и как, когда он кончил, я почувствовала, словно мне в рот выстрелили зарядом металлической стружки.

— А он не фальшивка? — спросила меня Анна, уже засыпая.

Я кивнула и провела пальцем по лбу китаянки.

— Зуб даю.

— Марине расскажешь?

— Конечно.

Но к тому времени, когда я ответила на этот вопрос, Анна уже спала.

Убивайте своих богов.

Уничтожая то, что тебе дороже всего, ты уничтожаешь все. Уничтожая фальшивку, только попусту тратишь время и силы.

В таком жалком мире, как этот, для механических кумиров существует неограниченная свобода отрываться от земли и стремительно падать в выжидающее небо. А для тех, кто не стал кумиром, тоже существует неограниченная свобода — следовать за своими богами или не следовать. Третьего не дано.

Найдите своего бога и истребите его.

Нас было двенадцать, мы пробирались по хрустевшим под ногами перекрытиям над тоннелем подземки, словно стая расфрантившихся летучих мышей. Дождавшись наступления темноты, мы проникли в тоннель и стали ждать.

Эстер блистала отсутствием — то ли все еще не пришла в себя, то ли дулась. Может быть, просто ревновала — я ведь не только первой добралась до ПолуПлоти, но еще и выяснила, что он — не фальшивка. А может быть, она знала или хотя бы догадывалась, каким образом я ее обошла. Руки у нее, впрочем, были связаны — сказать она все равно ничего не могла.

Я посмотрела на Анну, которая упросила нас взять ее с собой. Она сидела верхом на стропиле и глядела на меня. На ней был вышитый золотом и пурпуром китайский халат, а уши ее украшали огромные серьги.

Я ответила ей взглядом.

Услышав какой-то шум, доносившийся из темного конца тоннеля, мы затаились. В темноте появился мерцающий свет, который внезапно взорвался серебряными сполохами, наткнувшись на полоски алюминия, которыми ПолуПлоть покрывал себя для лучшей проводимости. Его появлению всегда предшествовало негромкое жужжание — словно за ним повсюду роем летали электроны.

Я посмотрела на Марину — мы все посмотрели на Марину — и увидела в ее глазах то же самое выражение, что и пару часов назад, когда я рассказала ей про ПолуПлоть, когда она сунула палец в банку и попробовала на вкус мертвое семя бога. Прикрыв глаза, с покосившейся тиарой на взбитых в высокую прическу волосах, с губами, припухшими от недавней инъекции коллагена.

Похожая на спятившую Бетти Бу, подавшуюся в серийные убийцы.

ПолуПлоть подошел ближе: он шагал по шпалам так легко, что казалось, будто он парит над ними. Вокруг шастали жирные хвостатые крысы, привлеченные исходящими от него токами. Стоя в тени, я и девочки видели осыпавшиеся с него, словно искры, образы, вос-поминания, видения будущего, словно он был психическим жестким диском, с которого считывалось содержимое.

Мария задумчиво кивнула головой. Да, этот фальшивкой никак не был.

Мы дождались, когда он очутится под нами, возле лаза, ведущего в его логово, а затем взяли в руки наше оружие.

Обрушившись на ПолуПлоть ослепительным каскадом губной помады, лака для ногтей и стилетов, мы принялись убивать и

насиловать новообретенного бога.

Чуть-чуть позже мы лежали вповалку на путях подземки, окровавленные, усталые, возбужденные, остывая после оргии. Наши наряды были порваны, смяты, наши мозги гудели от энергий, которые наполняли ПолуПлоть перед тем, как мы выпотрошили его. Это было куда круче секса.

Перекатившись на бок, я прислушивалась к тихому, усталому смеху подруг. Мы лежали, положив головы друг другу на бедра, прислонив затылки к спинам, прижавшись друг к другу. Из-за молочно-белого плеча Элизабет я наблюдала за Мариной.

Марина лежала, прислонившись к металлическому ограждению, тянувшемуся вдоль стены тоннеля — то ли для того, чтобы камни из кладки не падали на поезда, то ли для того, чтобы помочь бедняге, упавшему в желоб с рельсами, выбраться оттуда. Ее длинное фиолетовое платье было разорвано сверху донизу, так что было видно все тело Марины. Капля крови в ранке на ее бедре набухла, словно слеза, и скатилась вниз. Волосы, скрученные в густые, слипшиеся от лака локоны, лежали на земле параллельно ее длинным ногам. На лице у Марины светилась широкая ухмылка.

Внезапно она резко перестала пялиться в потолок и посмотрела на меня. Я не успела отвести глаза в сторону. Она и раньше не раз подлавливала меня, когда я ее разглядывала, и всегда смотрела на меня с этаким видом застигнутого врасплох ангела.

Она послала мне воздушный поцелуй испачканными в крови пальцами.

Я поймала его в свою грязную ладонь и прижала к сердцу перед тем, как повалиться на спину.

Когда мы добрались до дому, Эстер уже поджидала нас. Она сидела верхом на выкрашенной бронзовой краской бочке из-под нефти, а на лице у нее сияла такая широкая ухмылка, что было ясно — без наркоты здесь дело не обошлось. Ее рассеянное от воздействия мескалина внимание сразу же сфокусировалось на нас, стоило нам войти во дворец. Каким-то образом она сразу же вычислила в толпе меня.

Наградив меня еще одной кошачьей улыбкой, она расплела свои элегантные лодыжки и снизошла с бочки на землю. Стряхнув чешуйки ржавчины с ягодиц, она встала, наклонив голову набок. Просто ангел сраный какой-то.

Остальные тем временем разбрелись по своим местам — одни взгромоздились на стропила или на лестницы, другие

улеглись на койки, матрацы или в пустые ванны. Они возбужденно тарахтели, все еще не остывшие от оргазма или чего покрепче. Марина подошла ко мне, обняла за талию, положив ладонь мне на живот. Стоя так, мы смотрели на Эстер.

— Эстер! — сказала Марина с легким материнским упреком.

Эстер положила палец себе в рот, изобразив в ответ капризную девочку. Хихикнула.

— Мамочка вернулась! — пропищала она.

Марина направилась к Эстер, но я не отставала от нее ни на шаг; она была теплая, и мне не хотелось расставаться. Протянув руку, Марина стерла что-то с подбородка Эстер. Ясно без объяснений, что это была полоска молочно-белой жидкости.

— Ты ходила сегодня на охоту, детка?

Эстер кивнула:

— Угу.

Затем она зыркнула в мою сторону, и я тут же почувствовала, как увяли во мне все недавние восторги, и мне стало кисло.

— Я тоже неплохо порезвилась.

Глаза Эстер просто сверкали, в них сверкали огни фейерверка; явно всю эту ночь она потребляла в неумеренных количествах продукты с высоким содержанием рибонуклеиновых кислот. Покачнувшись, она, чтобы не упасть, уперлась одной ладонью в бочку. На нас уже с любопытством смотрело несколько девушек, привлеченных нашей беседой.

Затем Эстер снова сунула палец к себе в рот, потом вытащила его и провела им по лицу. На коже остался темный след. Когда Эстер заметила это, она уставилась на бочку и принялась хихикать как сумасшедшая.

Тогда Марина отпихнула ее в сторону и сорвала с бочки крышку, как-то умудрившись при этом не поломать своих двухдюймовых коготков. Я только-только успела сунуть туда нос, как Марина нахлобучила крышку обратно, но того, что я увидела, мне и так хватило на всю жизнь.

Как она его туда запихала, этого я никогда не узнаю.

Я сразу догнала, кем он не был, этот сложенный пополам парень с елдой, которую Эстер затянула у основания куском стальной проволоки, чтобы продолжать отсасывать у него, когда он откинет копыта.

Это не был РеДМеТаЛ, хотя именно на это ставила Эстер.

Не прошло и пары секунд, как я догнала, кем он был — тем самым парнем из клуба неделей раньше, который сказал мне, что, может быть, он и есть РеДМеТаЛ. Возможно, он прогнал ту же самую телегу и для Эстер, а может быть, это и не потребовалось

— все зависело от того, как сильно ее колбасило. Короче говоря, девица приняла желаемое за действительное.

Мы избавились от этой бочки, долив в нее цемента для весу и утопив в ближайшей реке. В нашей тусовке мы знали, как сделать так, чтобы мужчина сгорел дотла — неважно, в пламени страсти или в огне паяльной лампы. Я оставалась вместе с Мариной, пока у Эстер не кончился отходняк, — а отходняк был еще тот.

Она то выла белугой, то пыталась, матерясь, выковыривать себе вены из рук когтями. Я стояла рядом, обняв Марину сзади и положив ей ладони на лобок, но жалости к Эстер во мне не было ни капли — только мрачная радость.

Эта сука, как только поняла, что ее опоили наркотиками, сразу же вычислила, с какой целью я все это затеяла и отреагировала на это так, как нам, конченым стервам, и положено.

Но я была отомщена.

— Мамочка! Мамочка! Ради Бога, помогите! — верещала Эстер, обращаясь то ли к нам, то ли к себе, то ли вообще непонятно к кому.

Я спокойно смотрела на то, как ее плющит в агонии, обнимая Марину, мою вторую мать, мою сестру, нежно лаская ее в такт с пульсацией крови, вытекавшей из распластанных вен Эстер.

Круче ночи в моей жизни еще не бывало.

После «смерти» Эстер уважение ко мне в нашей тусовке сильно выросло. Ее поражение обернулось каким-то боком моей победой. Я, разумеется, тут же слегка задрала нос, а тут еще коктейли из ангельской пыли и мескалина днем и ночью — так что нет ничего удивительного в том, что у меня не слишком сильно чесалось между ног. Сестры во всем потакали мне, я во всем потакала сама себе. На охоту я если и выходила, то только для того, чтобы прошвырнуться. Я даже не подыскала себе нового кумира. Но когда Марина однажды ночью прошептала мне на ухо то, что она мне прошептала, даже сквозь густой наркотический туман, окутавший мои мозги, я поняла, что мир вокруг меня обрушился от этих слов, а потом, обрушившись, приобрел четкую, жесткую определенность. Я перекатилась на бок и уставилась на Маринины губы, которые шевелились, повторяя снова и снова эти слова.

— Пусть это будет нашей тайной, — говорила она. — Нашей тайной.

Я улыбнулась, потому что я видела наше будущее, и оно сверкало, озаренное светом единственного истинного бога, который был нашей тайной. Нашей с Мариной тайной. Бога,

который был неизмеримо круче всяких РеДМеТаЛов, Дариусов-Икс, ПолуПлотей — да даже круче самого Кобейна. Бога, оргазм которого своей струей вышибет мне мозги и сорвет крышку с черепа.

Полторы недели спустя ангельская пыль осела в моем организме, словно обыкновенная пыль, оседавшая на наших самодельных столах и стульях. Обыкновенная пыль, мертвые частички нашей кожи, летающие в воздухе, пыль мертвой плоти, как тот пепел, что захоронен на дне реки неподалеку отсюда. И наступила полная ясность, особенно заметная на фоне предшествовавшего помрачения.

Валяясь на матрасе и рассматривая мощные индустриальные своды цеха, избежавшие наших жалких оформительских потуг, я торжествовала в душе. Еще одно последнее усилие. Еще одна звезда в коллекцию.

Мне так хотелось трахаться, что зубы сводило.

Я восседала на троне, который девочки соорудили для меня. Как-то ночью мы откопали на свалке взаправдашний электрический стул и долго не могли налюбоваться на его обугленное дерево, пропитанное соком жареных преступников, на его покрытые ржавчиной металлические электроды. Затем мы оттащили его к себе во дворец, потому что какой же это дворец без трона? Единственная проблема состояла в том, что у нас было слишком много принцесс и каждой не терпелось пристроить на него свою точеную попку.

Мы обили жуткие боковины стула листами алюминия с голографическим звездным узором, посыпали сучковатое дерево порошком из смеси блесток и Пи-Си-Пи, задрапировали сиденье восточными тканями. Затем соорудили помост для трона и систему шкивов, чтобы поднимать трон на помост.

Конечно, девочки были не в меньшем восторге, чем я, но, поскольку дело затягивалось, они начинали скучать, сгорая от желания испытать, наконец, удовольствие, которое они доставили бы не сами себе. И я их понимаю. Заставьте мясников работать малярами — они тут же завоют от тоски по куску кровавого мяса и по топору в руке. Разумеется, я затеяла это все для того, чтобы немного их отвлечь.

План выстраивался в моей голове, бомба с часовым механизмом тикала у меня в голове в быстром танцевальном ритме, тревога и паранойя накатывали и отступали огромными океанскими волнами. Куда торопиться, скажу я им. Зачем нам ебля ради ебли? Наслаждение будет неполным, если его не посмаковать. А чтобы смаковать, надо сперва тщательно

разжевывать, глотать мелкими кусочками, верно?

Вы уж мне поверьте, я знаю. Я это видела. А мы тем временем хорошенько подготовимся.

Я смотрела, как они надрываются, перетаскивая с места на место мешки, наполненные баночками из-под бриолина, использованными иглами для инъекций амфетаминов, тюбиками губной помады и трехдюймовыми гвоздями для пневматических молотков, как их твердые и округлые мышцы перекатываются под кожей, словно маленькие зверьки. Они были такими шикарными посреди всей этой грязи и ржавчины. Словно ангелы, возникающие из клубов цементной пыли, работающие не покладая рук, потому что мне хотелось создать для нашего нового божества поистине величественный храм.

«Кто будет восседать на этом троне?» — гадали они.

Напряг крепчал на глазах, но я все предусмотрела. Сестры обижались на меня за то, что я постоянно гасила их восторги по поводу нового идола, говоря им, чтоб они не пускали попусту слюни, потому что ждать уже не долго, и они слушались меня во всем, даже если и недолюбливали меня из-за того, что я стала так близка с Мариной.

К концу строительства трона они стали уже такими капризными, что последний штрих я добавила сама: это была доска, прибитая перпендикулярно к изголовью так, чтобы образовывать крест. Я уложила на сиденье золотые и пурпурные подушки, а затем задрапировала отверстие между ножками куском серебристой материи.

Марина наблюдала за моими действиями из дальнего угла цеха. Видно было, что она относится ко всему этому с подозрением. Она видела, как я беседую с сестрами и как они повинуются мне — точно так же, как и ей, — просто потому, что им нравится повиноваться. Она по-прежнему спала со мной и позволяла ласкать себя, но, похоже, начинала жалеть, что поделилась со мной своею тайной. Мы были вместе и порознь: мои мысли были разделены между Мариной и той звездой, которую она обещала мне. Чтобы звезда проебла мне мозги насквозь. Проебла мозги нам обеим. Нам всем.

— Это будет президент? — интересовались девочки. — Нет, Элвис Пресли, живой и здоровый, который все это время скрывался в Юте и копил сперму, чтобы на нас на всех хватило!

— Нет, не угадали, — отвечала я им, разлегшимся у основания трона, на который я взгромоздилась прямо с ногами. Железное кольцо, к которому когда-то крепилась шапочка-электрод, висело у меня над головой, словно нимб.

— Тогда это тело Че Гевары! Нет, мумия Ленина!

Их обида обернулась обожанием за одну ночь, в течение которой я рассказывала им сказки, дразнила их Мариниными обещаниями.

— Нет, нет, — говорила я. — Гораздо круче!

— Тогда, может, Антихрист в дорогом костюме и галстуке, словно прямо из романа Брета Истона Эллиса.

— Нет, нет, — повторяла я. — Круче! Гораздо круче! Когда мне было одиннадцать лет, родители повели меня в церковь. Это случилось за несколько месяцев до пожара, в котором они оба погибли. Пока родители болтали с другими прихожанами, я бродила по церковному двору. Я заметила, как дочь одного из друзей моего отца зашла в тень за зданием церкви. Я пошла за ней и застала се перед массивным распятием Христа, первого революционера современного мира и явного Бога. По крайней мере, она мне так сказала. Первый революционер.

«Но это же Иисус Христос», — сказала я ей. «Разумеется. А знаешь, что бы я сделала, если бы встретила его или Бога Отца?» «Нет». «Если бы я встретила Бога во плоти, — сказала она, — я бы первым делом попыталась отсосать у него».

— Тогда это Чарли Мэнсон?

— Рэй Крок, создатель сети Макдоналдс?

— Председатель совета директоров «Найк», «Дисней» или «Уолмарт»? Призрак Маршала Маклюэна? Денис Родман? Какой у него цвет кожи? По какому каналу будет идти передача? Это будет аналоговый бог или цифровой?

— А может, это будет она? — сказала Анна, и возбуждение девочек троекратно возросло.

— Нет, — сказала я им. — Нет!

И все это время Марина скрывалась в темном дальнем углу, так что о том, что она здесь, можно было догадаться только по поднимавшимся оттуда через неравные промежутки времени клубам дыма.

— Если бог — это число, то сколько в нем знаков?

— А если ты все же встретишь его, прождав столько лет, что ты сделаешь?

— Я? Я у него отсосу!

Марина открыла мне страшную тайну, и тайна эта означала конец всему: я об этом догадалась даже прежде, чем это сообразила сама Марина. Она выпустила на свободу Антихриста, Зверя Последних Времен, и Зверь желал, чтобы его жестко выебли.

Я сказала девочкам, чтобы они приготовились, что ждать

осталось совсем немного, и они кинулись подшивать, штопать и клепать спои шикарные наряды. Я заметила, что Марина лежит на своем матрасике вдалеке от нас, но беды в этом особой не было — она еще успеет вернуться в стадо. Она просто устала. Она слишком долго командовала, и теперь ей нужен отдых.

Она открыла свою тайну, открыла имя единственного истинного Бога, и все еще не могла прийти в себя после этого.

Я наблюдала, как она дышит во сне, считая мгновения между вдохом и выдохом. Как-то ночью я взяла ее на руки и положила на ее трон, потому что сама она до сих пор отказывалась туда садиться. Когда она проснулась и увидела, что я лежу, свернувшись, у ее ног, она в полусне слезла с трона и вернулась на свой матрасик.

Впрочем, какая разница.

Я положила ее к себе на колени и прошептала в ухо: «Все будет хорошо, успокойся», — потому что рано или поздно любому ребенку приходится утешать своих родителей. Разумеется, если они до этого не погибнут при пожаре.

— Я не понимаю, зачем все это, — отозвалась она.

— Тсс! — прошептала я и поцеловала ее волосы. — Все скоро кончится.

И не прошло и двух ночей, как оно почти и кончилось: девочки, мертвые, валялись вокруг, Марина восседала на троне, прибитая к нему гвоздями, распятая на кресте, разинув окровавленный рот, готовый принять в себя член Иисуса.

— Пора, — сказала я, и девочки тотчас начали собираться вокруг меня.

Марина вышла на охоту: она единственная продолжала время от времени это делать, хотя с тех пор, как она недавно подцепила сифилис и на верхней губе у нее виднелась отвратительная красная короста, особенным успехом она не пользовалась. Но она должна была скоро вернуться, и тогда мы могли начинать.

Я стояла на помосте для трона, и девочки собрались вокруг меня, словно верные ученицы, сверкающие блестками, демонстрирующие в разрезах кто грудь, кто бедро, кто зад. Разводы губной помады, пятна теней под глазами, словно синяки, скулы, увеличенные пластическими хирургами-любителями из нашей тусовки. В сумочках у них лежали косметички и rape alarms.

В воздухе витал запах их похоти — густой, мускусный и безрассудный.

Одна за другой они подходили ко мне, брали у меня огромные, размером с почтовую марку, промокашки с кислотой, и

клали их себе на язык, словно облатку причастия. Затем они так же по одной отходили от трона.

Когда в очереди осталось только три девицы, нетвердой походкой в цех вошла Марина. Ее одежда была мокрой от лившего снаружи дождя.

— Что здесь происходит?

Я раздала последние три промокашки девушкам и ответила:

— Готовимся к встрече с богом.

Марина посмотрела вокруг, увидела рвение в глазах сестер и снова перевела взгляд на меня.

— Мы у него, мля, отсосем! — закричала какая-то девушка непослушным от химического опьянения голосом. Послышались смешки, кто-то взвизгнул.

Марина сразу погрустнела.

— Так нельзя, — сказала она. — Что ты им такого наплела?

— Когда-то я ходила в церковь, — промурлыкала я. — Когда-то я была невинной.

— Малышка, что здесь творится?

Марина стояла в паре шагов от меня, и глаза ее были полны слезами.

— Когда-то я ходила в церковь, — снова промурлыкала я.

— Я уже это слышала. Когда-то я тоже ходила в церковь, Золотце, что с тобой?

— Я знаю, что ты тоже ходила в церковь. Знаю даже в какую.

— Кончай! Мы начинаем или как? — заскулила одна из девушек.

По лицу ее градом струился пот: видно, природный наркотик бурлил у нее в крови. В то же мгновение другая девица упала на пол и забилась в судорогах.

Марина посмотрела на припадочную, затем на меня. Еще нескольких девушек начало пошатывать.

— Что ты им подсунула? — спросила Марина.

Джина, чувственная экс-стриптизерша, иногда подрабатывавшая автослесаршей, грохнулась прямо лицом на цементный пол, так что — клянусь вам! — из черепа ее прямо-таки посыпались мультяшные картонные звезды.

— …мне плохо…

— Прозрение, — ответила я.

Ночь, та ночь, в которую открылись тайны и отверзлись шлюзы.

Марина лежала рядом со мной, трезвая, сна ни в одном глазу.

— Я чувствую пустоту, — сказала она в темноте, наполненной холодным ночным воздухом. — Жуткую пустоту.

Я взяла ее руку в свою.

— А когда ты прикасаешься ко мне, — добавила она. — Я чувствую не пустоту, а тепло.

Я не смотрела на нее, я смотрела на огромные грязные окна на противоположной стене. Я слушала, что говорит она, и думала о том, что я могла бы рассказать ей в ответ. О том, как я тайком фотографировала ее. О том, как я долгие месяцы ходила за ней по пятам, прежде чем оказалась у дверей «Инициативы Электрической Дивы». О том, как я мечтала, чтобы она изнасиловала меня, сперва напичкав наркотой, чтобы целовала меня, как лунный луч, целующий темные океанские волны.

— Я люблю тебя, — прошептала Марина мне на ухо. В этом и заключалась ее тайна.

После того как она повернулась на бок и заснула, я долго еще лежала, уставившись на стену, и размышляла.

— Мне надо кое-что рассказать тебе. Это тайна. Никто не должен знать. Это наша тайна.

А затем — эти три слова, словно три динамитных шашки, упакованных в мех норки, пропитанный красотой и кровью.

— Прозрение, — ответила я, когда Марина спросила, что я такое подсунула сестрам. Прозрение в виде такой дозы девяностопроцентного галлюциногена, что она вырубит навсегда их слабые мозги через полчаса.

— Ты сказала мне правду? — спросила я, наблюдая, как Сара, Джулз и Тиш одна за другой валятся на пол. — Той ночью…

Марина тоже смотрела, как ее приемные дочери ничком валятся на цементный пол, похожие в своих шикарных новых платьях на невест, на упавшие кегли, на сорванные ураганом желуди. Когда Тереза упала на колени, попробовала проползти вперед, но тут же рухнула и забилась в судорогах, когда хрупкая фарфоровая Анна начала выплевывать сгустки крови, Марина закрыла глаза ладонями и из-под них тотчас же брызнули слезы.

Наконец мы оказались рядом, и тогда я положила руку на бедро Марины. Затем я взяла свободной рукой ее другую руку и поцеловала ее.

— Ваше величество, — сказала я и сделала реверанс. Маринины губы задрожали, и я поцеловала их, чтобы унять эту дрожь. Я схватила ее за голову, привлекла к себе, и она наконец приоткрыла рот в ответ, и я почувствовала тепло ее языка.

Если я встречу бога…

Это так давно, половину прожитых мною лет тому назад. Она не так уж сильно изменилась по сравнению с той девушкой-

подростком, что так пленила меня тогда, за церковью, в тени которой ее незрелая грудь под белой блузкой казалась такой рельефной. Если я встречу бога…

Мы раздели друг друга, бойцы нашей прекрасной армии лежали на полу вокруг нас, околдованные чарами углерода, фосфора и неизвестных полимерных цепей. Мы сняли с себя наши свадебные наряды и ювелирные украшения, она позволяла целовать себя и целовала меня в ответ, а затем я повела ее к трону, кожа наша соприкоснулась, и во мне вспыхнуло пламя, которое спало внутри все эти годы.

— Что ты будешь делать, если встретишь бога? — спросила она еще до того, как расцвела у меня на глазах в следующем году, когда я могла следить за ней только издалека, потому что после того, как мои родители умерли, в церковь я уже не ходила.

— Я? Я у него отсосу! — ответила я надгробным камням, после того как ее увели. И повторила эти слова распятию.

И вот прошли годы, и я возвела мою королеву на трон, села рядом с ней и целовала ее. Я повернула рычаг в подлокотнике трона, и три фунта Пи-Си-Пи, кокаина и измельченного амфетамина осыпали нас, так что когда мы облизывали друг друга, наши языки пощипывало от наркотиков.

Если я встречу бога, я у него отсосу…

Она сидела на троне, и ржавый нимб сиял у нее над головой. Я раздвинула ей ноги и скользнула вниз.

Те девушки, что все-таки выжили после моего убойного коктейля, смотрели как мы страстно извиваемся и понимали, что видят нечто большее. «Неужели это и есть бог?» — недоумевали они. Неужели я созерцаю бога, многорукого и потного, такого охуительно сексуального и чувственного?

«Что ты им подсунула?» — спросила меня Марина.

«Прозрение», — ответила я.

Марина вилась подо мной, шевелила бедрами, прижималась к моему телу, тоже покрытому сверкающей наркотической звездной пылью. Я схватила ее запястья, развела их широко, ощущая, как легкие спазмы прокатываются по животу Марины, как ее бедра все сильнее и сильнее сжимают мою голову. Апокалипсис приближался. «Интересно, если бог кончит, не приведет ли это к гибели всего мира?» — подумала я и с размаху насадила запястья Марины на длинные острые гвозди, которые я вбила в концы вертикальной доски, образующей крест со спинкой трона. В этот момент Марина кончила: кровь хлынула из пробитых запястий одновременно с резкими сокращениями ее тазовых мышц.

Моя прекрасная принцесса содрогалась в пароксизмах

нарастающего оргазма, распятая на холодном дереве, не зная, кричать ли ей от наслаждения или от пронзительной боли в запястьях и, наконец не выдержав, закричала и от того и от другого.

Я спустилась с платформы, чтобы насладится этим зрелищем. Мое лицо было влажным от ее любовных соков. Догадалась ли она, кто я такая? Или она всегда это знала?

Что я буду делать, если встречу бога?

Этому она меня сама научила в тот день.

Не поклоняйся никому. Не восхищайся никем, потому что в мире есть только одно всемогущее существо, которое имеет всю власть над тобой, которое носит одну с тобой одежду, трахается с теми же мужиками, что и ты, имеет с тобой на двоих одни потроха. Все боги — ненастоящие, потому что единственный бог-ты, и если тебе попадется один из этих обманщиков, ты должен убить его, потому что он лжец. Всякую мелюзгу, в которую никто не верит, даже она сама, трогать не надо: убивай только тех, кто опасен, тех, кто выглядит убедительно, тех, в кого можно почти поверить.

И вот Марина, развалившаяся на троне, пришпиленная к кресту, окруженная выводком своих красоток-учениц, похожих на потравленных тараканов, наконец получила ответ на свой вопрос.

Я начала собирать мои шмотки, чувствуя себя на вершине восторга и наслаждения, хотя в голове у меня слегка мутилось. Я натянула на себя старый комбинезон и туфли на высоком каблуке, потому что они первыми попались мне под руку. Затем я взяла пневматический молоток и гвоздь. Я обмотала волосы изолентой, чтобы они не падали мне на глаза. Я зарядила молоток.

Побросала самые необходимые шмотки в спортивную сумку, не задаваясь вопросом, как я собираюсь жить дальше, потому что это был слишком большой вопрос.

Затем я взобралась на помост к Марине, которая сидела с широко раскрытыми глазами и спокойно смотрела на меня. Кровавые пузыри набухли на ее вздутых от коллагена кукольных губах. Я подняла пневматический молоток и приставила его к ее лбу, в точку, где сходились ее брови. И нажала на курок.

Потому что: что нужно сделать, если встретишь бога?

Отсосать у него — а затем убить!

Расстройство чувств

Он всегда ходил сгорбившись, практически всегда, и, хотя, направляясь ко мне, он ничем не походил на убийцу, он был убийцей. Мы оба были убийцами.

Мы стояли перед заведением, которое в этих краях сходило за байкерский бар. Здание, в котором бар помещался, стояло рядом с подъездными путями, по которым подвозили грузы к кораблям, заходившим в док. Примостившийся в покровительственной тени огромного портового крана, бар весь так и щетинился от распиравшей его скрытой агрессивности и выглядел вызывающе, словно лозунг, сплетенный из колючей проволоки. Мотоциклы, сбившиеся в кучку на маленькой площадке перед баром, казались роем спящих насекомых.

— Ты что, все еще не выкинул это из головы? — спросил он меня, скрестив тощие руки на впалой груди и прислонившись к невысокой стене, на которой я сидела. Спросил с самодовольной улыбкой.

— Потерпи маленько. Как ночь прошла?

— Отменно, — ответил он. — Дзига взял меня в тот самый клуб — наверное, чтобы набить себе цену? Ну мне-то наплевать, если ему так больше нравится.

Я коротко усмехнулась:

— Интересно, что ты с ним такое сделал?

— Не хами мне. Ничего я с ним не делал.

— И то верно, они обычно сами это делают.

— Точно.

— И что же он сам с собой сделал?

— Догадайся.

«Догадайся!» С какой-такой радости я должна играть с ним в угадайку?

— Эротическое самоудушение? — ляпнула я первое, что пришло мне в голову.

Какое-то мгновение Виктор не отвечал, но, посмотрев на него, я все сразу же поняла по выражению его лица.

— Угадала, — отозвался он наконец обиженно, а затем добавил: — Он любил меня. Похоже, он и на самом деле очень любил меня.

— Значит, так и умер от неразделенной любви?

— Да пошла ты в жопу, Ваня!

— Сам туда пошел.

— Когда он решился на это, он сам захотел, чтобы я был там. Чтобы принимал в этом участие.

— Так это ты его задушил?

— Разумеется, нет, — рявкнул он, — Он хотел, чтобы я наблюдал.

— Ах вот как… — сказала я, чувствуя, что меня это начинает интересовать. — А раньше ты когда-нибудь такое видел?

Виктор покачал головой;

— Только издалека.

— Ну и как?

Виктор пожал плечами:

— Неаппетитное зрелище, честно говоря.

— Кто бы сомневался.

— Ладно, мы что, тут всю ночь будем обсуждать всякую блевотину или за дело возьмемся? А то я уже яйца себе отморозил!

— Ну, свою-то работу я уже сделала, — сказала я, почувствовав, что настала моя очередь выпендриваться. — Я тебе что-нибудь рассказывала о бинарных ядах?

— Нет, ты мне ничего не рассказывала о бинарных ядах.

Парень явно скучал, видно было, что этот урод уже отвеселился и теперь ему все было по барабану.

Так что пришлось мне ему рассказать о том, что некоторые вещества сами по себе абсолютно безвредны, даже в больших дозах. И их можно смешать с другими веществами, которые сами по себе тоже не ядовиты. Но смесь их будет уже совсем не такой безвредной… далеко не безвредной.

— Например, биметинол натрия, — сказала я, услышав крики, раздававшиеся из бара, — в сочетании с алкоголем.

В этот момент дверь бара неожиданно распахнулась, и оттуда вывалилась кучка байкеров, которые с трудом держались на ногах. Они натыкались друг на друга, на мотоциклы, опрокидывая все на своем пути. Их без конца тошнило, тела их сотрясались от жутких спазмов, и они падали на землю, продолжая корчиться от боли.

Следом за ними из дверей бара повалили остальные. Спотыкаясь о тела товарищей, они падали на землю рядом с ними и оставались лежать.

Виктор выпрямился, вцепившись в край стены так, что побелели костяшки пальцев.

— Вот они! — закричал, заметив нас, один из байкеров, явно избежавший действия яда. (Мне не удалось подсыпать яд в стаканы каждому, поэтому я знала заранее, что некоторым удастся уцелеть.)

Они, конечно же, запомнили новое лицо в баре, и теперь былое их любопытство естественным образом уступило место

подозрениям.

— Пора сматываться! — сказала я.

Виктор немедленно последовал моему совету, потому что те из байкеров, кто был еще в состоянии двигаться, уже поспешно направлялись к нам. Он уже перемахнул через стену и улепетывал через свалку промышленного мусора, находившуюся за ней, в то время как я, неторопливо забравшись на стену, выпрямилась во весь рост, а затем в ярком свете луны показала средний палец моим преследователям.

Так обстояли дела сейчас, но еще раньше — до байкеров, до этого бара — был Анатолий.

На одном из моих друзей я испытала маленькую дозу хлората аммония, на другом — инъекцию диметилсульфата натрия. Если хлорат аммония вызывал просто моментальную потерю сознания, после инъекции диметилсульфата на губах жертвы выступила розовая пена. Парень набросился на меня, повалив на землю, как только почувствовал что-то неладное. В тот самый момент.

В тот самый момент, когда в их глазах возникает вопрос: «Что ты сделала со мной?»

В тот самый момент, когда улыбка возникает у меня на лице.

Анатолий был долговременным проектом. Оттрахав меня, он обычно валялся на грязном диване, покрытый крупными, похожими на сверкающие пули, каплями пота, которые смотрелись на его коже словно капли кислоты. Я протягивала ему стакан с черной водкой и становилась рядом с ним на колени.

— А у тебя чего? — спрашивал он, кивая головой в сторону моего стакана.

— Просто вода.

— Покрепче ничего не хочешь?

— Не хочу. Пей сам.

Это было в самом начале недели. В конце недели он позвонил мне. Сказал, что всю ночь его ужасно тошнило с кровью и что он хочет поехать в больницу.

Я попросила дождаться меня и поехала к нему.

Везде на полу виднелись лужицы рвоты, в которых виднелась кровь. Отлично.

Это означало, что в его крови уже образовалось достаточное количество кристаллов VI2 и что в настоящий момент они разрывают стенки капилляров в его внутренних органах — в печени и почках, в основном. Эти частицы образовались потому, что раствор пропилдиэтилпропата, которым я постепенно накачивала Анатолия на протяжении последних нескольких месяцев, разрушил его метаболизм и теперь начал

кристаллизоваться в его венах быстрее, чем организм успевал перерабатывать его.

Перекладывая Анатолия с пола на диван, тоже густо покрытый засохшими лужицами рвоты, я прикидывала, как долго он еще протянет.

— Я едва могу пошевелиться, — сказал он, попытавшись ухватиться за меня и потрясти, но сил не хватило, и он упал на спину. — Ты должна отвезти меня в больницу!

— Это просто пищевое отравление, — сказала я, вытирая руки о юбку.

— Какое на хрен пищевое отравление! — завопил он, обрызгав меня каплями слюны, смешанной с желчью. — Да мне, похоже, просто пиздец пришел, Ваня!

Пропилдиэтилпропат имеет слишком сильный вкус, чтобы не заметить его в чистой воде, вот почему я растворяла его в черной водке, но теперь это уже не имело никакого значения. Я протянула Анатолию стакан.

— Тебе нужно пить, чтобы не случилось обезвоживания.

— Мне нужен врач!

— Не будь ребенком! — возразила я. — Тебе просто нужно успокоиться.

Я провела рукой по его голому животу и запустила руку под брюки.

— Кроме того, если ты попадешь в больницу, кто знает, насколько ты там застрянешь. А я буду без тебя скучать.

Я взяла плоть Анатолия в свою ладонь, смазанную его же желчью и кровью. Начала ласкать его.

Едва заметная улыбка появилась в уголках его рта, и я тут же влила ему в горло содержимое стакана.

— Не понадобятся тебе никакие врачи, — сказала я. И они ему действительно не понадобились.

В ту ночь спать мне было некогда.

Возвращаясь от Анатолия, я провела пару часов в барах центральной части города в поисках потенциальных новых друзей. Несколько знакомств, несколько телефонных номеров, несколько чересчур откровенных предложений, и вот я уже возвращаюсь по петляющей дороге, которая ведет на холмы к разбросанным по ним большим домам.

Всегда, когда я направлялась к Кристиану, я чувствовала себя так, словно направляюсь в лучший мир или, по меньшей мере, в мир, который так выглядит. В мир, в котором цыганам вряд ли когда-либо позволят встать табором.

Я надела черное платье для коктейля, украденное мною днем

в магазине, потому что Кристиан всегда вел себя так, словно его положено обслуживать по высшему разряду. Впрочем, я знала, что, несмотря на весь свой аристократизм, он, в сущности, как и все остальные, нуждался в первую очередь в моей дыре — поэтому платье, которое я надела, прикрывало бедра едва-едва, так что были почти видны даже некоторые из моих шрамов.

Кристиан владел пентхаузом в элитном жилом доме, стоявшем на одном из самых высоких холмов. Чтобы избегнуть объяснений с портье, я направилась обычным маршрутом — по пожарной лестнице, прикрепленной к задней стене дома, — но не успела я одолеть и пролета, как сверху послышались шаги: кто-то спускался по лестнице. Я нырнула в дверной проем, заканчивающийся вместо двери бетонной плитой, и увидела, как мимо меня прошел какой-то парень примерно моего возраста. Он, похоже, обкурился, потому что не заметил меня.

Я подождала, пока он не скрылся из вида, после чего проделала оставшийся путь.

Агония Анатолия раздразнила меня, словно кто-то попытался довести меня до оргазма, а затем остановился за несколько мгновений до того, как я кончила, и теперь я мучительно искала разрядки. Сегодня ночью настала очередь Кристиана: у меня для него был заготовлен особенный препарат, в настоящее время лежавший в моей сумочке.

Увидев, что дверь не закрыта, я насторожилась.

Я подумала, что, возможно, он просто поджидает меня, растянувшись на постели, как это часто случалось, но, хотя простыни были измяты, его там не было. Я позвала его по имени. Еще раз.

Под дверью в ванную виднелась узкая полоска света. Что он задумал на этот раз?

Я повернула ручку. Дверь была не заперта.

Кристиан ждал меня за ней. Он лежал в ванне, нагой и обмякший, свесив одну руку и одну ногу через ее край. Кровь вытекала из его перерезанных запястий.

Вот пидарас!

Зачем, какого черта?!

Я кинулась к нему, но я уже знала, что ему конец. Опасная бритва валялась на полу в увеличивавшейся на глазах луже крови.

Я потрогала его лоб, чтобы сделать хоть что-то.

Он все испортил!

— На хера ты это сделал?! — заорала я, молотя кулаком по его груди. — На хера?…

Я взяла приготовленный для него яд и все равно, в знак

пренебрежения к воле покойника, влила его ему в рот. Я трудилась не одну неделю над тем, что должно было случиться этой ночью, а он…

Стоп!

Тот самый парень.

Он спускался по лестнице, а с тех самых пор, как я начала водить дружбу с Кристианом, я ни разу не видела, чтобы кто-нибудь кроме меня пользовался этой лестницей. Насколько я знала, кроме как в пентхауз, с нее никуда нельзя было попасть.

Маленький сучонок!

Я засекла его, когда он, словно в полусне, брел по мостовым частной дороги, серпантином спускавшейся вниз к неуклюжим городским строениям. Он не заметил моей машины, пока я не остановилась рядом с ним, слегка преградив ему путь капотом машины. Я открыла пассажирскую дверь.

— Залазь! — скомандовала я.

Он был действительно очень молод, к тому же нарочито подчеркивал свой возраст обтягивающей футболкой и блестящими джинсами, в которых его худощавая фигура казалась еще более худощавой. На лице его застыло типичное для городской шпаны безучастно-агрессивное выражение.

— Мне ничего не нужно, — ответил он и попытался продолжить свой путь.

Я тронулась с места, снова перегородив ему путь машиной.

— Я подруга Кристиана, — сказала я.

— Не знаю никакого Кристиана. Не знаю вообще, о чем ты говоришь.

— Залазь ко мне, мать твою, или я вызову полицию! Угроза, казалось, слегка сбила с него спесь.

— Я ни в чем не виноват, — сказал он виноватым голосом.

— Тогда залазь.

Сначала он не хотел мне рассказывать, как он это сделал, и тогда я изобразила всем своим видом полное равнодушие, потому что я знала, что на самом деле ему мучительно хочется с кем-нибудь поделиться. Ведь и мне хотелось того же самого.

— Представь себе, что ты стоишь на одном из мостов там, внизу, в заливе. На высоте ста пятидесяти футов над водой. Всего лишь один шаг — и все кончено. Всего один шаг, мгновенный порыв, мгновенное решение. Нет ничего проще.

— Если нет ничего проще, — усомнилась я, — почему мы все до сих пор не покончили самоубийством?

Он пожал плечами.

— Возможно, нам просто нужно, чтобы кто-то нас подтолкнул.

— А если никто не подтолкнет?

Он снова пожал плечами.

— Знаешь, лично я бы предпочла, чтобы ты не подталкивал Кристиана к предельно честным поступкам.

Он ведь был мой.

— Твой бойфренд?

— Да нет же!

— Кто же тогда?

И я рассказала ему — рассказала, потому что подумала: «Черт побери! Да ведь он почти такой же, как я!».

— Ну откуда же мне было знать? — сказал он. — Надо было быстрее поворачиваться.

— Я же не знала, что нужно спешить! — заорала я в ответ и врезала по тормозам, потому что как раз в этот момент какой-то мудак попытался подрезать меня. Машина была похожа на бандитскую, поэтому я решила не связываться. Мне уже хватило приключений на ночь.

— Отравление, — сказал он, и (показалось мне это или нет?) мне послышалась насмешка в его голосе. — Как жестоко!

— Да пошел ты в жопу, что ты знаешь о жестокости! — Я подумала о том, сколько времени я потратила на то, чтобы подготовить правильную смесь и найти правильную дозу. — Нет в этом ничего жестокого.

— Тебе лучше знать.

— А ты выбираешь жертву послабее, повнушаемее — разве это не жестоко? — парировала я.

— Во-первых, они — не жертвы, — отрезал он. — А во-вторых, они ничуть не более внушаемы, чем кто угодно. И я могу это доказать тебе.

— Как?

Мы проехали через весь город туда, где стоят эти странные бараки, которые считаются тут за дома, а затем направились к возвышавшимся над ними многоэтажным домам. В этих тридцатиэтажных башнях чем выше поднимаешься, тем больше чувствуется бедность. Те, которые живут на самом верху, наверняка могут рассмотреть шикарное жилище Кристиана на другой стороне долины.

Он отводит меня по лестнице на четвертый этаж, в воздухе пахнет мочой, старой прокисшей мочой.

Он стучит в дверь, оттуда выходит лысеющий парень с грудью колесом и армейскими татуировками повсюду. Виктор знакомит меня со своим другом, и мы заходим внутрь, причем

парень практически не замечает моего присутствия. Он гораздо больше рад видеть Виктора, чем меня. Квартира грязновата, но все в ней разложено по полочкам (очевидно, рецидив казарменной дисциплины). На одной стене — гомофобская надпись, и я не знаю, сделал ее сам владелец квартиры или кто-то другой.

Мы сидим на полу, потому что в квартире практически отсутствует мебель, и парень продолжает игнорировать меня. Виктор болтает с ним, смеется вместе с ним, ласкает его, а я просто сижу и молчу. По привычке я не прикоснулась к питью, которое он мне предложил. Они уходят в спальню, и я остаюсь в одиночестве на пару минут, прежде чем Виктор возвращается.

— Почему бы тебе не спуститься в машину? — спрашивает он. — Я приду к тебе через пару минут.

Я киваю, потому что больше мне ничего не остается, заглядываю ему за плечо и вижу, что хозяин квартиры сидит на краю кровати, уронив лицо в ладони.

К тому моменту, когда я уже начинаю чувствовать себя жертвой розыгрыша, Виктор появляется из подъезда с выбитой дверью, взбирается на крышу машины и хлопает по ней ладонью, приглашая меня присоединиться.

— Что происходит? — спрашиваю я его, усевшись рядом.

— А ты подожди, — отзывается он.

Я слежу за его взглядом и замечаю на козырьке, отделяющем последние пять этажей от остальных двадцати пяти, человеческую фигуру.

— Это он?

Виктор удерживает меня, чтобы я не вскочила на ноги, и прижимает палец к губам.

— Не спугни его!

Я вижу, как человек наверху разводит руки в стороны, и в тот миг, когда он прыгает, я мучаюсь вопросом, на кого он пытается сейчас походить — на хищную птицу или на реактивный истребитель? Он летит до земли ужасно долго и в то же время стремительно быстро. Я никогда прежде не слышала звука, похожего на тот, с которым он ударился о землю.

— Блин!

— Давай, нам пора сваливать! — говорит Виктор и забирается в автомобиль.

В течение нескольких секунд я не могу заставить себя сдвинуться с места, я хочу пойти и посмотреть на тело (по крайней мере, так мне кажется), но люди уже высовываются, пытаясь понять, что это был за жуткий звук, и я понимаю, что это опасное желание. Я завожу двигатель, и Виктор говорит:

— Тебе есть куда ехать? А то мне некуда. Пристроишь меня?

Я ничего не отвечаю ему, просто трогаю с места.

То, что мы затеяли, нельзя назвать соревнованием в полном смысле этого слова, но что-то от соревнования в этом есть. Хотя никто из нас в этом не признается, я догадываюсь, что нам нравится делиться с кем-нибудь нашими тайнами.

Я жила в одном из самых маленьких трейлеров в трейлерном парке; колеса с него были сняты и заменены бетонными блоками, которые, как предполагалось, предохраняли днище трейлера от приносящей с собой ржавчину влаги. Все стены трейлера покрывали оскорбительные граффити, но нам было к этому не привыкать — ненависть всегда шла за нами по пятам. Я почувствовала испуг Виктора, когда затащила его на пустошь, которую мы занимаем в течение нескольких последних месяцев, но это была, как я понимаю, естественная реакция. Пройдет несколько недель, и он привыкнет.

Он зарабатывал на своих жертвах недурные деньги — перед тем, как они умирали, разумеется, — и он разделил эти деньги со мной в обмен на разрешение жить у меня.

Время от времени мы натыкались друг на друга, и тогда делились нашими историями, словно семейная пара, которая вечером обменивается впечатлениями о прошедшем рабочем дне. Наши рассказы представляли собой смесь хвастовства и исповеди.

Виктор рассказал мне об Оливио, латиноамериканце лет сорока с лишним, который вышиб себе мозги из охотничьего ружья, и о Нико, ди-джее с дефектом речи, который лег на железнодорожное полотно перед выездом из тоннеля на окраине города. В обмен на это я рассказала ему про парня, которого подобрала в металлическом клубе; он не мог отвести глаз от моих ног, обтянутых, как всегда, полосатыми гольфами выше колен, и как он корчился, словно в оргазме, когда я вонзила иглу в его спину и ввела ему 10 кубов специального препарата, который я приготовила за день до этого. Я рассказала ему о секретном шалаше в лесу неподалеку, который служил мне лабораторией, но он так и не дошел дотуда.

Как-то ночью мы лежали рядом на раскладной кровати. Виктор был явно в плохом настроении, хотя и не мог объяснить его причину. Я завела несколько новых друзей той ночью, и уже приняла решение, что испытаю на паре из них смертельную дозу одного из моих новых препаратов, причем одновременно, чтобы это было максимально похоже на испытания в полевых условиях.

— Ты меня слушаешь? — спросила я. — Это будет что-то вроде LD50.

— Вроде чего?

— Летальная доза 50. Это тест, который обычно проводят на животных. Им вводят постоянно повышающиеся дозы вещества и смотрят, от какой дозы умрет пятьдесят процентов подопытных.

— Что ты собираешься на них испробовать?

— Еще не знаю. Что-нибудь для перорального употребления, но на этот раз я хочу, чтобы они выпили яд по собственному желанию. Может быть, смесь гербицидов.

— Ту самую, зеленую?

Я кивнула и протянула ему сигарету.

— Можно задать вопрос?

— Если хочешь, — ответил он, затянувшись.

— Что ты им говоришь?

— Это зависит…

— От чего?

— От жертвы. От меня. От ситуации. Обычно я импровизирую.

— Но все же что ты им говоришь?

— То, что следует. Обычно не так уж сложно вычислить, какие слова нужны в каждом случае.

— А мне? Мне бы ты что сказал?

— А это секрет, — сказал Виктор и в первый раз за вечер улыбнулся.

— У тебя всегда получается?

Он слегка поджал губы и ответил не сразу.

— В большинстве случаев. Отдельные люди упираются сильнее, чем другие. Но в конце я обычно и с ними справляюсь.

— Обычно?

И снова он ответил не сразу.

— Есть тут один, я уже давно с ним вожусь. С того самого времени, как я сюда приехал. Он… ну, на него почему-то ничего не действует.

— А кто он?

— Обычный парень. Звать Роллинс. Он художник и пользуется определенным успехом в андеграунде. Он пишет картины и сооружает скульптуры из мусора. Я постоянно пытаюсь объяснить ему, как он бездарен, но ему, похоже, на это наплевать. Он обычно зовет меня к себе в гости, как только закончит очередное произведение, словно я — бутылка шампанского или что-то в этом роде. Я всегда тут же поливаю грязью его новый шедевр, но он лишь улыбается в ответ. Столько трудов, столько пота, а тут какой-то проститут приходит и говорит ему, что все это — полное дерьмо. А он в ответ улыбается — и все тут.

— Так ты у него сегодня вечером был? Да? Виктор кивнул и в

последний раз затянулся сигаретой.

Перед тем как окончательно покинуть квартиру через пожарную дверь (потому что в коридоре были люди), я окончательно убедилась в том, что кровь свернулась в его венах. Я уже знала по предыдущей ночи, что ему нравится жесткий секс, но в ту ночь ему хотелось еще пожестче, чем всегда. Он прокусил мне кожу на плече, поэтому я не чувствую себя ни капельки виноватой за то, что в ответ одним ударом свернула ему челюсть. Я не собиралась убивать его так быстро, но он испугал меня и сделал мне больно, поэтому я тут же опрыскала препаратом его лицо и грудь.

Он впитался в его кровь прямо через эпидермис — я прочла об этом методе в одном из украденных мною в библиотеке журналов; им пользовались в Южной Африке для того, чтобы вводить биологические яды лидерам движения против апартеида. Яд попал прямиком в его нервную систему и все нервные окончания вдоль его позвоночника вспыхнули одновременно, перегрузив болевые рецепторы, которые не выдержали этого накала, и тело его тотчас же обмякло. Болевой шок, должно быть, и убил его, потому что, когда тело упало на пол, он был уже мертв. Затем свернулась кровь.

Через двадцать минут я уже вернулась в лагерь, и тут услышала звуки драки. Какой-то пришелец из города, очевидно, решил напасть на одного из наших. За остовом сгоревшего грузовика, стоявшего на проколотых покрышках, я увидела, как кто-то добивает поверженного противника. Я вырвала из земли кол и с криком бросилась на нападавшего, и только тут поняла, что он избивает Виктора.

— Проваливай прочь, дерьмо собачье! — крикнул мне в ответ нападавший.

— Отвали от него на хер!

— Тебя это не касается!

И он пнул Виктора по голове с удвоенной силой.

— Мы здесь живем, так что это нас очень даже касается!

С этими словами Ивгений, мой двоюродный брат, появился на пороге дома-фургона с мачете в руках. Его жена Мария, как всегда беременная, маячила у него за спиной, сжимая в руках охотничье ружье.

— Назад! — рявкнул незнакомец, когда мы приблизились к нему, размахивая перед нами ножом.

Но в тот же миг Ивгений, проворный, как и его отец в молодости, навалился сзади на незнакомца, обхватил его шею своими огромными ручищами, и оба, сцепившись, начали

кататься по земле рядом с неподвижным телом Виктора. Противник взвыл, когда Ивгению удалось вонзить мачете ему в плечо, и я тут же крикнула, чтобы мой брат отошел подальше. Сжимая в руке распылитель со смертоносным составом, которым мне уже пришлось воспользоваться этой ночью, я прыснула пару раз в лицо нападавшему.

Его крик внезапно оборвался, все его тело сначала страшно напряглось, а затем обмякло.

Ивгений пнул голову мертвеца, а затем вложил мачете обратно в ножны, сказав мне:

— Лучше займись своим дружком. А я позабочусь о теле.

Я кивнула и поспешила к Виктору.

— Прости, Виктор, что так получилось. Он думал, наверное, что ты один из нас.

Глаза Виктора были налиты кровью, и он с трудом мог сфокусировать свой взгляд. Большая рваная рана вспухла у него на левой щеке.

— Пойдем, я тебе все промою, — сказала я.

— Ты ничего не поняла, — пробормотал он. — Это я сам во всем виноват.

Это был его сутенер, объяснял он мне, пока я обрабатывала рану на его лице. Вернее, бывший сутенер.

— Он обнаружил связь между мной и смертью некоторых его бывших клиентов и… мне пришлось убежать от него. Но это случилось несколько месяцев назад, и я думал, что он уже не следит за мной.

— А он следил, — сказала я.

— Что твой друг с ним сделает?

— Таких вопросов у нас задавать не положено, — ответила я, промывая рану марлей, смоченной в растворе антисептика.

— Извини, надо мне было тебе сразу рассказать. Я не думал, что он меня найдет.

— Меня это не касалось.

— И все же лучше бы я тебе сказал.

— Между нами ничего нет. Если хочешь иметь от меня тайны, имей ради бога. Мы друг другу клятв не давали.

— Но я хотел, чтобы ты знала.

И я подумала про себя: если у нас сегодня ночь признаний, не стоит ли мне в ответ поведать ему какую-нибудь из моих тайн.

Хотя бы одну.

Трубочки из прозрачного пластика, повсюду металлические зажимы, удерживающие все на своих местах, мигающие

лампочки, следящие за состоянием ее внутренних органов, какой-то нездоровый гул, сопровождающий работу всех этих механизмов, и в центре, на постели — моя сестра.

— Сколько времени она здесь? — спросил Виктор. Он разглядывал ее словно произведение искусства.

— Пять лет, — ответила я. — Ее перевели сюда из отделения интенсивной терапии, после того как она впала в кому.

— Она пыталась повеситься. Наш отец… Тут у меня перехватило дыхание.

— Никакого улучшения?

Ее кожа была одного цвета с простынями, на которых она лежала. Я почти видела, как кровь, насыщенная медикаментами, которые добавляли к ней, течет по ее артериям. Словно топливо по трубкам в машине. Повязка на ее шее скрывала незаживающий рубец.

— Да, — сказала я. — Пока что никакого.

В больнице ему было не по себе, и я задумалась, не было ли это связано с тем, что в ней было полно умирающих людей, на смерть которых он никоим образом не мог повлиять. Еще я подумала, не потому ли он этим занимается, что ему нравится повелевать смертью.

На обратном пути в машине он поинтересовался, как мне удается оплачивать ее лечение. Я рассказала ему о том, как я граблю квартиры и забираю все ценные вещи у моих жертв после того, как они умрут.

— Как серийный убийца, собирающий трофеи, — сказал он, и я никак это не прокомментировала. Я решила, что мы уже знаем друг о друге более чем достаточно.

События ускоряются — это совершенно очевидно. Вся моя жизнь с самого начала была сплошным ускорением событий. Восходящей спиралью, стремящейся к точке сингулярности. Впрочем, это верно для каждого человека, включая Виктора.

Последняя ночь началась с того, что мы сидели рядом и готовились каждый к своему делу. Я смотрела, как он накладывает тушь — так аккуратно, как я никогда не умела, а затем помогла ему втиснуться в пару виниловых джинсов, а он ответил мне услугой на услугу, уложив мои волосы в тугую косу. Я рассказала ему о друге, которого собиралась навестить — о молодом самородке, террористе-герильеро, который выглядел словно гибрид Че Гевары и Курта Кобейна. Настроение у Виктора было паршивым еще с утра, когда он узнал, что одна из долго подготавливаемых им жертв внезапно скончалась от передозировки наркотика, но он уже оправился от удара и

готовился сегодня ночью завершить работу с кем-нибудь другим из обширного списка.

— Что, теряешь квалификацию? — поддразнила его я и получила средний палец в ответ.

Боже мой, какие мы чувствительные!

Мы разошлись каждый в свою сторону. Я взяла с собой две склянки с прозрачной жидкостью и стакан, украшенный поцелуем, словно нанесенным губами в черной помаде. На приготовление яда у меня ушла целая неделя, потому что ему требовалось несколько дней на ферментацию, но я была уверена, что овчинка стоила выделки. Я точно не знала, какими будут последствия и какова правильная доза, но мне не терпелось попробовать препарат в деле.

И вдруг все пошло наперекосяк. Я не знаю, что там случилось: то ли я взяла неправильную дозу, то ли от тепла препарат потерял активность, но ничего не получилось. Мой друг чуть не помер со смеху, когда я набросилась на него и силой влила препарат в рот. Он так сильно смеялся, что мне пришлось выхватить из кармана нож и слегка порезать его — ровно настолько, чтобы я смогла покинуть место действия, — больше мне ничего просто не оставалось.

Короче говоря, через несколько часов я очутилась у себя дома. Ночь еще только начиналась, а никакого бала для Золушки больше не предвиделось. Я попыталась позвонить паре друзей, но звонки эти ни к чему не привели. Тогда я подумала, что могу позаимствовать кого-нибудь у Виктора ненадолго, и тут имя пришло мне в голову, и я сразу почувствовала комок в животе, который обычно чувствуешь, когда заходишь слишком далеко. Я прекрасно знала, что означает этот комок. И мне это нравилось.

Я записала имя Роллинс вместе с адресом на клочке бумаги.

Через несколько часов я позвонила Виктору. Он взбесился, потому что как раз в этот момент работал над одним из своих друзей, но я сказала ему, что не оторву его слишком надолго, просто хочу сообщить ему, что мы с Роллинсом прекрасно проводим время в его мастерской и приглашаем Виктора присоединиться к нам, как только он освободится.

На другом конце провода повисло молчание, во время которого он не мог не услышать, как Роллинс кричит мне, что ему хочется выпить.

— Не делай этого, — сказал Виктор сквозь шуршание помех. — Это нечестно.

— Но ты же у меня в долгу, разве забыл? Ты должен мне за Кристиана…

— Но это совсем другое! Я же тогда ничего не знал…

— Какая разница? Ты украл у меня добычу… Я плачу тебе той же монетой. Можно сказать, что я даже помогаю тебе решить проблему.

Ему ничего не оставалось, как просто послать меня на три буквы.

— С удовольствием туда отправлюсь, — парировала я. — Может быть, даже на твой, когда вернусь домой.

Но мои слова заглушил громкий крик Роллинса, который орал с другого конца комнаты:

— Что ты будешь пить?

— Не волнуйся, цыпа, — сказала я так, чтобы меня услышал не столько Роллинс, сколько Виктор. — Выпивку я приготовлю сама.

Еще несколько секунд я прислушивалась к звукам в трубке, свидетельствовавшим о том, что Виктор сильно разгневан. Меня это сильно возбуждало, словно секс.

А затем я повесила трубку.

Но я до сих пор не знаю, как это все, начавшись с маленького спора, дошло до того, что мы лежим на полу, в нашей крови, а я сжимаю в руке пистолет, в котором кончились патроны. Как это вышло? Вот что терзает меня в этот миг.

После того как я повесила трубку, Виктор начал вынашивать план мести.

И он его выносил.

Роллинс лежал распластавшись на кровати; его густо поросшая шерстью грудь была неподвижна. Я шарилась в его шифоньере, откидывая в сторону тряпки, ища спрятанные коробки с ценными вещами, по ничего не находила. И под кроватью — тоже ничего. Никаких сейфов, никаких заначек на черный день.

Черт побери, этот парень играл роль нищего художника по всем правилам!

В конце концов мне не оставалось ничего иного, как снять с рам пару полотен в надежде на то, что мне удастся их кому-нибудь впарить. Если этот парень такой охрененный художник, как уверял меня Виктор (и как считал сам Роллинс), тогда я без труда хоть что-то на этом заработаю.

Я оделась, схватила в охапку куртку и уже собиралась уходить, как зазвонил телефон. Я бросила взгляд в спальню, где виднелась бледнеющая на глазах нога Роллинса, и сняла трубку.

— Ты все еще там? — спросил меня голос Виктора.

— Собралась уходить.

— Ясно.

Голос его звучал странно, словно он накачался наркотиками или что-нибудь в этом роде. Там, где он находился, было очень шумно.

— А ты отку…

— Хорошо повеселилась?

Я не сразу ответила, потому что поняла, что мне несколько неловко за то, что я сделала.

— Не особенно. Он оказался таким занудой. Ты бы мог меня предупредить.

— Откуда я знал, что тебе может понадобиться эта информация?

Я не слишком внимательно слушала, что он говорит, поскольку слишком внимательно прислушивалась к звукам в том помещении, откуда он звонил. Они напоминали шум, который могла бы производить банда разгулявшихся привидений. Я снова спросила Виктора, где он находится.

— Нигде, — ответил он.

У меня бегали по спине мурашки, и я чувствовала себя так, словно кто-то живой копошился у меня в нейронах.

Для клуба шум был недостаточно интенсивным. Но что-то в нем мне слышалось очень знакомое.

Нервные окончания внезапно взорвались, по волокнам помчались искры, ответ сам собой родился у меня в голове.

— Виктор…

И тут я услышала то, что ожидала: по коридорам эхом прокатился чей-то голос, который по системе громкого вещания срочно требовал доктора Варислава в комнату номер 242..

Я заскрипела зубами, чувствуя, как наполняется кровью сердце у меня в груди.

— Виктор, не надо…

Он с легкостью проскочил мимо медсестер, потому что тех не особенно волновали долгосрочные пациенты, которые с их точки зрения были не более чем обузой, отнимавшей у них драгоценные силы и время. Наверняка он вошел, прикрыл за собой дверь, а затем уселся рядом с ней на тот самый стул, на котором я сидела целых пять лет. Интересно, что он сказал ей?

Наверное, спросил, ради чего она так цепляется за свою совершенно никчемную жизнь. Потому что, если бы она не цеплялась, сказал он, ей давно бы пришел конец. Он, наверняка, также сказал ей, что в смерти нет ничего страшного, что это покой, а кто не хочет покоя? Он наверняка нашептал ей все это на ухо, нежно, словно уговаривая ее отдаться ему, а затем он с

интересом наблюдал, как гаснут колебания на экране кардиографа.

Ее веки уже сомкнулись, но глазные яблоки за ними, наверное, еще слегка подрагивают. Обмякли ли ее постоянно сведенные судорогой конечности? Вполне вероятно.

Поздними ночами и ранним утром я частенько задумывалась над тем, слышит ли она меня в коме, но потом я перестала волноваться на эту тему, когда поняла, что это не имеет никакого значения. Зачем ощущать себя частью мира, если не можешь на него никак реагировать?

Я знала наперед все те вопросы, что он задал ей, потому что не раз задавала их сама себе. Я легко могла представить, как разыгрывалась эта сцена, потому что тысячи раз разыгрывала ее у себя в голове — только на месте Виктора была я.

Но я не знала, лучше оно или хуже, что все случилось так.

Я затормозила с жутким визгом перед приемным покоем и выскочила из машины, даже не заглушив мотор. Виктор стоял и ждал меня, я с трудом различила его силуэт сквозь слезы, стоявшие у меня в глазах. Он схватил меня, я заорала, тогда он, не обращая внимания на людей вокруг, взял меня за затылок и прижал мою голову к своей груди, так что со стороны могло показаться, что мы просто еще одна парочка убитых горем родственников.

Затем я оттолкнула его и заглянула ему прямо в глаза, вложив во взгляд такую силу, что он (я надеялась) пробьет Виктора насквозь, словно пуля, выпущенная из ружья, но он только моргнул в ответ. Еще раз. И еще.

— Что ты с ней сделал?…

Мой вопрос прозвучал не как вопрос, а как обвинение.

— Ничего я с ней не делал, — ответил он. Его обычный ответ.

— Они делают это сами, — закончила я за него. Я чувствовала себя опустошенной, бессильной, никому не нужной. Я знала, что она все еще лежит в палате, но не видела никакого смысла в том, чтобы в последний раз посмотреть на нее. Вернее, на то, что когда-то ею было.

— Я ненавижу тебя, — сказала я Виктору. Он ничего на это не ответил.

В молчании мы ехали обратно в лагерь, потому что больше нам ехать было некуда. С неба лило как из ведра, и весь мир от этого казался своим собственным размытым отражением в стекле. Я села за стол, а Виктор сварил мне черный кофе — такой сладкий, что у меня от него слипались зубы, — а потом сел напротив меня.

Из-за шума дождя и детских криков снаружи казалось, что за окном идет война.

— Что ты ей сказал? — спросила я после долгого молчания.

— Тебе не все равно?

— Все равно.

Затем:

— Нет, не все равно.

Затем снова:

— Да нет, не все равно.

Он наклонился ко мне так близко, что я, сидя с опущенными глазами (веки казались мне такими тяжелыми, что не было больше сил их удерживать), увидела его ладони и запястья.

— Зачем, Виктор? Ты зашел слишком далеко.

— Ты же сама мне говорила, что жизнь — это постоянная игра на повышение. А наша жизнь — тем более.

— Но я не имела в виду такое.

Снаружи раздался такой звук, словно что-то взорвалось. Я выглянула в окошечко трейлера и увидела, что один из детей бросал ржавые детали двигателя в лужу. Со стороны это напоминало фотографию, на которой жертв геноцида хоронят в братских могилах.

— Брось, — сказал Виктор, — мы оба знаем, что так не могло продолжаться вечно. Ты просто все ускорила своим поступком.

— Я? Я думала, речь идет о тебе.

— Ты убила Роллинса у меня за спиной!

— Только потому, что ты убил Кристиана!

— Но это было до того, как мы познакомились! Это случилось еще тогда!

Я заскрипела зубами от отчаяния и гнева.

— Виктор…

— Что? — отозвался он, взял меня за подбородок и поднял мою голову, чтобы я смотрела ему в глаза. На лице у него застыло очень странное выражение, которое я не могла расшифровать.

Я подумала, как здорово было бы впрыснуть ему пентатенола натрия, чтобы посмотреть, как он будет корчиться и пускать пену изо рта.

Я подумала, как здорово было бы выплеснуть стакан полихлороксила ему на шею, чтобы он всосался через кожу в кровь и вызвал бы разрыв сердца.

Или привязать его к кровати и подключить его к капельнице с одним из тех медленных, вкрадчиво действующих ядов, которых я немало разработала на протяжении нескольких последних месяцев.

— Ты сам не понимаешь, что ты натворил.

— Все я понимаю, — сказал он, склонившись ближе ко мне, так что я почувствовала его горячее дыхание. — Она нужна была тебе как оправдание того, что ты делала, Ваня, нужна была для того, чтобы тебе в голову не пришла мысль завязать. Вот и все. Пока тебе приходилось платить за ее содержание, у тебя имелся повод.

— Повод для чего?

— Для того, чтобы выносить все это дерьмо, — ответил он. — Все, чем мир швыряется в тебя. Или швырялся.

Напряжение усиливалось. Я думала о всех ночах, что я провела у изголовья сестры, хотя я и тогда уже понимала, что это бессмысленно. Она никогда бы не поправилась — врачи сказали мне это с самого начала.

— А что мне, блядь, оставалось делать? — спросила я его.

— Успокойся. Пожалуйста, успокойся.

Он сполз со стула, устроился у меня в ногах, взял мою руку. Дождь отчаянно молотил по металлическим стенам трейлера.

— Если стоишь рядом с большой дорогой — сделай шаг и выйди на проезжую часть. Если у тебя есть яд — попробуй сама, прежде чем дать другу. Расскажи мне, что ты сейчас чувствуешь?

— Я чувствую, словно держу в руке заряженный пистолет и не знаю, в кого выстрелить.

— Если у тебя в руке пистолет, просто поверни его стволом к себе. Загляни в ствол — ты увидишь внутри царапины, оставленные вылетевшими из него пулями. Вот и все, что нужно сделать.

Он погладил мое влажное от слез лицо.

— Зачем сдерживать себя? К чему вся эта борьба? Если бы тебя не одолевали эти чувства, ты бы не так сильно уставала от борьбы. Если же тебе приходится тратить столько сил просто для того, чтобы продолжать бороться, тогда к чему все это? Стоит ли оно того? Ради чего ты страдаешь?

Я покачала головой. Ему не удастся услышать, как я рыдаю, как бы он ни старался. Мне часто приходилось сдерживать слезы. Слишком часто.

— Все хорошо, — продолжал он вкрадчиво. — Перестань бороться.

Я вскочила, почувствовав прикосновение холодного предмета: это он попытался вложить пистолет мне в руку.

Внезапно я поняла, куда он клонит, и — самое странное — у меня это не вызвало особенных возражений. Я знала, зачем он все это мне говорит, но я все равно ему верила.

— Пожалуйста, не надо…

Он погладил меня по голове, сомкнул мои пальцы на

рукоятке пистолета.

— Я не заставлю тебя делать ничего против воли.

Ты должна сама принять решение.

— Я знаю.

Пистолет лежал у меня в руке так, словно всегда там был. Я подняла его к свету. У моего отца было много оружия, но это были все охотничьи ружья. Пистолет — совсем другое дело.

Я посмотрела за окно — дождь лил пуще прежнего. Дети убежали, в лагере было тихо, словно его смыло дождевой водой.

— Мне нужно немного воды, — сказала я Виктору. У меня во рту… я не могу…

— Разумеется. Сейчас я тебе принесу.

Он направился в ванную и вернулся со стаканом. Я понюхала воду, опустила в нее кончик языка. Виктор улыбнулся.

— Привычка, — объяснила я и выпила воду залпом. — Тебе никогда не понять, что для меня значила сестра.

Посмотрев на него, я увидела блеск в его глазах и поняла, что он прекрасно понимал, что для меня значила сестра. Именно поэтому он и сделал то, что сделал, — разве могла быть другая причина?

Слеза скатилась у меня по щеке, и на какой-то миг мне показалось, что он опечален не меньше моего.

— Не знаю, смогу ли я, — сказала я.

— Конечно сможешь! — ответил он, снова опустившись на пол рядом со мной. Я слегка развела ноги в стороны, и он стал на колени между ними, положив руку на мое обнаженное бедро. Пистолет был по-прежнему у меня в руке, которую я положила себе на низ живота.

— Я в каком-то оцепенении, Виктор…

Он придвинулся ко мне — так, что я чувствовала его дыхание у себя на шее и видела свое отражение в его зрачках.

— Зачем ощущать себя частью мира, если не можешь на него никак реагировать?

Я улыбнулась, услышав, как Виктор повторяет мои слова.

— Ее больше нет. Она там, где ей лучше. Там, где всегда покой. Ты же хочешь снова встретиться с ней?

Я посмотрела на него, затем кивнула.

— Хорошо, — сказала я. — Хорошо.

Виктор облизнул губы, и в этот момент я наклонилась и начала целовать его, пока он не открыл губы в ответ на мой поцелуй. Он провел руками по моим бедрами, по моему животу, коснулся моего лица и тут я раскусила ампулу, которую положила к себе в рот, пока Виктор ходил за водой, и позволила яду пролиться в наши рты.

Только мгновение спустя Виктор осознал, что что-то не так, а когда понял, то отшатнулся от меня с такой поспешностью, словно между нами взорвалась граната. Слюна, смешанная с темно-лиловой жидкостью, потекла у него по подбородку, но он даже не пытался сплюнуть, настолько все это его застигло врасплох.

— Что это?

— Наверное, ты меня укусил.

— Чушь, это не кровь! — Он вытер подбородок и

уставился на пятна на своих пальцах. — Что это за фигня такая?

Я спокойно ответила:

— Хлоропроксимил. Или, по крайней мере, что-то ему подобное. Действует вроде цианистого калия.

— Господи, Ваня, ты…

— Я же говорила тебе, что мой метод лучше. — Я чувствовала, как желудок начинает реагировать на яд. — Не бойся, будет не очень больно. Поначалу будут судороги, и это очень неприятно, но уже через пару минут…

— Ты глупая сука, ты!..

— Не смей меня обзывать!

— Заткнись, ты понимаешь, что ты натворила? Внезапно он резко согнулся, словно кто-то ударил его в живот, а затем с трудом приподнял голову. Когда он ее поднял, его лицо было уже перекошено от боли.

— Мать твою, ты убил мою сестру! Это сделал ты! — заорала я.

— Я не убивал ее!

Жуткая боль пронзила теперь и мой желудок: словно кто-то схватил мои внутренности и скрутил их узлом. Я чуть было не выронила пистолет.

— Не пори херню, Виктор, — простонала я сквозь стиснутые зубы. — Ты убил ее. Ты много кого убил. Не оправдывайся.

— Но это правда! — простонал он в ответ. Он сделал такое движение, словно хотел вырвать у меня из рук пистолет, уж не знаю зачем. Ему это не удалось. — Я не убивал ее. И она сама себя тоже не убивала! Я разыграл тебя, Ваня…

Я закашлялась кровавым кашлем. Я сплюнула харкотину на ковер.

— Что?

— Я хотел доказать тебе, что могу заставить тебя сделать этот шаг. Я ее даже не трогал. Я не смог даже найти ее гребаную палату!

Моя голова кружилась, словно к ней притекала кровь.

— Виктор… я…

— Сначала я собирался, но потом… я понял, что не могу так поступить с тобой. Ваня, я ничего не вижу!

Что у меня с глазами?..

— Это ХПК. Он проник в твой зрительный нерв…

— Сделай же что-нибудь! — заорал он.

— Я не могу… ничего нельзя сделать…

— Блядь!

Он ударил кулаком по полу.

— Пистолет даже не заряжен!

Я заглянула в ствол. Виктор сказал правду.

— Тупой мудак! Зачем же тогда ты…

— Я не хотел убивать тебя! Я не хотел, чтобы ты убивала себя! Я просто хотел доказать…

Конец его фразы буквально утонул в потоке крови, хлынувшей из его рта. Он рухнул на пол, и через мгновения я рухнула рядом с ним, не в силах больше подняться. Мы лежали рядом, истекая кровью в унисон, словно клоны Ромео и Джульетты.

— Только так… только так все и могло кончиться… — сказал Виктор.

Я попыталась ответить ему, но в горле у меня булькала кровь, словно у жертвы лихорадки эбола.

Потом мне еще показалось, что он сказал «проклятие!», но я не уверена.

Я подползла к нему поближе, перевернула его на бок и приблизила свое лицо к его лицу.

— Теперь уже все равно, — сказала я. — Что вышло, то вышло.

Он взял меня за руку, и в тот же миг я ослепла.

И в абсолютном мраке я начала думать о том, что теперь станется с моей сестрой. Хватит ли у нее сил жить дальше теперь, когда рядом не будет никого, кто пытался бы ее разбудить? Или она сделает решительный шаг? В воду, с карниза. Положит всему конец. Я этого уже никогда не узнаю.

Запустение

Огромное, похожее на скелет сооружение возносилось над пеленой дождя на сто футов с лишком. Нелепое и явно незавершенное, оно навевало тоску. Покидая стройплощадку, она посмотрела сквозь закопченное окно автобуса туда, где за балками арматуры виднелась верхушка здания, похожая на направленный в небо указательный палец.

Она забилась в самый конец автобуса, подальше от товарищей по смене, хотя с разговорами к ней так и так никто особенно не приставал. Дождь колотил по ржавой обшивке автобуса с такой силой, что казалось, будто они пересекают зону военных действий под пулеметным обстрелом. Она теребила повязку у себя на запястье, тыча пальцем в мягкую плоть под ней, чтобы почувствовать боль.

Наконец автобус прибыл на конечный пункт, и рабочие потянулись наружу, забирая из-под сидений личные вещи и инструменты. Она тоже взяла свой рюкзак и вышла из автобуса, не попрощавшись ни с кем.

До сквота было всего лишь три квартала пешком, но она не спешила туда; она нарочно отправилась круговым путем через разгрузочную площадку перед большим складским зданием, а потом через тоннель, проложенный под автострадой. В обход. В обход. Дождь уже промочил ее до костей, но ей было наплевать. Наконец сворачивать было уже больше некуда, и она направилась к старому зданию, в котором жила на курьих правах уже… несколько лет? Она сама не помнила толком. В трехэтажном доме была пара десятков комнат, по большей части совершенно непригодных для жизни. Она достала из кармана ключ и открыла навесной замок, соединявший звенья стальной цепи, после чего отворила окно кухни и залезла в него. Двери дома были наглухо заколочены гвоздями.

Из-за приглушенных завываний ветра и стука дождя место выглядело еще более заброшенным, чем обычно.

«Вперед!» — прошептала она сама себе и сделала глубокий вдох.

Затем бросила рюкзак на пол и медленно направилась к двери, которая вела в узкий главный коридор. Стикеры, оставленные предыдущими жильцами, покрывали его стены, оклеенные видавшими лучшие дни обоями. Кое-где виднелись следы огня. Штукатурка на потолке местами обвалилась, обнажив брусья и балки.

Труп здания медленно разлагался.

— Я здесь живу! — громко произнесла она, потому что поверить в это без некоторой доли самовнушения было непросто.

Она прислушалась к звукам, наполнявшим дом, к гудению водопроводных труб, скрипу половиц, пощелкиванию и жужжанию давно пришедшего в негодность бойлера. Она вслушалась в эти звуки и в тишину между ними.

Как она ни старалась взять себя в руки, но сердце ее стучало все быстрее и быстрее.

Он предупреждал, что она еще не готова вернуться сюда, но она не придала значения его словам. Почему это — еще не готова?

Она стояла у подножия лестницы, вглядываясь в темноту. Лестница казалась переходом на иной уровень реальности, дверью в мир снов. Она начала медленно подниматься по лестнице, глядя себе под ноги, стараясь не думать о том, что в темноте ее, возможно, кто-нибудь поджидает.

Ступенька за ступенькой, ступенька за ступенькой.

Мимо двух комнат с наглухо заколоченными дверями, на которых нарисованы похожие на цветы значки биологической опасности и написаны имена любимых.

Четвертая дверь налево.

Внутри — матрасы на полу, мятые простыни. Пустые бутылки из-под воды. Несколько компакт-дисков.

Перевернутый телевизор, уткнувшийся погасшим лицом в осколки собственного экрана.

Она вошла в комнату, стараясь отделаться от ощущения, что кто-то идет за ней следом.

Может, и на самом деле она вернулась слишком рано.

«Все в порядке», — сказала она себе, машинально потерла запястье и снова ощутила жгучую боль.

Упав на матрас, она почувствовала, как все ее мышцы словно вздохнули с облегчением. Лежать она могла только на боку из-за металлических стержней в спине — остатков того, что прежде было поддерживающим позвоночник сплошным металлическим корсетом. Она посмотрела в сторону окна.

Сначала она решила, что это просто дождь стучит по карнизу или ветви дерева скребут по стеклу, но потом поняла, что у этого звука совсем другая природа. Она отчаянно попыталась затаить дыхание.

Но тут внезапно вспыхнул яркий свет, и перевернутый телевизор тут же начал светиться.

— Нет!

Она с отвращением услышала свой собственный истерический визг, но с этим уже ничего нельзя было поделать.

Шипение эфира постепенно нарастало, словно кто-то вертел ручку громкости на телевизоре, который не был даже включен в сеть.

Ей отчаянно хотелось подняться с матраса, сесть, заткнуть уши — совершить хоть какое-нибудь действие.

Еще одна вспышка, на этот раз яркая, словно небольшой взрыв.

Что-то мелькнуло за окном. Какая-то тень.

Она отвернулась, пытаясь убедить себя, что это все ей только чудится, но, снова посмотрев в сторону окна, увидела силуэт за холодным оконным стеклом, и паника охватила все ее существо, застряв комком в горле. Это была человеческая фигура — зернистая и искаженная, как изображение в неисправном телевизоре.

Она вскочила с матраса и кинулась прочь из комнаты.

Белизна медицинского кабинета резала глаза. Очевидно, его покрасили таким образом, чтобы создать ощущение преддверия Рая.

Лука быстро и умело ввел иглу в ее локтевой сгиб и приготовил следующую.

Она, стараясь не видеть совершаемых манипуляций, смотрела Луке за плечо. Вот ряд из трех кроватей: две были пусты, шторки перед третьей оказались слегка задернуты. Вот сверкающая никелем техника вдоль стен, а вот маленькие окошечки в стене времянки, из которых видно стройплощадку. А вот Лука, прикосновения которого столь легки.

— Стержни не беспокоят?

Он ощупывал поясницу девушки, в то время как она сидела на кушетке, прикрыв скрещенными руками обнаженную грудь.

— Иногда немного больно бывает.

— Вокруг небольшой отек. Надо проверить, в чем дело. А так — ты практически выздоровела. Хочешь снова на работу?

— Я больше не могу лежать в постели.

— Прекрасно тебя понимаю, — сказал Лука, похлопав ее по руке. — Большинство пациентов и на пару часов сюда не затащишь. Так что с тобой мне хоть пару недель… скажем так, не было одиноко.

Она ничего не ответила. Она не могла оторвать глаз от задернутых шторок.

— А как насчет всего остального, Илена? Все в порядке?

Она решила заранее, что ничего не будет рассказывать. Ночь была долгой и тяжелой, она спала урывками на скамейках и на порогах домов, потому что не могла заставить себя вернуться в

сквот. Однако с восходом солнца терзавшее ее дурное предчувствие только усилилось. Это просто приступ паники, успокаивала себя она. Анальгетики искажают восприятие реальности… — Да.

— Это хорошо. Если учитывать, с какой высоты ты свалилась, то оправилась ты поразительно быстро.

— Я ничего не помню, — сказала Илена. — Ничего. Всю ту ночь как из памяти стерло.

— Обыкновенное дело, — успокоил ее Лука. — Кроме всего прочего, ты сильно ударилась головой. В таких случаях легкая амнезия гарантирована.

Когда Лука стягивал с рук хирургические перчатки, Илене всегда казалось, будто он снимает собственную кожу. Она прикрыла глаза, чтобы отогнать от себя эту картину.

— А я бы хотела вспомнить. Понять, что произошло.

Она пристально смотрела на него большими и влажными зелеными глазами, нахмурив, как обычно, лоб.

— Мне нужно знать.

Лука кивнул.

— Твоя смена начинается через пять минут. Может, заглянешь после работы, тогда продолжим эту беседу. Выпьем немного или что-нибудь вроде того.

Аппаратура у него за спиной начала гудеть и попискивать, и тут же за шторкой заворочался невидимый пациент.

— Не знаю, — ответила она. — Может быть.

Со времени ее падения здание стало выше еще на три этажа, причем нижний из них был практически завершен. Илена пробралась на третий этаж, который по-прежнему представлял собой нагромождение стальных балок и несущих опор. Над площадкой, чтобы защитить ее от дождя, был натянут навес из пластиковой пленки. Капли дождя, падая на пленку, производили такой шум, что Илена ничего не слышала, кроме него.

Она зафиксировала на месте стальную полосу при помощи строительного пистолета, а затем завершила дело несколькими умелыми ударами молотка. Вокруг в разных местах виднелось еще несколько строителей: некоторые из них использовали страховочные пояса, другие целиком полагались на собственную сноровку и чувство равновесия. Илена никогда не пользовалась страховкой.

Отложив в сторону пистолет, она направилась к краю конструкции. Откинув пластик, она чуть не потеряла равновесие от сильного порыва ветра, но инстинктивно успела ухватиться за вертикальную опору. Единственное, что удалось ей разглядеть

вниз, на земле, — это красный крест на крыше передвижного медпункта, которым заведовал Лука.

Она закрыла глаза и слушала ветер, представляя, как падает вниз в его потоке.

Тут до нее дошло, что она не знает даже, с какой именно точки свалилась.

Как только смена закончилась, Илена постучалась в двери медпункта. Увидев ее, Лука улыбнулся. — Я бы не отказалась от кофе, — сказала она.

— Когда ты падала, ты сорвала по пути кусок пластикового покрытия, и он сыграл роль парашюта, замедлив твое падение, поэтому, когда я подбежал к тебе, ты была еще жива. Сперва я подумал, что взорвалась бомба — так силен был звук удара, — но потом я выбежал и нашел тебя, с головы до ног упакованную в пленку.

Илена постоянно помешивала кофе и рассматривала свое отражение в коричневом вихре, поднятом ложечкой.

— Ветер отнес тебя в сторону от здания. Мне случалось видеть тех, кого унесло в противоположную сторону, и — поверь мне — это зрелище не из самых приятных.

— С какой высоты я упала?

— С тринадцатого этажа. С самого верха. Вернее, тогда это был самый верх.

— Я никогда раньше не падала. Я всегда работала без страховки.

— Ну, все когда-то случается в первый раз, — улыбнулся Лука.

Подошла официантка с супом. Ее волосы были уложены в высокий ирокез, причем каждый пучок был покрашен в другой цвет, так что в результате официантка сильно смахивала на панкующую Статую Свободы. Облизнув помаду, она спросила:

— Желаете что-нибудь еще?

Лука покачал головой, и девушка вернулась назад за стойку.

— Я ничего не помню.

Лука протянул руку и положил ладонь на ладонь Илены, сжимавшую кофейную чашку;

— Ты сказал, что потеря памяти — это нормально, — сказала она тихо, не поднимая глаз. — А что еще нормально?

— Что ты имеешь в виду?

— Травма головы… какие еще могут быть последствия?

Лука нахмурился и наклонился к ней ближе: — Что ты хочешь сказать? У тебя есть какие-то симптомы?

Отражение Илениного лица в холодном кофе колыхалось,

словно показывая смятение, жившее внутри его обладательницы.

— Я не могу заснуть.

— Бессонница?

Илена покачала головой и резко выдернула руку из ладони Луки.

— Нет.

Лука снова взял ее руку в свою, притянул ее к себе.

— Я вижу… всякое. Но наверное, мне это только кажется.

— Галлюцинации, — сказал Лука, и на этот раз это был не вопрос.

— Не знаю… Наверное… Но они совсем как настоящие.

— Они всегда как настоящие. У тебя часто болит голова? Может быть, стоит тебя тщательнее обследовать.

— Нет, не надо… пожалуйста… Ты и так сделал очень много для меня. Я просто… чувствую, что…

— Что именно? — мягко, но настойчиво переспросил Лука.

— Ужас, — неожиданно сказала Илена и впервые за вечер посмотрела Луке прямо в глаза. — Я чувствую ужас, и я чувствую, что скоро случится что-то ужасное, и я не сумею это предотвратить.

— А что именно случится?

— В этом-то все и дело, что я не знаю. Я не знаю, с чем именно это связано, разве что с местом, где я живу, со сквотом… Но я никак не могу избавиться от этого чувства.

— Ты спала прошлой ночью на улице, верно?

Илена вздрогнула. Лука улыбнулся.

— От твоей одежды пахло мазутом. Рядом с заводами всегда так пахнет, но запах не впитывается в одежду так сильно, если ты просто проходишь мимо.

— Ясно…

Илена туже натянула на себя спецовку, словно сама впервые почувствовала этот запах.

— Ничего страшного, — все с той же улыбкой заверил ее Лука. — Но помыться тебе бы не помешало.

Напряжение Илены пошло на убыль.

— В сквоте водопровод не работает.

— У меня дома есть ванна.

Илена выдержала его прямой взгляд.

— По-моему, тебе не стоит оставаться сегодня ночью одной, — прибавил Лука.

Он медленно обмывал ее кожу, и капли воды мерцали на ней, словно жемчуг при свете свечей. Он ласкал ее шрамы, лечил их своими прикосновениями. Он приносил расслабление ее

напряженным мышцам, возвращал в них пульсацию крови. Медленно, постепенно ужас оставлял ее, смывался теплой водой, стекал вместе с ней в ванну, когда Лука взял Илену на руки и поднял ее. Полотенце, мягкое, как прикосновение его губ, жар двух тел.

Ночь, душная и теплая квартира Луки, путаница влажных простыней.

Она смотрела на «ловушку для снов» свисавшую с потолка, на пестрые перышки на ней, колыхавшиеся так, словно они действительно улавливали сновидения Луки. Она почти видела обрывки его бессознательного, повисшие на раковинах, камушках и косточках, из которых была изготовлена ловушка.

Прикосновения Луки были ей давно знакомыми, она поняла, что запомнила их в бессознательном состоянии сразу после падения, они успокаивали ее и возвращали утраченное, казалось навсегда, спокойствие. Сейчас, впрочем, она выскользнула из его объятий и лежала, слегка отстранившись от него, отделенная несколькими дюймами темноты.

За окном неистовствовала стихия, температура за окном медленно поднималась. Сверкнула молния, и Илена внезапно резко села в постели, испуганно дыша.

Что-то шевелилось за окном.

Большая часть комнаты была погружена в темноту: предметы, заполнявшие ее, с трудом угадывались.

Илена натянула простыню на грудь, пытаясь сдержать дыхание, чтобы лучше вслушаться в звуки за окном.

Там что-то было.

Вспыхнула еще одна молния, Илена подскочила на месте.

За окном мелькнула чья-то фигура и скрылась. Илена задышала тяжело и испуганно, горячий воздух обжигал язык.

Какой-то звук, похожий на шепот… — Нет! — простонала она.

Лука пошевелился в постели. Крупная гусиная кожа покрыла ее с головы до ног. Дыхание перехватило.

— Илена…

Она обернулась и посмотрела на лежавшего рядом Луку. Его рот был закрыт, однако ее имя явно слетело с его губ.

— Илена…

Она почувствовала первобытное желание закрыть глаза, заткнуть уши и таким образом избавиться от страха, хотя понимала всю бесполезность этого. Грудь Луки спокойно поднималась и опускалась в такт его дыханию.

— Илена…

Шепот раздался вновь, и она неуверенно протянула к нему руку, остановившись на расстоянии нескольких сантиметров от его кожи. Лука лежал на боку в позе эмбриона, пот струился по его лбу.

— Лука.

Илена наконец прикоснулась к нему — и отпрянула, словно ее укусили, — так стремительно Лука пробудился. Вспышка молнии вновь осветила комнату, и, когда Лука сделал очередной вдох, Илена заметила, что лицо его имеет зернистую, размытую фактуру.

Это было не лицо Луки.

Вопль сорвался с губ Илены прежде, чем она успела сдержать его. Она соскочила с постели, не удержалась на ногах и рухнула на пол.

Еще одна вспышка молнии, и Илена увидела фигуру, стоящую в углу комнаты, скрестив на груди руки. Изображение подергивалось и искрило, словно искажаемое помехами. Радиоприемник, стоявший на столике возле двери в ванную комнату, внезапно издал громкий скрежещущий звук, перед тем как вновь погрузиться в молчание.

— Хватит! Хватит! — закричала Илена и закрыла лицо руками.

Она почувствовала, что кто-то схватил се и закричал в ответ, но это был уже голос Луки, и когда она подняла глаза, она встретила взгляд его раскосых темных глаз.

— Все в порядке, — повторял он. — Все в порядке. Эта мантра, как всегда, подействовала на нее успокаивающе.

Она позволила Луке обнять себя и, не в силах сдерживаться, громко зарыдала, ощущая, как слезы струятся из ее глаз прямо ему на плечо.

Ее пальцы нащупали на спине Луки какой-то шрам круглой формы, и Лука прямо-таки заскрипел зубами от боли, когда Илена задела это место. Он отпрянул от нее и отвернулся.

— Что с тобой?

Лука передвинулся, чтобы попасть в полосу света, протянувшуюся от окна. На его спине прямо под левой лопаткой виднелась узкая, длиной в дюйм рана, природу которой она сразу же поняла, потому что не раз видела похожие на стройплощадке.

Это был электрический ожог.

Разнорабочие и сварщики низкой квалификации, вроде Илены, работали поденно, поэтому их представление об окончательных форме, размере и структуре всего сооружения ограничивалось знанием того, какое именно крепление им

предстоит выполнить или какую балку установить на предписанное место. Вот и все.

Постройки, вроде той, на сооружении которой трудилась сейчас Илена, казались иногда бесконечными, потому что каждую неделю над уже возведенными этажами появлялись все новые и новые. Последним этажом в настоящий момент был семнадцатый, но, судя по высящейся над ним арматуре, им дело далеко не заканчивалось. Небо над зданием казалось склепанным из стальных листов и, казалось, только и ждало, чтобы его тоже приварили к несущим конструкциям. Илене иногда казалось, что она видит на нем заклепки.

— Осторожно! — сказал один из рабочих, проходя мимо Илены. На руках у него были рабочие рукавицы, он нес тяжелую стальную плиту. На шее у него болталась кислородная маска: на тот случай, если на высоте внезапно не хватит воздуха.

Он исчез прежде, чем Илена успела опознать его. Сделанное замечание удивило ее; обычно говорить подобные вещи считалось неприличным. Неужели он видел, как она потеряла равновесие на краю небоскреба, когда пыталась снова вспомнить свое падение? Каждый день после проведенной у Луки ночи она испытывала непреодолимое желание вновь и вновь приходить на это место, чтобы испытать захватывающее чувство опасности и одновременно защищенности.

Она пошла вдоль балки, слегка расставив для равновесия руки и покачиваясь под порывами ветра, постоянно дующего на этой высоте. Отсюда вагончик Луки был неясным пятном, а красный крест на его крыше, залитый грязной водой, был почти не заметен. Илена снова закрыла глаза, как тогда, и тут же почувствовала, что теряет равновесие. Она быстро подняла руки, и сердце тут же бешено забилось в груди.

Илена подумала, что страх, который все еще гнездился в ней, остался от предыдущего падения, потому что затем, перегнувшись через балку и посмотрев вниз, она не почувствовала ничего, кроме умиротворенности. Первые несколько раз, когда Илена стояла на краю, ей казалось, что она просто не успела испугаться — настолько быстрым было падение. Но теперь она поняла, что ошибалась. Скорее всего, она не испугалась просто потому, что сама желала упасть.

А что, если это был вовсе не несчастный случай?

Она погладила свежую повязку на запястье, под которой скрывалась рана, не желавшая заживать несмотря на все усилия Луки.

Внезапный звук заставил ее подпрыгнуть, и потребовалась вся ее ловкость, чтобы удержать равновесие. Это включился у нее за

спиной радиоприемник, принадлежавший одному из рабочих. Вдалеке на горизонте собиралась гроза, огромные ветвистые молнии ударяли в опоры ЛЭП.

«Достаточно сделать всего один шаг, — подумалось ей, — всего лишь один шаг».

Илена занесла ногу над пустотой.

— Наверное, я все-таки сама прыгнула, — сказала она внезапно в наступившем после соития молчании.

Пот, покрывавший тело Илены, остыл и леденил ее кожу, пока она расхаживала нагишом по комнате.

— Спрыгнула? Разумеется, нет. С чего бы вдруг?

— Не знаю. А другие почему прыгают?

— Дурацкий вопрос. Причин множество.

— Тогда почему ты считаешь, что их не было у меня?

— Ладно, допустим, что были, — сказал Лука, усевшись на край кровати, спиной к Илене. — Но мне просто казалось…

— Вот именно, казалось. Откуда ты можешь знать наверняка, если этого не знаю даже я сама?

— Может, ты все-таки, черт побери, сядешь? — оборвал ее Лука. — Ты не даешь мне сосредоточиться.

— Я хочу выйти на улицу, — сказала Илена, продолжая расхаживать по комнате. Она обхватила себя руками, как вошло у нее в привычку в последнее время, словно боялась, что какую-нибудь часть ее может унести ветром. — Мне нужно прогуляться.

— Я тебе уже, кажется, сказал, что эта идея мне не по душе.

— Ты не можешь, черт побери, держать меня взаперти! — Илена начала расхаживать по комнате еще быстрее. — Я хочу вернуться в сквот. Мне кажется, я уже готова.

— Не смеши меня. Ты что, не помнишь, чем это кончилось в прошлый раз?

— Но это было несколько недель назад!

— Но нервы-то у тебя до сих пор не в порядке!

— Это из-за того, что ты меня никуда не выпускаешь, — процедила в ответ Илена. Остановившись у окна, она выглянула на улицу.

Лука подошел к ней и протянул руку, но она оттолкнула его.

— Я держу тебя взаперти? Не городи ерунды, Илена! Ты можешь идти, куда тебе заблагорассудится!

— Отлично. Вот я и пойду.

Она начала одеваться, натянув на себя свой рабочий комбинезон, который по-прежнему валялся на полу, около кровати. Лука схватил ее за запястье, и она вскрикнула от боли. На повязке проступила кровь.

— О боже! Прости меня, Илена! Я вовсе не хотел…

Она попятилась от него, держась за больную руку.

— Я всего лишь хотел помочь тебе. Вот и все.

— Я пошла, — холодно сказала Илена и захлопнула за собой дверь.

Грозы, как и небоскребы, иногда кажутся бесконечными — теперь Илена хорошо это знала.

Темные облака, затянув все небо, извергали из себя бесконечный поток серебристых струй. Воздух потрескивал от электричества, а Илена быстро шагала по улице, то и дело переходя на бег.

Она смотрела себе под ноги: к ней вновь вернулось ощущение того, что кто-то идет за нею следом, что чья-то чужая воля тяжелым бременем давит ей на плечи. Слезы, бежавшие по ее щекам, смешивались с дождевой водой.

Сверкнула молния, и Илена остановилась как вкопанная, потому что у нее на пути возникла какая-то фигура. Фигура искрилась, словно состояла из атмосферного электричества — призрак, явившийся из телевизора.

— Прекрати!

Схватившись за голову, Илена вновь побежала, все время поворачивая налево. Шлепки ног по мокрому асфальту становились все ближе и ближе. Илена закричала, мышцы ног ныли от усталости, она наткнулась на мусорный бак, который показался ей невыносимо знакомым. Подняв глаза, она увидела в конце улицы знакомый сквот.

— Илена…

Илена подпрыгнула и оглянулась. Никого.

Снова побежала под острыми, словно скальпель хирурга, дождевыми струями.

Отлепила ключ от подошвы ботинка (там она его прятала с тех пор, как переехала к Луке) и открыла навесной замок. Забралась в открытое окно, чувствуя, как что-то задело ее щиколотку — словно пыталось схватить. И вот она уже внутри, там, где шум дождя не так слышен.

Она на минутку прилета на пол, время от времени посматривая в окно, словно ожидая, что кто-нибудь выскочит оттуда и снова схватит ее за ногу. Она промокла до нитки, и когда она встала и пошла по коридору, на полу возник отмечавший ее путь мокрый след.

На этот раз сквот показался Илене скорее убежищем, чем опасным местом.

Она медленно поднялась по лестнице, прошла мимо

разрисованных дверей и зашла в свою комнату. Обернулась.

Нанесенные по трафарету грубые изображения цветов, а под ними — инициалы, вырезанные на досках.

ИД + ВН.

Илена провела по буквам кончиком указательного пальца; ощущение было таким, словно она делала это уже не раз. Ощущение было знакомым, но не более того. Кровь пульсировала в ее висках.

Она проводила пальцем по буквам снова и снова, словно пыталась завоевать расположение недоверчивой зверушки; она надеялась, что буквы что-нибудь поведают ей. Она повторяла это движение снова и снова, пока ее руки не начали трястись от усталости.

— Илена!

За окном сверкнула настолько яркая молния, что Илена вздрогнула.

Чья-то фигура поднималась по лестнице: на этот раз она больше не мерцала и не пыталась раствориться в воздухе.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Илена.

— Я шел за тобой. Я знал, что ты вернешься.

— А куда мне еще деваться?

— Я знаю куда, — произнесла фигура.

— Эти инициалы, — сказала Илена, прикоснувшись к буквам. — Я помню их.

— Это просто инициалы, и ничего больше.

— Это мои инициалы.

— Это сквот. Ты только представь, сколько людей жило здесь до тебя.

— Это мои инициалы, — упрямо повторила Илена.

Мужчина поднялся по лестнице еще на несколько ступеней вверх.

— Я помню, как их вырезала.

— Ничего ты не помнишь. Это тебе только кажется. Тебе хочется, чтобы это было так. После падения…

— К черту падение, Лука, — оборвала Илена врача. — Я на самом деле все помню.

Лука неуверенно остановился на верхней площадке лестницы, закрывая проход.

— Пропусти меня.

Лука не пошевелился; он стоял, положив руки на балюстраду по обе стороны от себя.

— Илена, прошу тебя, вернись ко мне домой! Ты еще не совсем поправилась. Тебе следует успокоиться.

— Пропусти меня! — настойчиво повторила Илена. Лука не

пошевельнулся.

— Ты все еще больна. Позволь мне помочь тебе. Ты мне доверяешь, правда?

Еще одна молния сверкнула за окном, осветив на миг каменную кладку противоположной стены.

— Хорошо, — смягчилась Илена и опустила глаза. — Хорошо, я вернусь к тебе.

— Отлично. Отлично.

Но, как только Лука протянул руку, чтобы повести за собой Илену, та, извернувшись, ударила его изо всей силы локтем в висок, отбросив назад. Лука попытался удержаться на ногах, ухватившись за перила, но прежде, чем он успел сделать это, Илена ударила его вновь — на этот раз стальным носком своего рабочего башмака прямо в нижнюю челюсть — и Лука покатился по ступенькам.

Огромное, похожее на скелет сооружение возносилось над пеленой дождя на сто футов с лишком. Нелепое и явно незавершенное, оно навевало тоску.

Покидая стройплощадку, Илена посмотрела сквозь покрытое сажей окно автобуса туда, где за балками арматуры виднелась верхушка здания, похожая на направленный в небо указательный палец.

Гроза снова привела ее сюда, подальше от сквота и от скопившихся в нем воспоминаний. Подальше от Луки и навязанного им рабства. К точке начала.

Смутное пятно эфирных помех следовало за ней повсюду, но оно больше не пугало ее.

Она перебралась через забор, возведённый вокруг стройплощадки, выбрав для этого место, которое лежало в стороне от маршрута охранников и неподалеку от передвижного медпункта Луки. Медпункт, казалось, наполовину утонул в грязи; его стальные опоры были не видны в темноте. Свет в окнах не горел, дверь была заперта. Илена направилась к окну, с другой стороны которого она недавно часами смотрела на мир. Замок был сломан, и с тех пор, как Илена оказалась в медпункте, его так и не починили.

Она открыла дверь и скользнула внутрь пахнущей антисептиком тюрьмы.

Лука со стоном поднялся с пола. Левую ногу пронзила острая боль, но кость была цела.

Из раны, которую нанесла Илена носком башмака, по лбу струилась кровь, поэтому Луке пришлось хорошенько протереть

глаза, прежде чем он смог что-нибудь разглядеть. Выбив парадную дверь, Лука выскочил под дождь.

Илена направилась прямиком к столу Луки и стоявшему рядом с ним картотечному шкафу, где хранились истории болезней.

Воздух буквально трещал от разрядов электричества. Каждый волосок на ее теле стоял торчком.

Картотечный шкаф был заперт, но за долгие часы, проведенные в медпункте, Илена успела рассмотреть все, и она знала, что ключи Лука прячет в потайном отделении письменного стола. Она открыла картотечный ящик, на котором было написано «А — Е».

Дудикович, Илена.

ИД + ВН.

Лука бежал уже по пандусу, который вел к стройплощадке, когда заметил блеснувший в темноте слева от него фонарик охранника. Перевалившись через ограждение, он упал в мягкую, холодную грязь под пандусом.

История болезни имела зачитанный вид, к тому же от тетрадки веяло каким-то странным запахом. Она положила ее на стол, открыла и быстро пробежала глазами заметки врачей и прикрепленные к страницам фотографии. Снимок ее запястья — рассеченное, кровоточащее мясо. Рентгеновские снимки позвоночника, рук, ног. Несколько снимков ее обнаженного торса, сделанных в то время, когда ее бесчувственное тело лежало на каталке.

Она просматривала рукописные страницы, читала список полученных ею повреждений, пытаясь отыскать среди всего этого информацию о том, где именно она упала и как ее обнаружили.

Внезапно она услышала шум у себя за спиной и обернулась.

Приблизившись к медпункту, он заметил в его окнах свет и замедлил шаг, чтобы не шлепать так громко по грязи. Осторожно взявшись за ручку двери, он сразу же отдернул руку, почувствовав боль, словно от укуса. Посмотрев на палец, Лука увидел на нем ранку, из которой сочилась кровь, обмотал руку рукавом куртки и снова взялся за ручку.

Дверь была заперта изнутри.

Он достал из кармана ключ и открыл дверь, ожидая, что на него с кулаками набросится Илена, но вместо этого он увидел разбросанные по столу бумаги и фигуру Илены, исчезающую в

одном из задних окон.

— Стой!

Хлопанье развевающейся на ветру пластиковой пленки. Воздух, пахнущий стальной стружкой. Холодные струи дождя и рокотание гневного, словно божество, грома.

Илена воспользовалась лестницей-времянкой для того, чтобы взобраться на внешние леса, окружавшие первые несколько этажей небоскреба. Движения ее были ловкими, привычными.

Что-то замерцало в темноте впереди, когда Илена направилась к следующей лестнице, и она начала двигаться медленней, в холодном воздухе дыхание вырывалось плотными клубами пара. Она различила в темноте мерцающую, расплывчатую фигуру. Она ощутила в груди волну тепла, которая начала постепенно распространяться по всему ее телу.

Медленно подойдя к фигуре, Илена протянула ей руку. Призрачная рука сжала ее пальцы.

Они продолжили свой путь уже вместе, преодолевая этаж за этажом, обходя зияющие провалы и торчащие вертикально опоры, преодолевая узкие лазы и пандусы, огороженные по сторонам только натянутой изоляционной лентой.

Именно так все и должно было происходить. Илена осознала, что она уже однажды проделала весь этот путь, ведущий вверх. Ощущение от руки ее спутника то присутствовало, то исчезало, словно реальность так и не приняла окончательного решения, впустить в себя это странное существо или нет. Илена не пыталась рассмотреть его лицо, потому что она прекрасно понимала, что лица у него нет, да, впрочем, она и так знала, с кем имеет дело.

Взобравшись на платформу, выдававшуюся вбок из путаницы лесов, Илена услышала чей-то крик, но ей было все равно. Рука ее спутника крепко сжимала ее пальцы и снова казалась ей теплой и живой.

Воспоминания перемежались друг с другом и с реальностью, словно полосы на телеэкране, и наконец в глазах ее сфокусировался образ, который ей никак не удавалось явственно рассмотреть после падения.

— Еще два этажа, — сказал призрак, и они продолжили восхождение.

Этой ночью тоже шел дождь, и Илена никак не могла понять, что это — часть ее воспоминаний, часть реальности или и то и другое одновременно. Что происходило наяву, а что было лишь воспроизведением уже однажды пережитого?

Когда они наконец добрались до последнего этажа, ей

показалось, что все здание ходит ходуном под ногами. Яростные порывы ветра сорвали по углам пленку, которая выполняла роль временной крыши, и дождь, ворвавшийся в прореху, намочил доски, которыми был застелен пол.

Когда Илена подошла к краю, откуда открывался вид на размытый дождем силуэт города, призрачный спутник обнял ее обеими руками. Разряды электричества, сверкавшие между опорами ЛЭП, казались издали сполохами битвы, разыгравшейся между небожителями.

Он крепко обнял ее, и она закрыла глаза, желая постоянно чувствовать его тело, независимо от того, что ждет их впереди. Так, как было всегда. Так, как было тогда.

Единственное сладкое ощущение в этом дерьмовом мире.

— Крепче! — попросила Илена, и он еще сильнее прижал ее к себе, сдавив грудь, отчего сердце пронзила сладкая боль.

Тело ее словно онемело, и не только холодный дождь был тому причиной.

— Я люблю тебя!

Казалось, сама гроза прошептала эти слова ей на ухо.

— Я тебя тоже люблю! — прошептала она в ответ. И тут он начал таять в воздухе; его крепкие руки, тепло его тела — все это растворялось в пустоте.

Но это совсем не испугало Илену, потому что она знала, куда он уходит.

Она заглянула за край крыши, туда, где внизу вдалеке виднелась грязная земля. Она увидела его там, внизу, и он ждал ее.

Она сделала шаг.

— НЕТ!

Это был Лука, который спешил к ней, спотыкаясь о неровности настила и чуть не падая.

— Илена, не смей!

Она не обратила на него ни малейшего внимания; ее взгляд был прикован к земле.

Лука схватил ее за руку, но Илена отдернула ее и, чуть не потеряв равновесие, была вынуждена ухватиться за вертикальную опору лесов, чтобы не упасть. Только теперь она поняла, как сильно дует ветер, по-тому что не услышала собственного голоса, когда сказала:

— Оставь меня!

— Нет! Я не позволю тебе сделать это!

— Я должна.

— Ничего ты не должна!

Было видно, что он хочет попробовать снова схватить ее, но

боится, как бы вместо этого не столкнуть ее с крыши.

— Прости меня, я должен был тебе все рассказать. Я знал, что должен, но…

— Мы условились, что сделаем это вместе. Такой у нас был уговор.

— Я только выполнял свой долг. Я пытался помочь тебе.

— Ему же ты не помог, — холодно оборвала его Илена.

— Но я ничего не мог поделать! Он был уже мертв, когда я нашел вас! Когда ты очнулась и ничего не помнила, я решил, что скажу тебе позже, но чем больше проходило времени, тем трудней мне было это сделать. Но я все равно собирался!

— Вранье! Ты не рассказал мне ничего, потому что хотел завладеть мной, потому что знал, что тебе никогда не дано испытать ничего подобного тому, что было между мною и им.

Не сказав ни слова, Лука принялся что-то искать у себя в кармане.

— Оставь меня, Лука. Я хочу снова быть вместе с ним.

— Я тебя не оставлю, — ответил врач.

Разряд электричества ударил в крышу небоскреба, зарядив воздух своей пылающей анергией.

Она увидела в руке Луки небольшой отрезок колючей проволоки.

Он подошел к Илене, стоявшей на самом краю крыши, схватил ее за руку и, прижав ее ладонь к своей, быстро начал обматывать колючую проволоку вокруг запястий, связывая себя с девушкой. Именно так поступил раньше он, и точно так же поступил Лука, ибо всему суждено было повториться.

— Это та самая проволока, которой воспользовалась ты, — сказал он и прибавил: — Мне нет никакого дела до того, хочешь ты быть со мной или нет.

Шипы колючей проволоки проткнули насквозь ткань ее одежды, коснулись ее кожи, идеально, словно ключ в замок, войдя в раны, оставшиеся от прошлого раза.

Давление ветра стремилось сбросить их с крыши, швырнуть в пропасть — Лука потянул за проволоку, еще глубже вонзая шипы в плоть Илены, словно пытаясь соединить себя с ней навсегда, навечно.

Воздух искрился от электричества. Всего лишь один шаг. Вот он.

Это была не палата в его медпункте, а какая-то другая, но очень похожая палата. Поскольку он не мог выйти на работу, его медпункт на стройплощадке, скорее всего, закрыли, а самого его разместили в какой-то из городских больниц.

Отдельная палата, серые стены, хотя видно, что когда-то они были белыми; сам же Лука был прикован к ортопедическому столу, металлические части которого поблескивали в свете люминесцентных ламп. Он изучил спицы, вживленные в руки и ноги, — новые части его тела, которые явно находились там уже несколько дней.

Шею его удерживала скоба, которая впивалась в кожу, словно пылкая любовница.

Множественный перелом позвоночника, повреждения спинного мозга, треснувшие берцовые кости, сломанные ребра, раздавленная гортань — и это еще далеко не все.

Ах да, и разбитое сердце!

Лука чуть было не улыбнулся.

Когда он закрыл глаза, он вспомнил казавшееся размытым пятном в темноте, когда они падали вниз, лицо Илены, вспомнил, как яростно впивалась в его запястье колючая проволока. Он помнил все.

Он прислушался к электронному гулу аппаратов, которые поддерживали его жизнеспособность и избавляли от боли, и подумал: «Все это пустяки». Время от времени он пытался расслышать за шумом приборов голос Илены, но пока это ему не удавалось.

Тем не менее она была где-то здесь, где-то рядом. Скрывалась между дождевыми каплями, выжидала.

Врачи дали ему на выздоровление три месяца, но он знал, что ему хватит и половины этого срока. Через полтора месяца он сможет держаться на ногах и ходить. Сколько новых этажей к тому времени обретет небоскреб? С какой высоты ему тогда придется падать?

«С любой», — ответил он на собственный вопрос.

С любой.

Кровеобмен

Женщина лежала на покрытой пластиковой пленкой больничной койке, и вокруг нее расцветали пятна зараженной вирусами крови. Эту женщину нельзя было назвать в полном смысле слова «любовью всей его жизни», но то чувство, которое он испытывал к ней, почти тянуло на это определение.

Он услышал жужжание моторчика камеры системы видеонаблюдения и понял, что, скорее всего, они сейчас следят за ним: ждут, не случится ли чего. Он окинул взглядом палату умирающих и уже умерших пациентов, размытые силуэты которых за задернутыми полупрозрачными пластиковыми шторками казались жирно поблескивающими сгустками эктоплазмы, и снова посмотрел на женщину.

Приподнял ее запястье, перевернул, обнаружив сплетение исколотых вен и воткнутую иглу, к которой шла трубка от капельницы.

Понял, что больше делать здесь нечего.

Женщина стояла на коленях, простиралась ниц, прижимаясь лицом к полу; в ее спину где-то посередине между шеей и крестцом был воткнут катетер. Другой конец его держала в руках тощая, бритоголовая женщина с рубцами шрамов на месте грудей. Она сосала трубку катетера, переводя дыхание в промежутках между глотками.

Николай узнал в ней Валерию Кодченко, с которой его познакомили Амели и Жак в первый же вечер, когда он посетил эти процедуры. Валерии нравилось отчетливо видеть все, что она делает и поэтому она всегда использовала катетер, но Амели… Амели хотела не только видеть, но и чувствовать. Блондинистый юноша, которым Амели кормилась в последнее время, не выдержал и дернулся, когда та впилась губами в свежий разрез на его запястье.

— Это больно? — спросил Николай в первый вечер.

— Разумеется, — сухо ответил Жак. — Если тебе это не подходит, то оставаться тебя никто не заставляет.

Когда Николай заявил, что он останется, Жак выпил одним глотком рюмку водки, которую держал в руках и сказал:

— Ладно, если ты так решил. Только не стой тут как статуя, ты не на пип-шоу. И еще — Амели моя, ее кровь принадлежит мне. Так что попрошу без вольностей.

И он направился к собравшимся кучкой посетителям, на ходу стягивая с себя футболку. Но это было тогда.

А сейчас Николай изучал становившуюся ему все более и более привычной сцену: полуголые и голые тела, мужские и женские, ворованные стойки для капельниц и пластиковые мешки от систем переливания крови, валяющиеся на полу скальпели и использованные куски пластиковой пленки, организмы, соединенные в нечто вроде большой биологической машины. Такой прочной биологической связи не существовало ни между ним и коллегами по работе, ни между ним и любым другим живым существом на земле, за исключением, разве что, кровососущих насекомых. Именно поэтому он возвращался сюда вновь и вновь.

Он держал сидевшую на корточках у его ног девушку пропустив два пальца под надетый на нее собачий ошейник. Девушка отодвинулась от разреза, из которого пила кровь, с трудом встала на затекшие ноги, наградила Николая пьяной улыбкой и лениво вытерла рукою губы.

Внезапно оступившись, она упала на пол, раскинув в стороны голые ноги; за спиной у нее, в полумраке, отбрасываемом осыпающимися стенами пакгауза, стояла Амели в одном нижнем белье и чулках. Пухлые губы ее были ярко-красными. Следы от проколов на ее левой груди и плече отчаянно пытались затянуться свежей коростой. Николай непроизвольно представил, как Жак припадает губами к этим ранам, раздвигая их края пальцами, словно складки плоти у входа во влагалище.

— Не прячься от меня, дорогуша, — сказала Амели.

Тонкое кольцо у нее в носу поблескивало в полумраке, тоже золотое, но не такое теплое, как ее золотистая кожа креолки. Со времени их последней встречи она подрезала свои заплетенные в ямайские косички волосы еще на пару дюймов, так что теперь они торчком стояли у нее на голове.

Процедуре кормления сопутствовала определенная поэзия, невысказанный ритуал взаимного обмена кровью между донором и реципиентом. Николаю понадобилось несколько недель, чтобы понять это и приспособиться к этому ритму, но теперь он чувствовал его всем своим существом, словно пульс.

Он повернулся к ней левым плечом, еще девственно чистым. Амели в отличие от большинства никогда не кормилась из раны, сделанной кем-то другим. Она сделала небольшой надрез под его лопаткой, там, где плоть была мягче, затем лизнула пару раз, впившись острыми длинными ногтями в грудь Николая, и вновь повернула его лицом к себе.

Затем она наклонилась к нему в строгом соответствии с негласным соглашением, чтобы предложить ему аппетитную свежую ранку на своей груди. Амели стояла так близко, что он

чувствовал жар ее тела; свет в комнате померк и их пальцы встретились.

— Твоя очередь, — сказала Амели.

Губы их были приоткрыты, словно губы любовников, приготовившихся к поцелую, но Николай знал, что не имеет права пересечь запретную черту. Он не станет пить ее кровь.

Жак, скорее всего, сдержал бы свое обещание и отлучил бы Николая от посещения церемонии, а тот еще не был готов отказаться от этого удовольствия; кто знает, возможно, кровь вызывает зависимость сродни наркотической?

— Cher, — прошептала она, и он не столько услышал это слово, сколько почувствовал его.

Она еще ближе придвинулась к нему, ухватила рукой за бритый затылок и попыталась притянуть его губы к ране, но Николай не сдавался.

Она потянула сильнее, но тут почувствовала чье-то прикосновение.

Жак стоял у нее за спиной, обхватив ее за талию правой рукой, а левой запрокинув ее голову назад, так что стала видна нежная незащищенная шея. Жак не смотрел на креолку, его взгляд упирался в Николая.

Отпустив голову Амели, Жак прикоснулся к ране, поднес окровавленный палец ко рту и одновременно повернул правую руку так, что выставил напоказ мягкую ткань бицепса, покрытую надрезами. Затем прижал к надрезам открытый рот девушки.

Как только Амели начала сосать, Жак издал свистящий звук: Николай снова оказался предоставлен сам себе.

Рабочие носили прозвище «тараканы», но, хотя их устойчивость к ядам, с которыми они работали, была намного выше, чем у простых смертных, они все же не были совсем нечувствительны к их воздействию. Как и насекомые, в честь которых их прозвали, промышленные чистильщики не были невосприимчивы к вредному воздействию — они просто быстро к нему приспосабливались.

Каждый второй день в течение уже четырех лет Николай вместе с дюжиной своих коллег ползал по вентиляционным шахтам и воздуховодам бескрайних химзаводов и металлургических комбинатов, пытаясь сделать их снова пригодными к использованию. Отскабливая биомолекулярную дрянь со стенок и складывая ее в мешки для биологически опасных отходов, он иногда натыкался на попавших к нему в плен насекомых. За исключением самого Николая и его коллег, это были единственные живые существа, с которыми он сталкивался

на протяжении долгих часов. Но Николай знал, что это — не просто живые существа.

Когда заканчивалась его смена, он покидал цех и вместе со всей бригадой ждал на потрескавшемся и заросшем сорняками асфальте заброшенной автостоянки, когда за ними приедет служебный автобус, предоставленный компанией. Один за другим они забирались в ржавую колымагу, которая отвозила их в центр города. Затем небольшая прогулка пешком до дома по тихим пустынным улицам, мимо недостроенных небоскребов, сожженных машин, погруженных в работу маньяков граффити и с головы до ног покрытых татуировками малолетних шлюх.

Оказавшись в квартире, он вытряхнул на пол пополнение в семействе. Насекомые поспешно помчались к аквариумам, переполненным закованными в панцирь членистоногими, которые клубились внутри черным хитиновым комом. Время от времени Николай гулял между аквариумами, бросая внутрь вместо корма кусочки биологических и химических отходов и громко декламируя стихи русских поэтов, которые вдолбила в него в детстве мать.

— Ну и нора!

Николай обернулся и увидел Амели, сидевшую на его единственном стуле, обхватив ноги руками. На ней не было ничего, кроме длинной шубы и туфель на высоких каблуках.

— Как ты нашла это место?

— Я кормлюсь тобой, Николай. Ты не должен ничего от меня скрывать.

Амели встала, прошлась между аквариумами, кучками сброшенных насекомыми панцирей и высохших трупиков.

— Ты мне никогда не рассказывал обо всем об этом.

Он ощущал себя застигнутым врасплох, чувствовал тараканом, который втянулся в спасительный панцирь, увидев занесенный над ним башмак.

— Что тебе надо?

Амели встала и подошла к нему размашистой походкой, своей обычной размашистой походкой. Ее глаза блестели в полумраке, улыбка играла на губах.

— Я хочу что-то показать тебе.

Они вернулись в госпиталь — в тот самый, где он впервые повстречал ее, в тот самый, где он на нее наткнулся, когда пришел к Жаку сдать очередной анализ. Анализы эти были частью «левых» исследовательских работ с целью установить причины устойчивости тараканов к воздействию ряда химикатов,

точный состав которых так и не был оглашен. Жак проводил исследования в лаборатории в промежутках между своей основной работой. Это давало и ему и Николаю хороший приработок. Кроме того, он вел еще целый ряд исследований для черного рынка. Амели пряталась в кабинете Жака, поскольку ей было нужно алиби после того, как один из менеджеров больницы поймал ее за недозволенным занятием. Жак ловко прикрыл ее от сопровождавшего Николая охранника в штатском, и, когда дверь закрылась, Николай увидел эту женщину.

С тех самых пор мысли Николая были наполнены ею одной, даже тогда, когда он возился с насекомыми. Амели прилипла к нему, как инфекция.

Когда машина остановилась около больницы, Амели переоделась в униформу медсестры, затем провела Николая по безликим коридорам и по железным винтовым лестницам, которыми, как заверила его Амели, почти никто не пользовался. Затем она набрала код на номерном замке, и они попали в другой коридор со смотровыми окнами в стенах, над которыми светились желтые предупредительные знаки.

— Правда, они прекрасны? — сказала Амели, наклонившись к одному из окон. — Я могу любоваться на них целый день.

Николай заглянул в окно, но не увидел там ничего прекрасного — только ряды больничных коек, одни из которых были покрыты пластиковой пленкой, другие — спрятаны за полупрозрачными ширмами. На койках лежали изможденные пациенты, истекавшие кровью изо всех пор кожи с такой скоростью, что казалось, будто они фонтанируют кровью.

— Что с ними? — спросил Николай.

— Вирусная инфекция. В основном здесь жертвы биотерроризма, хотя сюда свозят все опасные случаи без разбора.

Сеть трубочек и насосов безуспешно пыталась собрать всю вытекающую из больных кровь, в то время как новая постоянно поступала из пластиковых мешков, висящих на стойках, установленных между мониторами сердечной деятельности и разнообразными приборами. Пластиковая пленка напомнила ему о куколках бабочек, которые он держал в картонной коробке, и он подумал, что может вылететь из нее наружу, когда в один прекрасный день ее развернут.

— Они при смерти? — спросил он.

— Мы все при смерти, Николай, — тихо ответила Амели и внезапно распрямилась.

Звук шагов.

— Черт! За мной, быстро!

Она потянула его за собой в ту дверь, через которую они

вошли, и успела бесшумно закрыть ее за собой как раз за миг до того, как мимо нее прошли два человека в костюмах биозащиты. Она подала Николаю знак молчать, пока мужчины не прошли мимо, а затем шумно выдохнула.

— Лучше валить отсюда. В лаборатории Жака? В прошлый раз они меня там и поймали. Если они меня поймают снова…

Они прислонились к перилам старой винтовой лестницы. Юбка Амели задралась, и показалась полоска шикарной темной кожи на бедре между краем чулка и белоснежной, как кокаин, тканью.

— У каждого свой бзик, Николай.

Она поцеловала его страстно и быстро, оставив следы помады на его лице.

— Я хочу побывать с тобой, — сказала она, поглаживая пальцами его затылок, — на одном из заводов.

— Тебе нельзя туда. Это очень опасно.

— Я знаю. Именно поэтому, — и Амели заткнула ему рот еще одним пылким поцелуем. Их языки сплелись.

Затем она подвела итог:

— Ты возьмешь меня с собой, cher?

Неделей позже николай лежал на хрустящих простынях из клеенки у себя дома, с небольшим, сделанным острым скальпелем разрезом на груди.

Они снова были одни у него дома, отдыхали после кормления в тишине, нарушаемой только возней и попискиванием насекомых.

Николая застигла врасплох теплая волна, пробежавшая по телу, отрывая его от простыней; мышцы его сократились так, словно он вот-вот должен был извергнуть семя. Амели провела рукой по низу его живота, по сжавшимся мышцам, облизнула рану еще раз, вздохнула, затем сделала надрез на своем предплечье рядом со старыми шрамами и поднесла ему рану.

— А теперь ты… — сказала она.

— Я не могу..

— Cher.

— Но Жак…

— Да пошел он… — сказала она и поднесла рану к губам Николая.

— Не сейчас, — сказал Николай и именно тогда решил рассказать ей все про больницу.

— Так когда?

— На следующей неделе, — сказал он. — Но… ни слова Жаку. Он не должен ничего знать.

— Клянусь, — отозвалась она и с урчанием вновь припала к ране Николая.

Амели пришла навестить Жака в его подвальной лаборатории как-то рано утром перед началом ее смены.

— Где ты запропастилась? Я не видел тебя целую вечность. И тебя не было на последнем кормлении.

— Дела были. К тому же мне не стоит здесь светиться. Форрестер опять меня зацапал возле отделения вирусных инфекций.

— Может, это знак тебе, чтобы ты туда вообще не совалась? — оборвал он ее, открывая шкаф, чтобы достать оттуда оборудование.

— Maudire, ты, видно, не в духе. Чего это на тебя накатило?

— Знаешь, по-моему, он пропитан отравой.

— Кто, Форрестер?

— Не строй из себя дуру, Амели! Ты знаешь, кого я имею в виду!

— Мы тут все пропитаны отравой.

— Амели, что тебе от меня надо?

Амели вскипела.

— Мне обязательно нужна причина, чтобы тебя повидать?

— Дела бывают не у тебя одной.

— Ах вот как! Ну и ладно. Занимайся своими делами. И она направилась к двери, громко стуча каблуками по каменному полу.

— Завтра вечером кормление, — поспешно бросил он ей вслед. — Если тебя это еще интересует.

— Возможно, у меня на завтра другие планы.

— Если завтра тебя не будет, то можешь забыть сюда дорогу. И это после всего, что я для тебя сделал…

— Не смей мне угрожать! Не командуй мной, Жак.

— Это не угроза, это просьба. Этот вонючий таракан тебе не пара.

— А это я уж сама решу, — сказала Амели и хлопнула дверью.

— Сейчас осталось только три палаты. Остальные пришлось сжечь и снести после вспышки.

— А эти почему оставили? — спросила Амели. Она шла по мрачному коридору, время от времени трогая разные попадавшиеся на пути вещи — таблички, обломки приборов, осколки фаянса, кабель, свисавший с потолка, словно пуповина.

— Они были в эпицентре вспышки и поэтому оказались

слишком сильно заражены. Существовал риск при их сносе выпустить вирус наружу. Поэтому их просто загерметизировали.

— А сейчас?

— Сейчас они почти не представляют опасности. Сейчас мы расчищаем ведущий к ним подземный тоннель, но туда я не могу тебя взять. Там слишком опасно даже в твоем костюме.

Обычно от такого заявления желание у Амели только возрастало, но в тот момент она была слишком занята изучением медицинского мусора, наполнявшего полуразрушенную старую больницу. Палаты выглядели почти так же, как в тот момент, когда их запечатали, и если бы она не знала, где они находятся, то могла бы подумать, что расхаживает поздней ночью по отделению вирусных инфекций своей родной больницы. Проходит между истекающими кровью пациентами, прикасается к ним, наблюдает, как темная кровь струится из них непрестанным потоком.

Они вошли в помещение, которое выглядело как операционная и прекрасно сохранилось, несмотря на очевидные следы упадка и запустения. Клейкие ленты, предупреждающие о биологической опасности, струились по полу, словно радиоактивные черви-лентецы, заползали на окна и шкафы, пересекая их наискосок. Амели продолжала подбирать различные предметы.

Перевернутый монитор сердечной активности, экран разбит. Порванный халат хирурга. Осколки пластмассовой посуды и обрывки стерильной упаковки.

— Что ты делаешь? — спросил Николай. Он напряженно следил за ней, ни на минуту не упуская из виду.

Перед началом осмотра он выдал Амели легкий костюм биозащиты и стандартную кислородную маску, которая в настоящий момент свисала на шланге с шеи Амели — с таким комплектом ходил бы по больнице руководящий состав, будь она по-прежнему действующей.

Амели раздевалась.

— У меня в этом балахоне начинается клаустрофобия, — сказала она, стягивая с себя комбинезон и обнажая свою черную, глянцевую кожу жрицы вуду.

— Не смей! Здесь еще полно токсинов!

Слова его таяли в пустоте, мысли плыли. Амели стояла в одном нижнем белье, хлопчатобумажном, почти детском. Кислородная маска по-прежнему болталась у нее на шее, в руке она держала баллон. Ногой она отшвырнула костюм в сторону и легла на операционный стол, свесив с него ногу.

— Иди ко мне, cher, — прошептала она, растягиваясь на

столе.

Взяв Николая за руку, Амели положила ее себе на живот. Татуировка, изображавшая вудуистского духа, вилась вокруг пирсинга на ее пупке и уходила под трусики. В руках у Амели неожиданно оказался скальпель.

— Что ты хочешь от меня? — спросил Николай. Она медленно прикрыла веки.

— Делай со мной все, что хочешь, — сказала она. Где-то неподалеку послышался гул генератора.

Всю смену он думал о ней. Всю смену, день и ночь напролет. Он не спал с тех пор, как они покинули больницу и разошлись в разные стороны. Воспоминание о ее теле врезалось в его память, словно раскаленное клеймо, которым его заклеймили в тот день, когда он стал «тараканом». Он задумался, не связано ли это как-то с кормлением; не впустил ли он ее в свою плоть и кровь, и не живет ли она теперь внутри него.

Его рация шуршала и потрескивала, как бывало всегда, когда все задания на день были выполнены. Несколько минут он лежал в мусоропроводе, который ему нужно было прочистить, благодарный за эти мгновения безмятежности среди окружавшего его безобразия. Он слышал, как шныряют вокруг насекомые, но сегодня ему не хотелось пополнять свой зверинец. Он уже начал выбираться из мусоропровода, как в рации раздался голос бригадира, который потребовал срочно явиться. Он бросил желтый мешок для биологически активных отходов — его подберет вспомогательная группа — и вошел в тот же самый тоннель, по которому они проходили с Амели прошлой ночью. Он мог бы поклясться, что в воздухе по-прежнему ощущался странный аромат ее духов.

Большинство остальных рабочих уже собралось снаружи, они курили и смеялись посреди площадки. Николай стоял, опустив голову, пока к нему не подошел один из сменных бригадиров — человек, который вертел в руках костыль, заменявший ему отсутствующую лодыжку правой ноги.

— Ты Новаков будешь? Николай Новаков?

— Да, — ответил Николай по-русски. Он всегда переходил на русский, когда его называли полным именем, несмотря на то, что помнил язык едва-едва.

— Для тебя тут записка, — и вручил Николаю клочок бумаги, содержание которого подействовало на него как удар под дых.

Она продолжала ругаться и после того, как полицейские получили от Николая залог и освободили ее.

Она ругалась, свободно переходя с одного языка на другой, Николаю даже удалось различить несколько украинских ругательств, хотя он не представлял себе, откуда бы она могла их знать.

— Сукин сын, con! — вопила Амели.

Он с трудом поспевал за ней; район города, который они пересекали, выглядел так, словно его недавно подвергли массированным бомбардировкам.

— Я не могу поверить, что он это сделал! — закричала она, переходя наконец к сути дела. — Я его, суку, уничтожу!

— Может быть, тебе стоит…

Но она пнула и опрокинула мусорный бак, разбросав по улице его гниющее содержимое. Проезжавшая мимо машина налетела на покатившуюся крышку бака, подбросила ее в воздух, и водитель выкрикнул ругательство, словно вторя Амели.

Амели резко остановилась, схватилась за ногу и издала злобное шипение. Сделала два глубоких вдоха и вновь пошла размашистой походкой вперед. Николай пытался не отставать от нее.

— В чем конкретно он тебя обвинил?

— Мне сказали, что я похитила пробу из отделения вирусных инфекций. Но это наглое вранье…

— Если ты не брала этой пробы, то они у тебя ее не найдут. Точка. Он может говорить все, что ему взбредет в голову, но…

— Никаких «но»! Они и не станут искать — ты что, не понимаешь? Они в курсе, что я пробиралась в отделение, и они ненавидят меня лютой ненавистью.

Им просто нужен был повод — и этот ревнивый мудак им его дал!

— Амели…

— Нет, cher, именно мудак! Никто со мной никогда так не поступал!

Николай остановился в надежде, что Амели последует его примеру или хотя бы замедлит шаг. Но этого не произошло.

— Амели! — робко позвал он ее. Его мышцы все еще ныли от работы, а в позвоночник словно впились сотни клешней маленьких крабов.

— Встретимся позднее, Николай. Клянусь! — крикнула она через плечо, отойдя уже почти на целый квартал. Капли дождя стучали по асфальту.

Может, Жак действительно задерживался на работе допоздна, а может, он остался нарочно для того, чтобы насладиться бешенством Амели, во всяком случае, он все еще находился в

лаборатории, когда девушка явилась туда. При этом она как-то изловчилась проскользнуть мимо больничной охраны, которая не так давно вместе с полицией на глазах у всех выводила ее с территории больницы.

Прогулявшись под холодным дождем, Амели замерзла и слегка остыла.

Жак холодно посмотрел на девушку, когда та ввалилась в лабораторию, всем своим видом указывая на дистанцию между ними. Сам он выглядел неважно: красные глаза, серое лицо.

— Что ты тут делаешь? Я же запретил тебе появляться здесь. Или ты что-то от меня хочешь?

— После того, что ты сделал? Ты думал, что от меня так просто избавиться?

— Честно говоря, мне плевать на тебя.

— По-моему, ты лжешь.

— Амели, что ты от меня хочешь? Ты хочешь уйти от меня к своему «таракану»? Вали.

— Слушай, я тебя убить готова на месте, и тем не менее я все же держу себя в руках. Перестань строить из себя саму серьезность.

— Ты обещала мне, что тобой буду кормиться только я.

Гнев Амели немного ослабел, как только она поняла, что в этот раз все не пройдет так легко, как обычно.

— Послушай, не раздувай из мухи слона. Это я кормлюсь «тараканом», а не он мной. Мне просто хотелось узнать, какова у этого урода кровь на вкус. Мне что, уже и поразвлечься нельзя?

Она провела пальцем по спине Жака, и тот почувствовал, как вновь попадает под ее вудуистские чары.

— Я просто хотела попробовать, — прошептала она. — Не дуйся, cher, ты знаешь, что лучше твоей крови для меня ничего нет.

Жак обернулся и посмотрел ей пристально в глаза:

— Тогда докажи это!

Расстегнув рубашку, он обнажил гладко выбритую широкую грудь, испещренную белыми келоидными рубцами.

Амели улыбнулась. Мужчинами так легко управлять. Ее гнев не шел ни в какое сравнение с ее желанием контролировать Жака, заставить его понять, что он не может просто так взять и уйти от нее.

Она взяла скальпель, сделала надрез и приложилась губами к ране. Кровь Жака была на вкус не чистой и холодной, как кровь «таракана», а кислой, но она все равно стала ее пить только для того, чтобы показать, что может это сделать. Затем она положила руку на ширинку Жаку и удивилась отсутствию обычной реакции.

Когда она подняла голову, она увидела, что Жак не закрыл, как обычно, глаза, а пристально и безо всякого выражения смотрит на нее. Амели облизала губы.

— Жак?

Что-то блеснуло в его глазах.

— Это все, Амели? Тогда уходи.

— Что ты сказал?

— То, что сказал. Поразвлеклась, покормилась — и отлично. Мне это все надоело.

— Ты меня затрахал со своими капризами, cher.

— Нет, я даже и не пытался тебя затрахать, cher, — передразнил Жак девушку. — А теперь проваливай к своему долбаному «таракану». Мне на тебя теперь просто насрать.

Амели снова вскипела. Она не могла понять, каким образом так быстро потеряла власть над ним. Она слизнула капельку крови с нижней губы и почувствовала горькое послевкусие во рту после нее. Возможно, горечь была вызвана чувством вины.

— А мне не насрать! И не веди себя так, будто ты сам не развлекался, общаясь со мной, потому что это ложь! Я хотела дать тебе шанс, несмотря на то, что ты поступил со мной как последний мудак, а ты все равно хочешь все испортить. Ну так валяй! Хочешь знать правду? Ты — дерьмо, и у крови твоей вкус дерьма. А у него кровь на вкус как ЖИДКОЕ ЗОЛОТО, дорогуша! Ты слышишь меня?

— Слышу, — спокойно отозвался Жак. — А теперь проваливай.

Амели неожиданно пнула по одному из ящиков с приборами так сильно, что полетели щепки, но Жак даже не обернулся. Гневно мотнув головой, Амели вылетела за двери.

И уже не услышала, как Жак прошептал:

— Прости меня!

Когда Амели вернулась к себе домой, там ее уже поджидал Николай.

— Какого хрена ты здесь делаешь? — закричала она, напуганная тем, что гость увидел ее в таком состоянии.

По тому, как Амели мотала головой, было видно, что она вот-вот взорвется от ярости.

— Окно не было закрыто… С тобой все в порядке?

— Со мной?.. Да, все нормально.

Амели расхаживала из стороны в сторону, положив руку на живот: видно было, что лицо ее искажено гримасой боли. Как он посмел бросить меня?

— Амели?

Она обернулась. Николай стянул рубашку и продемонстрировал ей ярко красный полумесяц, похожий на серп с советского герба, на своем предплечье. Глаза его звали, ждали, приглашали.

Амели направилась к нему не потому, что хотела кормиться, но потому, что хотела прогнать как можно быстрее тягостное ощущение, оставшееся после крови Жака. Она хотела, чтобы Николай вычистил грязный осадок из ее плоти силой своей избалованной ядами иммунной системы, но, не дойдя до него, Амели пошатнулась и схватилась рукой за живот.

В одном спазме она извергла все содержимое желудка — жидкую, кровавую массу.

И это было только начало.

Она лежала на покрытой пластиковой пленкой больничной койке, а цветы зараженной вирусом крови расцветали вокруг нее. Золотистая кожа Амели приобрела стерильно-белый цвет, тонкие руки, покрытые коростами свернувшейся крови, казались руками покойницы.

Прошло меньше недели с того времени, когда она почувствовала первые симптомы заболевания, но ее состояние ухудшалось стремительно. За день до этого визита умер Жак. Он умирал от внесенной себе самому инфекции, медленно и мучительно, в той же больничной палате, через три кровати от Амели. Горечь его крови была вызвана вовсе не чувством вины.

Врачи все еще пытались установить, каким именно вирусом он заразил себя и впоследствии Амели, — была ли это та самая пропавшая проба или культура, которую он купил на черном рынке. Первое было больше похоже на правду, потому что пробу так и не нашли, но, к сожалению, это уже мало что меняло. Амели предстояло умереть прежде, чем они это выяснят, так что единственный смысл этой информации состоял в том, чтобы правильно оформить медицинское заключение.

Врачи в защитных костюмах из Инфекционного центра время от времени, словно призраки, возникали в центральном проходе палаты, по большей части они даже не заходили внутрь. Им было намного интереснее изучать пробы, взятые у пациентов, чем самих пациентов, поэтому, если не считать гудения приборов, в палате стояли тишина и покой.

Николай взял руку Амели; она была на ощупь словно листок провощенной бумаги.

Посмотрев на пластиковые простыни, он снова вспомнил про насекомых и попытался вообразить, как чувствует себя настоящее насекомое, а не человек, который только по прозвищу «таракан».

Если бы они с Амели могли окуклиться, кто знает, может, они вышли бы из кокона обновленными, чистыми и не такими уязвимыми.

Он извлек трубку из горла Амели, удивившись ее длине, и Амели слабо кашлянула.

— Амели?

Она моргнула: глаза ее были наполнены кровавыми слезами. Под воздействием вируса роговая оболочка ее глаз так же кровоточила, как и другие ткани тела.

— Николай?

Шея у Амели почти не двигалась, но она все же повернула голову в его сторону насколько могла. Легкая улыбка скользнула по ее губам — она поняла, где находится.

— Как ты сюда пробрался?

— Они сами мне разрешили. Я объяснил им, что я — «таракан» и что вирус на меня не подействует. Они какое-то время думали, не попадет ли им за это, но сегодня вечером наконец разрешили мне войти.

— А он на самом деле на тебя не подействует? Голос ее звучал как наждак по стеклу.

— Я им так сказал.

— А на самом деле?

Николай замялся.

— Не уверен. И знаешь, отчасти они меня впустили именно потому, что и сами не были уверены и захотели проверить.

Амели издала звук, который, будь она здорова, был бы смехом.

— Бедная морская свинка…

Кровь заструилась наружу из новой прорехи в коже на верхнем предплечье, но вытекать было уже почти нечему, и кровотечение быстро остановилось. Николай вытер кровь салфеткой, которую дал ему врач перед визитом.

— Это сделал Жак, да?

Николай не смог заставить себя кивнуть.

— Зачем ты пришел сюда, Николай?

Он погладил ее по голове, поправил жалкие остатки ее поредевших африканских косичек.

Она снова издала похожий на смех звук.

Николай осмотрелся, нет ли поблизости докторов, и вытащил трубку катетера из ее запястья. Отверстие оказалось на удивление сухим и чистым, кровь в нем — намного более яркая, чем та, что вытекала из нее.

— Что ты делаешь? — спросила Амели.

— Прочищаю тебя, — ответил он, поднося ее запястье к

губам.

— Но ты не можешь…

Он прочищал ее точно так же, как прочищал бы загрязненную отходами трубу или исследовательскую лабораторию. Он мог выжить, но мог и погибнуть. И это могло спасти Амели, а могло и не спасти.

Но это была последняя надежда.

Амели не сопротивлялась, когда Николай приложил свои губы к ее запястью и облизал языком отверстие, чтобы облегчить истечение крови. Он рассек собственное запястье скальпелем, который тайно пронес в палату, приложил разрез к губам Амели — и переливание началось.

Ее кровь замещала его кровь, а его кровь — ее. Бесконечный цикл флеботомии, утонченной страсти, и, хотя мир исчез для них, они сами стали целым миром.

Итак, эту женщину — вместилище взбунтовавшейся ДНК, лежавшее на покрытой пластиковой пленкой больничной койке, — нельзя было назвать в полном смысле слова «любовью всей его жизни», но то чувство, которое он испытывал к ней, почти тянуло на это определение.